

MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE
STUDIES AND TEXTS

volume 15

М. А. КУЗМИН

ПРОЗА

ТОМ II

Berkeley, 1984

MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE
STUDIES AND TEXTS

volume 15

edited by

Lazar Fleishman *Jerusalem*
Joan Delaney Grossman *Berkeley*
Robert P. Hughes *Berkeley*
Simon Karlinsky *Berkeley*
John E. Malmstad *New York*
Olga Raevsky-Hughes *Berkeley*

Berkeley, 1984

М. А. КУЗМИН

ПРОЗА

II

ВТОРАЯ КНИГА РАССКАЗОВ

РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ

ВЛАДИМИРА МАРКОВА

BERKELEY SLAVIC SPECIALTIES

Berkeley, 1984

**Редактор благодарит проф. Фридриха Шольца
(Мюнстер) за очень ценную помощь в подго-
товке примечаний.**

**«Предисловие», «Беседа о прозе Кузмина»,
«Примечания» © 1984 Vladimir Markov.**

PRINTED IN U.S.A.

ISBN 0-933884-42-7

М. КУЗМИНЪ
ВТОРАЯ КНИГА
РАЗСКАЗОВЪ

ПОДВИГИ ВЕЛИКАГО
АЛЕКСАНДРА
ПОВѢСТЬ
ОБЪ ЕЛЕВСИПѢ
НѢЖНЫЙ ЮСИФЪ

К-ВО «СКОРПИОНЪ»
МОСКВА МСМХ

ПОДВИГИ ВЕЛИКАГО
АЛЕКСАНДРА

Валерію Брюсову.

ПОСВЯЩЕНІЕ

АКРОСТИХЪ

Налы стремятъ свой яростный прибой,
А скалы все стоятъ неколебимо,
Летитъ орелъ, прицѣловъ жалкихъ мимо,—
Едва ли кто ему прикажетъ: „стой!“⁴

Разящій мечъ готовъ на грозный бой
И вовъ трубы ввучитъ неутомимо.
Ютясь въ тѣни, шипитъ непримиримо
Безсильный хоръ враговъ, презрѣвъ тобой.

Ретивый конь врываетъ прахъ копытомъ.
Юродствуй, рабъ, поворя Букефала!
Слѣди, кавнясь, за подвигомъ открытымъ!

О летъ царя, какъ яро проввучала
Въ годахъ, вѣкахъ труба немолчной славы!
У ногъ враги, безгласны и безглавы.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ВСТУПЛЕНИЕ.

§ 1. **Н**ѣкоторыхъ къ прославленію подвижетъ добродѣтель излюбленныхъ ими героевъ, другихъ—славные воинскіе подвиги, третьихъ—мудрость, четвертыхъ, наконецъ,—чудесныя событія и знаменія, но, перебравъ всѣ имена прошлыхъ и болѣе близкихъ къ намъ нѣковъ, никого не найти, гдѣ бы всѣ эти достоинства такъ удивительно сочетались, кромѣ Великаго Александра. Я сознаю всю трудность писать объ этомъ послѣ ряда именъ, начиная отъ приснопамятнаго Каллисѣена, Юлія Валерія, Викентія изъ Бовэ, Гуалтерія де Кастильоне, вплоть до нѣмца Лампрехта, Александра Парижскаго, Петра де С. Клу, Рудольфа Эмскаго, превосходнаго Ульриха фонъ Ешинбаха и непревзойденнаго Фирдуси; но желаніе мое не столько

возобновить въ памяти людей немеркнувшую славу Макелонца, сколько облегчить преисполненную восторгомъ душу, заставляетъ меня дѣйствовать какъ богомольцы, которые, шепча слова молитвъ, не вспоминаютъ, какими великими святыми сложены эти пѣснопѣнія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

§ 2. ВЪ древнемъ Египтѣ былъ царь Нектанебъ, кромѣ царской крови отличавшійся мудростью и большими знаніями въ магіи и звѣздочетствѣ. Его войска всегда одерживали побѣду, но никто не зналъ, что во время битвы царь волшбой предопредѣлялъ исходъ сраженій; затворившись въ тайный покой, онъ облакался въ жреческія одежды, бралъ жезлъ и дѣлалъ изъ воска изображенія людей, если битва была на сушѣ, или лодокъ съ воинами, пустивъ которыя въ мѣдный тазъ съ водою, онъ ловко топилъ подъ заклинанья, сухопутныхъ же пронзалъ тонкою иглою. И производимое надъ бездушнымъ и мягкимъ воскомъ чудеснымъ образомъ отражалось на далекомъ полѣ брани. Но однажды, когда гонцы донесли царю

О царѣ Нектанебѣ въ Египтѣ.

о приближеніи новыхъ враговъ, духи воды и воздуха, вызванные искусствомъ вѣнчаннаго мага, объявили, что пробилъ часъ его пораженія и безсильна ихъ власть. Нектанебъ снялъ привязанную бороду и, надѣвъ простую одежду, отплылъ тайкомъ изъ Египта, такъ что когда, непривыкшіе къ пораженіямъ, полководцы вернулись въ столицу, они нашли дворецъ пустымъ, и лишь опрокинутый тазъ, кусочки воска и борода, плавающая въ лужѣ воды, напоминали о недавнемъ присутствіи здѣсь царя. Смятенному народу богъ Сераписъ черезъ свой оракуль отвѣтилъ:

Царь Нектанебъ васъ покинулъ на долгіе годы
Снова воротится къ вамъ, юностью новой одѣтъ.

Эту надпись начертали на статуѣ пропавшаго царя, которую помѣстили въ пустой гробницѣ, и, подождавъ немного, выбрали новаго, временнаго владыку.

§ 3. Межъ тѣмъ, царственный бѣглець, прибывъ въ Македонскую Пеллу, долго жилъ, снискивая себѣ пропитаніе гаданіями и ворожбою и вскорѣ прославился, какъ искусный прорицатель и кудесникъ. Въ той странѣ царствовалъ тогда король Филиппъ, жена-

Объясненіе
Олимпіадамъ съ
магомъ.

тый на Олимпіадѣ, которая была неплодна. Однажды, гуляя въ отсутствіи мужа по дворцовому саду, королева повѣряла свое опасеніе старой вѣрной служанкѣ, какъ бы Филиппъ не развелся съ нею, не имѣя столько лѣтъ дѣтей, на что прислужница ей рассказала о волшебной силѣ пріѣзжаго египтянина.

Послать за нимъ было дѣломъ немногого времени. Придя въ садъ, онъ низко поклонился Олимпіадѣ и, вынувъ изъ-за пазухи золоченую дощечку съ изображеніемъ планетъ цвѣтными камнями, причемъ Гермесу соотвѣтствовалъ изумрудъ, а госпожѣ Венерѣ—синій сапфиръ, долго молчалъ. Молчала и королева, опустивъ глаза въ ожиданіи. Наконецъ, египтянинъ сказалъ:

— Филиппу не разрѣшить твоего неплодья. Только богъ Аммонъ можетъ тебѣ помочь. Готова ли ты на все?

— Говори,—произнесла королева, не поднимая глазъ.

— Я помолюсь, а ты съ покрытой головою ожидай Ливійскаго бога; когда раздастся змѣиный шипъ, вышли всѣхъ вонъ и прими гостя; онъ будетъ съ золотыми кудрями и бородою, золотою грудью и съ рогомъ на лбу. Во время свиданья безмолв-

ствуй. Тогда ты зачнешь и въ урочное время родишь себѣ мстителя и владыку вселенной.

Олимпіада, помолчавъ, остро глянула на кудесника и сказала: «Бойся, если ты лжешь». Поднявъ руки къ уже засвѣтившимся звѣздамъ, Нектанебъ воскликнулъ:—Клянусь!— «Я дамъ тебѣ отвѣтъ завтра». Магъ остановилъ ее, сказавъ:—Необходимо, чтобы и неустанно молился близъ тебя это время; нѣтъ ли тайнаго помѣщенія рядомъ со спальней?— «Тамъ есть гардеробный чуланъ, ты можешь находиться тамъ. Прощай. Никому не говори».

По уходѣ королевы, Нектанебъ сорвалъ гвоздику, прокололъ на ея лепесткахъ имя Олимпіады и, поднявъ цвѣтокъ къ звѣздамъ, долго взывалъ къ бѣсамъ, чтобы они склонили мысли и сердце жены Филиппа къ злѣйшему имъ, Нектанебомъ, обману.

§ 4. Все совершилось по желанію Зачатіе Ахисамары. египтянина, явившагося въ рогатой маскѣ къ безразсудной королевѣ, и такъ много разъ, пока она не почувствовала себя неправдой и стала ожидать короля съ радостью и съ тревогою.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

§ 5. **М**ЕЖЪ ТѢМЪ, король Филиппъ въ дальнемъ походѣ имѣлъ странное сновидѣніе, смутившее его покой. Вавилонскій толкователь, находившійся въ свитѣ, объяснилъ сго такъ, что Олимпіада зачала отъ египетскаго бога. Не очень обрадованный такою новостью, король поспѣшилъ домой, гдѣ встрѣтившія сго служакки сказали, что госпожа лежитъ въ болѣзни. Войдя въ полутемную опочивальню, Филиппъ подошелъ къ супругѣ и сказалъ: «Я все знаю, не огорчайся, волѣ боговъ мы должны покоряться». Олимпіада тихо заплакала, поцѣловавъ руку мужа и не зная въ точности, все ли ему извѣстно. «Позовите сюда астролога»—вымолвила она, наконецъ, и когда вошедшій Нектанебъ далъ объясненія, совершенно совпавшія съ толкованіями вавилонскаго мага, удивленный, хотя и сумрачный, Филиппъ, обнявъ все плачущую супругу, и такъ они просидѣли молча до вечера, когда въ окно глянули нѣжные рога молодого мѣсяца.

§ 6. Такъ королевская чета въ ми-
Чужесныя
именія. рѣ, по безъ радости, ждала при-
ближавшихся родинъ. Королева
была бодра, гуляла по саду съ
дамами и изрѣдка присутствовала на пирахъ,
покуда Филиппъ не напивался допьяна по
обычаю македонцевъ. Однажды Олимпіада,
пробывъ на пиру дольше, чѣмъ ей прилич-
ствовало, была наказана за свое безраз-
судство, такъ какъ упившійся король сталъ
упрекать, что она беременна не отъ него.
Оскорбленная королева поднялась, чтобы
удалиться, какъ вдругъ изъ-подъ пиршес-
твеннаго стола появился огромный змѣй,
подымавшій голову со страшнымъ шипѣніемъ.
Гости повскакали съ мѣстъ, дамы, забывъ
стыдливость, влѣзли на столъ, подбирая
платья, самъ король готовъ былъ закрыть
голову мантией,—какъ вдругъ змѣй, обернув-
шись орломъ, взлетѣлъ на грудь королевы
и, трижды клюнувъ ее въ помертвѣлыя уста,
поднялся къ небу черезъ открытый пото-
локъ залы. Филиппъ, на колѣняхъ, вопро-
шалъ: «кто ты: Аммонъ, Аполлонъ, Аскле-
пій?», межъ тѣмъ, какъ Олимпіада, окру-
женная нестройною толпою дамъ, направи-
лась къ своимъ покоямъ. Никто не замѣ-

тилъ, что это были не болѣе, какъ продѣлки египетскаго выходца.

§ 7. Но другія чудесныя знаменія, не менѣе удивительныя, но уже Знаменіе второе. безъ фокусовъ хитраго мага, увѣрили Филиппа въ замѣчательности близкаго къ появленію младснца. Какъ-то разъ отъ скуки кормилъ король своихъ любимыхъ ручныхъ птицъ; королева вышивала на балконѣ, изрѣдка подымая голову, когда птицы взлетали вровень съ балкономъ и собачка у ея ногъ, настороживъ уши, ворчала и тывкала, пугая шумящія стаи. Королева вскрикнула, когда одна изъ бѣлыхъ птицъ вспорхнула къ ней на шитье и мигомъ снесла яйцо, которое покатилося сверху подъ звонкій лай собачки. Изъ разбитаго яйца выползъ змѣенышъ, медленно обползъ свое недавнее жилище, будто желая снова войти въ него, но лишь только сунулъ голову въ скорлупу, какъ вздрогнулъ, издохши. Королева, перевѣсившись черезъ перила, не обращала вниманія на начавшійся дождикъ, слушая объясненія Антифонта, что сынъ Филиппа обойдетъ весь міръ и, вернувшись домой, умретъ молодымъ. Печально собрала королева свое золотое шитье, уходя ожидать чудеснаго сына.

§ 8. Давно прошли сроки разрѣшенія, а королева все носила свой
Рожденіе
Александра. большой животъ и горько выговаривала Нектанебу, который нарочно задерживалъ роковой часъ, пока не сойдутся благопріятные небесные знаки. Съ утра садилась она на высокій родильный стулъ и даже спала на немъ, плача и жалуясь. Наконецъ, Нектанебъ съ башни крикнулъ: «пора!»—и Олимпіада взревѣла, какъ телка, не помня себя отъ боли, не слыша грома, не видя молніи, сверкнувшей изъ чистаго неба.

Бабка вынула изъ-подъ стула мальчика, не походившаго ни на отца, ни на мать: онъ былъ съ длинными волосами, вродѣ львиной гривы, красенъ, одинъ глазъ внизъ, другой глазъ вбокъ, съ большой головой и прямымъ носомъ.

Таково было рожденіе Александра.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

§ 9. Филиппъ не очень любилъ не
Воспитаніе
Александровъ. похожаго на него мальчика, рыжаго, необузданнаго и своенравнаго, но онъ успокоился на мысли о младенцѣ еще отъ первой жсны, давно

умершемъ, и получивъ предсказаніе отъ Дельфійской Сивиллы, что послѣ него царствовать будетъ великій герой, сумѣвшій объѣздить коня съ воловѣй головой. Въ учителя отроку даны были: книгамъ—Полиникъ, музыкъ—Левкиппъ, геометріи—Мелепъ, краснорѣчію—Аксименитъ, воинскому искусству—военачальники, пѣстуномъ—Леонидъ, кормилицей—сестра Мелантова, философіи — Аристотель. Съ послѣднимъ принцъ проводилъ бѣльшую часть своего времени, гуляя въ числѣ другихъ учениковъ, набранныхъ изъ дѣтей царедворцевъ, по аллеямъ дворцоваго сада.

Аристотель не разъ пророчилъ своему питомцу великую будущность и всемірную славу. Однажды старый философъ обратился къ дѣтямъ съ вопросомъ, что бы они дали ему, если бы стали царями; одинъ обѣщаль то, другой—иное, а Александръ молчалъ, подбрасывая красный кожаный мячикъ. «А ты, принцъ, что бы сдѣлалъ мнѣ?» Тряхнувъ рыжей гривой, тотъ отвѣчалъ: «Что думать о будущемъ? придетъ часъ и ты увидишь самъ, что я найду надлежащимъ сдѣлать». Аристотель поцѣловалъ его въ лобъ и продолжалъ медленную прогулку.

§ 10. Олимпиада беспокоилась за божественного сына и часто заставляла Нектанеба читать въ звѣздахъ все ту же судьбу. Однажды принцъ, заставши египтянина за подобнымъ докладомъ, попросилъ самъ посмотрѣть на звѣзды. Нектанебъ согласился и въ слѣдующую полночь они вышли на городской валъ вдвоемъ. Египтянинъ объяснилъ сыну значеніе свѣтилъ, какъ вдругъ сильный толчокъ заставилъ его свергнуться съ высокаго вала въ глубокой ровъ, а надъ нимъ раздался громкій голосъ принца: «Какъ ты можешь читать далекую судьбу другихъ людей, не зная, что съ тобою случится сейчасъ?» На стоны упавшаго Александръ быстро спустился и, наклонясь надъ отцомъ, спросилъ: «Ты ушибся? Прости мою шутку!»—Ты не виноватъ, твоя судьба была стать отцеубійцей.—«Подлый рабъ, что ты говоришь?»—Я умираю, принцъ, и не солгу тебѣ. Слушай.—И, коснѣющимъ языкомъ, Нектанебъ разсказалъ Александру исторію и обстоятельства его рожденія. Долго смотрѣлъ принцъ при невѣрномъ свѣтѣ звѣздъ въ застывшее лицо мага, не зная, вѣрить ему или не вѣрить; наконецъ, вздохнувъ, взвалилъ тѣло на плечи и понесъ въ покои ко-

ролевы. Та еще не спала и, въ ужасѣ выслушавъ разсказъ сына, безъ стона опустилась въ глубокое кресло. Утромъ объявлено было о несчастномъ случаѣ съ прїѣзжимъ астрологомъ. Черезъ положенное число дней погребли египтянина, по греческому обычаю.

§ 11. Будучи пятнадцати лѣтъ, весною, проходя мимо отцовскихъ конюшенъ, Александръ услышалъ ржанье, не похожее на ржанье другихъ коней.

— Кто это ржетъ такъ ужасно?—спросилъ королевичъ у конюховъ. И, будто въ отвѣтъ, раздалось снова ржанье, такое же звонкое, но нѣжное и прїятное, какъ воркованье горлицъ, отданное далекимъ эхомъ. «Кто это ржетъ такъ прекрасно?»—снова воскликнулъ принцъ, нетерпѣливо сдвигая брови. Конюхи объяснили, что это ржетъ Букефалъ, необъѣзженный конь, питающійся человѣческимъ мясомъ осужденныхъ на смерть преступниковъ и сидящій въ желѣзной конюшнѣ.

Александръ потребовалъ, чтобы открыли огромные засовы, вошелъ въ стойло, полное обглоданныхъ костей, и схвативъ чудовищнаго коня за гриву, поставилъ его прямо глазами въ слѣпящее солнце, вспрыгнувъ

сзади на спину, непривыкшую къ тяжести, и стрѣлой полетѣлъ ко дворцу.

Конюхи съ крикомъ бросились за облакомъ пыли, но конь, весь въ пѣнѣ, стоялъ, кося глазами, съ раскраснѣвшимся всадникомъ, у самаго дворцоваго крыльца, съ котораго спѣшилъ король въ домашней одеждѣ. Спустившись, Филиппъ сталъ на колѣни, воскликнувъ: «Принѣтъ тебѣ, сынъ мой, обузданный коня, владыка міра».

И королева, изъ окна верхняго этажа наблюдавшая эту сцену, конюхи и весь народъ повторили: «Привѣтъ владыкѣ міра». А Александръ, улыбаясь, трепалъ по шее коня, косящагося на яркое солнце.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

§ 12. Александръ, сопровождавшій не
Александръ
на олимпій-
скихъ играхъ.
разъ отца въ недалніе по-
ходы, давно желалъ попытать
свои силы на славныхъ олимпій-
скихъ играхъ. Король не особенно охотно,
но отпустилъ принца съ другомъ его Гестіономъ, связаннымъ самыми нѣжными чувствами съ королевичемъ, снарядивъ особый нарядный корабль. Прибывъ въ Пису,

они узнали, что на состязаніе съѣхалось не мало знатныхъ витязей, какъ Ксанеіи Беотійскій, Кимонъ Коринескій, Клитоманъ, Аристиппъ, Алунфосъ, Пирій, Лаконидъ, но самымъ замѣчательнымъ былъ Николай, сынъ царя Арканскаго. Съ этимъ заносчивымъ юношей у Александра затѣялась ссора почти тотчасъ по высадкѣ на сушу. Встрѣтись съ пріѣзжими на улицѣ веселой гавани, Николай, надменно красуясь, спросилъ: «Вы пришли посмотрѣть на игры?»

— Мы пришли состязаться.—«Ого, вы думаете, это дѣтскія игры?»—Александръ, вспыхнувъ, отвѣтилъ: Я съ тобою готовъ сразиться.—«Я—Николай, сынъ царя Арканскаго»—надменно возразилъ юноша.— А я — царевичъ Александръ сынъ Филиппа Македонскаго. Но что до нашихъ царствъ все преходяще. — «Ты вѣрно говоришь, но понимаешь ли ты свои слова, дитя?» — Больше, чѣмъ ты свои надутыя рѣчи.—И разошлись въ разныя стороны, каждый плюнувъ палѣво. На слѣдующій день Александръ не только выступилъ въ бѣгѣ колесницъ, но даже одолѣлъ всѣхъ участниковъ, а Николай—царевичъ до смерти убился, свергнувшись съ колесницы, зацѣпившейся за обломки другихъ. Македонскаго принца вѣн-

чали побѣднымъ вѣнцомъ, межъ тѣмъ, какъ
Зевсовъ жрецъ изрекъ:

Зевсъ олимпійскій гласить, многихъ враговъ побѣ-
дитель
Будешь ты, чадо судьбы, гордость кичливыхъ
смиривъ.

§ 13. Радостный и увѣнчанный, принцъ
спѣшилъ на родину, гдѣ пера-
Бракъ Филиппа
съ Клеопатрой. достныя новости ждали его. Онъ
узналъ, что въ его отсутствіе
король задумалъ, отпустивъ королеву, же-
ниться въ третій разъ на нѣкоей Клео-
патрѣ, сестрѣ Лисія. На тотъ вечеръ былъ
какъ разъ назначенъ свадебный пиръ. Але-
ксандръ, не снимая вѣнка, вошелъ въ пере-
полненный гостями чадный залъ. Межъ
двухъ свѣтильниковъ на тронахъ сидѣли
Филиппъ и Клеопатра въ вѣнцахъ и тор-
жественныхъ одѣяніяхъ. Принцъ остано-
вился въ дверяхъ со словами: «Отецъ, вотъ
вѣнокъ первыхъ трудовъ моихъ, прими его.
Я счастливъ, попавъ на твой свадебный
пиръ; когда я буду выдавать мать свою,
Олимпіаду, ты, тоже, надѣюсь, не отка-
жешься притти на вечерю». И сѣлъ на-
противъ смущенной пары. Лисій съ мѣста
крикнулъ: «Король сочетается съ благород-

ной Клеопатрой, чтобы имѣть законныхъ наследниковъ»... Онъ хотѣлъ продолжать, но вдругъ откинулся, хрипя, такъ какъ тяжелый подсвѣчникъ, пущенный ловкою рукою Александра, разбилъ ему високъ.

Король съ бранью вскочилъ, путаясь въ мантіи, поднялась Клеопатра, стали на ноги гости и слуги столпились на серединѣ зала. Филиппъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ покачнулся и съ грохотомъ рухнулъ со ступенекъ трона.

Александръ засмѣялся, покрывая шумъ и крики: «Азію покорялъ, Европу въ страхѣ держалъ, а двухъ шаговъ ступить не можетъ!»

Друзья Филиппа и Лисія бросились къ Александру, но тотъ, выхвативъ мечъ у безсильно лежащаго короля, сталъ махать имъ направо и налево, ловко нанося удары и крича: «Удаляйся по-добру по-здорову, незваная матушка, совѣтую тебѣ отъ души». Гости въ страхѣ разбѣжались, роняя свѣтильники, прячась подъ столы, скамейки и по темнымъ угламъ. Испуганная Клеопатра, озираясь на короля и брата, поспѣшила удалиться съ дамами, а Александръ все махалъ мечомъ, покуда не увидѣлъ, что покой пустьъ, въ окна сѣрѣтъ заря и только король

стонеть, разбившись при паденьи. Тогда принцъ, отложивъ мечъ, наклонился къ отцу и промолвилъ: «Зачѣмъ ты, король, задумалъ свершить это злое дѣло?»

Но Филиппъ только охалъ и Александръ, не спрашивая больше, распорядился подать посылки, чтобы перенести больного въ спальню.

Олимпіада въ темномъ траурномъ платьѣ со слезами обняла сына, печалась и радуясь его защитѣ. Цѣлые десять дней ходилъ принцъ отъ короля къ королевѣ и обратно, стараясь растонить ихъ ожесточившіяся скорбью сердца,—и, наконецъ, поцѣловалъ Филиппъ Олимпіаду, съ улыбкою та обвила его шею и Александръ отвернулся къ окну, откуда видѣлись дальнія горы, чтобы не мѣшать словамъ сладкаго примиренья.

Въ народѣ же росла слава мудрости и мужества королевскаго сына.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

§ 14. Александръ теперь и одинъ былъ посланъ укрощать то тамъ, то здѣсь возмущавшіеся города, что дѣлалъ онъ успѣшно или мирнымъ путемъ, благодаря своей муд-

Встрѣча съ
персидскими
посланцами.

рости, или оружіемъ, благодаря своей храбрости. Возвращаясь домой, послѣ одного изъ такихъ усмирений, онъ увидѣлъ на широкомъ зеленомъ лугу палатки какихъ-то людей, ходившихъ поодаль въ длинныхъ одеждахъ, и широкихъ головныхъ уборахъ. Ему доложили, что это посланные персидскимъ царемъ Даріемъ собирать дань съ грековъ. Не отвѣчая, Александръ подскакалъ къ высокому персу съ крашеною бородою и крикнулъ:

— Вы собираете дань царю Дарію?

«Да, господинъ,» — отвѣчалъ спрошенный.

— Такъ вотъ я, Александръ, сынъ Филиппа, короля Македонскаго, говорю царю Дарію: невѣстно элинамъ варварамъ дань платить; пока отецъ одинъ былъ, воленъ былъ дѣлать, что хочетъ, но со мною дѣло иначе надо вести. Не только дани вамъ я не дамъ, но и что переплачено назадъ верну.

И Александръ, поднявъ руку къ солнцу, клялся богами, межъ тѣмъ, какъ персидскій художникъ спѣшно на серебряной доскѣ нѣжными красками дѣлалъ изображеніе златокудраго принца, чтобы отвезти царю въ далекій Вавилонъ.

§ 15. Между тѣмъ, въ столицѣ Филиппа было неспокойно и тревожно. Павзаній, Фессалоникійскій правитель, составилъ заговоръ противъ короля, желая насильно овладѣть Олимпіадой, которой, несмотря на ея лѣта, онъ уже давно досаждалъ своею любовью. И въ одинъ дождливый день, когда король отправился въ театръ безъ королевы, Павзаній и его приспѣшники, наполнившіе почти на половину мѣста, ближайшія къ царскому, рѣшили нанести свой ударъ. По данному знаку, юноша, державшій опахало за Филиппомъ, вдругъ, обнаживъ свой мечъ, поразилъ короля въ плечо, межъ тѣмъ, какъ одна часть заговорщиковъ съ Павзаніемъ бросилась къ помѣщенію Олимпіады, другіе же разсыпались по городу, ища своихъ сторонниковъ и подстрекая равнодушныхъ гражданъ кричать: «да здравствуетъ король Павзаній, смерть египетскому ублюдку!» Отбиваясь отъ наступавшихъ злодѣевъ, друзья съ трудомъ пронесли ранскаго короля во дворецъ. На улицахъ, несмотря на дождь и сумерки завязались схватки, какъ вдругъ пронзительные звуки трубы возвѣстили прибытіе Александровыхъ войскъ, къ радости вѣрныхъ и трепещу измѣнчившихъ

гражданъ. Быстро промчался онъ ко дворцу, оставя войско справляться на улицахъ. Быстро вошелъ въ спальню матери, онъ увидѣлъ королеву въ объятіяхъ Павзанія, безумно ее игъловавшаго. Крики Александра, не смѣвашаго произить кошемъ насильника, изъ опасности поранить мать, не достигали ушей изступленнаго правителя. Все крѣпче сжимая одною рукою королеву, другою пытаюсь сорвать тяжелыя темныя одежды, онъ повалилъ Олимпіаду на полъ, уронивъ высокое кресло и не выпуская своей добычи.

«Рази, сынокъ, рази, не бойся! и меня! не щади мою грудь, вскормившую тебя!»— вопила королева изъ-подъ неистоваго любовника Ринувшись, Александръ за шиворотъ оттащилъ полуобнаженнаго, ничего въ страсти не сознающаго, Павзанія, и, вонзивъ копье въ голый животъ, повернулъ разъ, и два, и три, такъ что тотъ взвылъ, какъ быкъ, шаря руками теплыя груди возлюбленной. Олимпіада, завернувшись въ пологъ, трепанная, кричала: «Не добивай! къ отцу веди его — тамъ убьешь!»—Такъ, королева, — воскликнулъ сынъ и поволокъ полуживаго Павзанія съ высокой лѣстницы за ноги. Въ комнатѣ короля было темно

и пахло зельями; на стукъ вошедшаго принца Филиппъ открылъ глаза, но снова тотчасъ завелъ ихъ. Александръ, подошедъ къ постели, поцѣловалъ руку короля, тихо сказавъ: «Это я, батюшка, вотъ врагъ твой, отомсти!» Глаза Филиппа заблестѣли и, взявъ поданный сыномъ ножъ, онъ слабой рукою пронзилъ его въ полумертваго вассала. Потомъ, закрывъ глаза, улыбулся и, сказавъ сыну: «Боги тебя хранятъ. Я умираю отмищенный»,—вздохнулъ въ послѣдній разъ. Поднеся зеркало ко рту короля, принцъ ждалъ нѣсколько минутъ, потомъ, перешагнувъ черезъ трупъ Павзанія, распахнулъ окно на темную площадь, гдѣ подъ дождемъ чернѣли ждущія толпы, и громко крикнулъ: «Король Филиппъ умеръ отмищенный!»—и громкій кликъ донесся изъ темноты: «Да здравствуетъ король Александръ!»—межъ тѣмъ, какъ зарево отъ зажженныхъ бунтовщиками предмѣстій румянило густыя тучи.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

§ 16. **А**лександрѣ минуло 18 лѣтъ, когда онъ вступилъ на отцовскій престолъ. Проведя надлежащее время въ траурѣ и другое въ пышныхъ торжествахъ коронованія, новый король созвалъ всѣ войска и, полной огня, рѣчью убѣждалъ ихъ сбросить персидскую власть. Онъ собралъ юпошей со всѣхъ городовъ, раздавая имъ оружіе изъ открытыхъ арсеналовъ, не забывая и ветерановъ, какъ опытныхъ совѣтниковъ въ бояхъ.

§ 17. **П**одсчитавъ свое войско, Александръ раньше, чѣмъ двинуться на варваровъ, отправился, оставивъ на это время правителемъ за себя Антипатра, на греческіе города, отложившіеся тогда отъ него, чтобы не оставлять врага въ тылу. Особеннымъ упорствомъ въ непризнаваніи новаго властителя отлича-

лись Фивы, которыя Александръ и разрушилъ до основанія, пошадивъ только домъ славнаго Пиндара, слагателя одъ. И царь велѣлъ своимъ флейтщикамъ и тимпаникамъ громко играть побѣдныя пѣсни, когда разоряли стѣны, созидавшіяся при музыкѣ Амфіона. Закрѣпивъ свою власть въ Греціи, вождь черезъ Македонію направился къ Геллеспонту, чтобы перейти въ Азію. Попутные города встрѣчали его съ открытыми воротами, увѣнчивая побѣдителяго царя вѣнками. Персидскіе развѣдчики у моря, видя Александрову переправу, бросились доносить царю Дарію, что «бѣсноватый» перешелъ Геллеспонтъ; Дарій, занятый въ это время игрою въ шахматы, спуталъ рукою всѣ фигуры, велѣлъ высѣчь сторожей и сталъ собирать войска. Рати встрѣтились у рѣки Граники свѣжимъ утромъ, когда солнце еще не всходило. Греческіе всадники не рѣшались вступить въ неширокую, но быструю рѣчку, обмѣниваясь только стрѣлами и ругательствами, далеко разносившимися; тогда Александръ самъ первымъ ринулся на своемъ Букефалѣ въ стремительный потокъ, увлекая за собою и войска.

Одержавъ побѣду надъ персами, Александръ прошелъ Іонію, Карію, Лидію, Фри-

гію, Памфалонію, забравъ царскія сокровища въ Сардахъ и черезъ Анаптусъ направился въ Сицилію, откуда достигъ Італіи. Воеводы этой страны выслали навстрѣчу герою Марка съ жемчужнымъ вѣнцомъ и дарами. Взявъ у нихъ воиновъ на подмогу, сиона сѣлъ король на свои ладьи и дальше поплылъ по открытому морю.

§ 18. Александру не давала покою мысль о его происхожденіи, но никому не повѣрялъ онъ заботы, ни даже другу сыосму Гестестіону. Однажды, не спавъ всю ночь, легкой дремой забылся король подъ утро,— и видитъ, будто воочью, богъ Аммонъ обнимаетъ королеву Олимпіаду, сладко въ уста ея цѣлуя, и говоритъ къ нему, Александру: «Не бойся, чадо, я—твой отецъ». Когда, проснувшись, король вышелъ на палубу, будто солнце сіяло его повеселѣвшее лицо. Другъ спросилъ: «Что съ тобою, король, сегодня?» Важно обнялъ его Александръ и, лобзая промолвилъ: «Цѣлуешь тебя сынъ Аммоновъ!» а вдали изъ зеленого моря все ближе и ближе желтѣли плоскіе пески и чайки кружились надъ кораблемъ короля. Такъ они прибыли въ Египетъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

§ 19. Александръ новымъ видѣніемъ былъ извѣщенъ, что на этой зем-
Основаніе
Александріи. лѣ долженъ быть основанъ но-
вый городъ, тамъ, гдѣ остано-
вится пораженной первая дичь или звѣрь.
Удалившись отъ моря съ немногими спут-
никами, король долго искалъ взоромъ птицъ
или животныхъ, но все было пусто въ трост-
никахъ и мелкихъ кустахъ, только лужи
отъ недавняго полонодья блестяли на жар-
комъ солнцѣ. Стрѣлокъ ѣхалъ рядомъ, имѣя
стрѣлу наготовѣ. Вдругъ сдержанный крикъ
нозѣѣстилъ желанную встрѣчу и, раздвигая
камышъ, показалась бѣлая какъ снѣгъ ло-
шадь, съ бѣлымъ же рогомъ на лбу. Она
такъ быстро скрылась, что могла считаться
видѣніемъ. Александръ, Гефестіонъ и луч-
никъ устремились за чуднымъ звѣремъ, шур-
ша по гибкимъ болотнымъ травамъ, влеко-
мые то появлявшимся, то исчезающимъ еди-
норогомъ. Первая и вторая стрѣлы не до-
стигли цѣли, упавши въ плоскія озера.
Наконецъ, они выѣхали на открытое песча-
ное мѣсто посреди котораго росъ кустъ

смородины на болотцѣ. Лошадь стояла прямо противъ короля и ржала умильно. Александръ, выхвативъ у подоспѣвшаго отрока лукъ, поразилъ въ лобъ чудеснаго звѣря, который тотчасъ исчезъ. Тамъ македонецъ молился подъ яснымъ небомъ, пока не подспѣли войска съ военачальниками. Тотчасъ отгѣрили площадь будущаго города и направились вверхъ по рѣкѣ, между тѣмъ, какъ Гесфестіонъ съ частью войска остались панимать туземцевъ обжигать кирпичи и наскоро дѣлать временныя землянки изъ ивовыхъ прутьевъ и глины для рабочихъ и ихъ семействъ.

§ 20 . Къ вечеру король достигъ островка, гдѣ находился заброшенный храмъ посреди нѣсколькихъ лачугъ. Никто изъ жителей не зналъ, кого изображаетъ статуя прекраснаго мужа изъ чернаго камня. Жрецъ самъ въ точности не могъ этого объяснить, но едва только Александръ переступилъ порогъ святилища, какъ голосъ раздался:

Трижды блаженъ Александръ, Сераписа храмъ посѣтившій,
Городъ великій создавъ, гробъ себѣ славный создашь.

§ 21.

Александра
въ Египтѣ.

Египтяне встрѣтили Александра ликованіями и торжественными процессіями. На берегъ рѣки вышли вереницы отроковъ и дѣвушекъ, жрецы въ завитыхъ парикахъ, далеко пахнушіе мускусомъ, ісрофоры съ изображеніями боговъ подъ видомъ всякихъ животныхъ и толпы черныхъ загорѣлыхъ туземцевъ. Короля короновали въ древнемъ храмѣ двойнымъ уреусомъ и повели по гробницамъ фараоновъ. Войдя въ одну изъ усыпальницъ и услышавъ, что она возведена въ честь безъ вѣсти пропавшаго царя Нектанеба, король велѣлъ поднять факелы къ лицу изображенія,—и, вдругъ громко воскликнувъ, поднялся по высокимъ ступенямъ, обнялъ статую и, плача, сказалъ: «Это—отецъ мой, люди египетскіе». Всѣ пали ницъ, только опахала возвышались надъ простертой толпой и трубы жрецовъ отвѣчали царскимъ словамъ.

Король, пробывъ дни празднествъ въ столицѣ, забралъ отцовскій кумиръ и мощи пророка Іереміи и снова отправился въ путь на сѣверъ. Орелъ всю дорогу предшествовалъ ихъ кораблю, иногда опускаясь на статую Нектанеба, стоявшую на носу и свѣтившуюся яркимъ топазомъ во лбу навстрѣ-

чу вечерней звѣздѣ. Издали они увидѣли дымъ отъ обжигаемыхъ кирпичей и услышали заунывные египетскія пѣсни надъ мѣстомъ созидаемаго города. Гестіонъ съ факелами ждалъ на берегу, увидавъ съ вышки королевскій корабль.

Принеся жертву богамъ и особенно Серапису и Аммону, давъ первыя установленія поселенцамъ, король снова сѣлъ на ладью, побуждаемый жаждою славы и неусыпнымъ мужествомъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

§ 22. Подойдя къ Тиру, Александръ послалъ пословъ, думая мирнымъ путемъ овладѣть городомъ; но граждане въ отвѣтъ на его письмо повѣсили пословъ передъ городскими воротами и еще крѣпче заперлись въ своихъ бауняхъ. Войдя въ сношенія съ тремя восточными предмѣстьями, Александръ, въ темную ночь, зная ворота заранѣе отпертыми, врасплохъ напалъ на городъ, овладѣлъ имъ, воспользовавшись сномъ и увѣренностью жителей, и перебилъ всѣхъ мужей, оставивъ для рабства женщинъ и отроковъ.

§ 23. Отъ моря высокими плоскогорьями путь лежалъ къ Іерусалиму. Евреи выслали сами вѣборныхъ къ Александру съ просьбою взять ихъ въ подданные и съ дарами.

Александръ
въ Іерусалимѣ.

Александръ наблюдалъ звѣзды, когда ему сказали о посольствѣ; царь принялъ евреевъ въ одеждѣ астролога, холодно и сдержанно, разспрашивалъ о ихъ суевѣріяхъ, объ ихъ желаніяхъ; услышавъ, что они просятъ въ его подданные, король приказалъ четыремъ юношамъ тотчасъ броситься въ пропасть что они, обнявшись, и сдѣлали. Іудеи разорвали свои полосатая одежды и подняли вопль; царь же молвилъ: «не думайте, что эти молодые люди были преступниками, измѣнниками или чѣмъ-нибудь подобнымъ, но взявшіе на себя подчиненіе мнѣ такъ должны исполнять малѣйшее мое желаніе». На утро короля встрѣтилъ въ воротахъ первосвященникъ, у котораго весь подолъ былъ обшитъ золотыми колокольчиками и надѣтъ на грудь Есфудъ съ самоцѣтными магическими камнями: 1) садріономъ вавилонскимъ, краснымъ какъ кровь, цѣлящимъ раны; 2) топазомъ индѣйскимъ, что отъ водянки освобождаетъ; 3) изумрудомъ — отрадою глазъ; 4) ашфраксомъ, сіяющимъ ночью и

черезъ покровы; 5) сапфиромъ, на которомъ начерталь Моисей заповѣди; 6) ясписомъ изъ Амафунта; 7) агатисомъ, усмиряющимъ змѣиные ужалы; 8) іакинсомъ, что тушитъ огонь своимъ пламенемъ; 9) аметистомъ изъ ливійскихъ приморскихъ горъ; 10) хризолитомъ, брилломъ и ониксомъ. Король, спѣшившись, быстро подошелъ къ старцу, и, поцѣловавъ руку, спросилъ: «Отецъ, какому богу ты служишь?» — Единому, создавшему небо и землю. — «Пусть онъ будетъ и моимъ Богомъ!» — воскликнулъ герой, а старецъ, поднявъ руки съ раскрытыми дланями къ небу, произнесъ: «Богъ побѣдъ съ тобою, чадо!». Греческая свита короля находила сго повеленіе не совсѣмъ согласнымъ съ царскимъ достоинствомъ, сврейская же молва разошлась, что побѣдитель оказывалъ всѣ видимыя знаки уваженія къ ихъ суевѣрію, вѣднѣ сго исповѣдуя. Но, конечно это — не болѣе какъ пустая басня.

§ 24. Въ Сиріи Александра встрѣтили

Послы Дарія послы Дарія, неся письмо, мячъ,
 « Александровъ плеть и ящичекъ съ золотомъ.
 отвѣтъ.

Письмо, прочитанное передъ всѣми войсками, было полно надутаго хвастовства и брани: «Я, Дарій, царь царей, богъ боговъ, сіяющій какъ солнце и т. д., Алек-

сандру, рабу моему: ѣхаль бы ты къ матери своей, Олимпіадѣ, лежалъ бы у ея груди да въ школу ходилъ, чѣмъ грабить чужія земли, какъ разбойникъ». Молчаніе, наступившее послѣ наглаго посланія, было прервано голосомъ короля же, громко сказавшимъ: «Боишься ли ты лающихъ собакъ?». Затѣмъ велѣлъ распять пословъ; послы, два перса съ рыжими бородами, и переводчикъ, греческій мальчикъ,—бросились ницъ передъ королемъ, взывая: «Пощади! что мы сдѣлали? въ чемъ наша вина?». Царь, усмѣхнувшись, молвилъ: «Разбойника ли молить о пощадѣ?»—Мы видимъ царя!—лепетали тѣ. «Да, цари пословъ не казнятъ!», будто что вспомнивъ, громко сказалъ Александръ, и, опустивъ голову, пошелъ на ужинъ, куда велѣлъ привести и пословъ. Мальчикъ-переводчикъ шепталъ, наклоняясь къ уху короля: «Царь, я скажу тебѣ, какъ ты можешь захватить Дарія. Твоя красота покорила меня». Александръ, отстранивъ его, сказалъ: «Не говори мнѣ твоей тайны, сбереги ее для кого-нибудь, болѣе красиваго, чѣмъ я». На пиру же, съ одобренія военачальниковъ, писалось и отвѣтное посланіе: «Александръ, сынъ Филиппа и Олимпіады, царю царей, богу боговъ и т. д. Дарію—радоваться.

Подумай, какая честь мнѣ тебя побѣдить!
А разбойника умирить заслуга не велика!
И подарки твои—очень хороши. Мячъ—
земной шаръ, плеть—побѣду означаетъ,
злато—дань». Всѣ громкими криками при-
вѣтствовали отвѣтъ короля, стуча кружкой
о кубокъ и копьями объ полъ.

§ 25. Дарій снова написалъ посланіе къ
Александрѣ, еще напыщеннѣе, но
Битва и бѣгство
Дарія герой только тряхнулъ гривой, ска-
завъ: «Дарій подобенъ бубну: изда-
ли—страшенъ, вблизи—одна натянутая шку-
ра». Перейдя черезъ Киликійскій Тавръ и дой-
дя до Тарса, враги встрѣтились снова у рѣки.

Изъ греческаго лагеря была ясно видна
высокая колесница персидскаго царя. Дарій
помѣстилъ всѣ лучшія силы на крыло, про-
тивупоставленное тому крылу, гдѣ предпо-
лагалъ находящимся Александра. Сраженіе
длилось почти до вечера, при чемъ была та-
кая тѣснота, что почти нельзя было въ
общей свалкѣ отличить перса отъ грека,
солдата—отъ начальника; лошади бились съ
распоротыми животами, оглушающій ревъ
трубъ и стукъ персидскихъ повозокъ уси-
ливали общее смущеніе и неустойчивость.
Скоро вся земля была покрыта живыми и
павшими людьми и животными, сломанными

и мчавшими колесницами, лужами крови, и тучи, закрывавшіе солнце, казались еще мрачнѣе отъ множества копій и стрѣлъ, разносящихъ смерть во всѣ концы поля. Король не сводилъ глазъ съ колесницы Дарія, пока она вдругъ неуклюже не повернула и, сначала медленно, потомъ все быстрѣе и быстрѣе, не стала направляться въ сторону отъ поля сраженія. Александръ съ нѣсколькими друзьями бросился туда же, отражая обратившихся въ бѣгство персовъ. Повозка, сильно накренилась при поворотахъ, ѣхала быстро, скрипя колесами безъ прорѣзовъ. Дорога шла въ горы, все круче и безлюднѣе; шумъ внизу затихалъ. Александръ слышалъ уже фырканье Даріевыхъ коней и, наконецъ, достигъ; остановивъ лошадей, не спѣшиваясь, онъ взялся за ковровый пологъ, говоря: «царь, не бойся, ты въ безопасности; я—Александръ». Толстая, круглая голова высунулась изъ-за полога и снова спряталась; король, подождавъ нѣсколько времени, повторилъ свое увѣреніе, которое оказалось снова напраснымъ. Наконецъ, зажегши факелъ, слуги широко откинули полы ковра. Закрывши лицо руками, на колѣняхъ сидѣли три женщины. Король самъ открывалъ ихъ лица: первой

оказался свнухъ, ломаннымъ греческимъ языкомъ и жестами объяснившій, что Дарій скрылся верхомъ, а что эти женщины— мать и дочь персидскаго царя; вторую называлъ Датифартой.

— Принцессы, надѣюсь, вы довѣряете моему благородству? Дома не встрѣтилъ бы васъ такой почетъ, какой васъ ждетъ у меня,—сказалъ король, снимая шлемъ съ рыжей гривы.

Старая царица казалась оглохшей, но Датифарта откинула бѣлокурые въ мелкихъ косичкахъ волосы, улыбнулась, взяла руку Александра, прижала ее къ своему сердцу, потомъ указала на молодой двурогій мѣсяцъ, пролепетавъ что-то нѣжнымъ дѣтскимъ голоскомъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

§ 26. **М**Ежду тѣмъ какъ Дарій собиралъ второе войско, чтобы поразить Александра, король направился къ морю посѣтить мѣста, прославленныя Гомеромъ. Все внимательно осмотрѣвъ и надивившись славнымъ развалинамъ, король на гробницѣ Ахиллеса самъ, принесъ жертву вмѣстѣ съ Гефестіономъ

Александръ
на гробѣ
Ахиллеса

своимъ другомъ. Затѣмъ, помолившись въ храмѣ Орфея, сталъ въ свою очередь готовиться къ новому бою.

§ 27. Однажды, выкупавшись въ холодной водѣ Кидноса, Александръ простудился и слегъ. Когда позвали врача Филиппа, король полусидѣлъ въ кровати, раскраснѣвшися и читая какое-то письмо.

Вѣрность
Филиппа.

Мелькомъ взглянувъ пламеннымъ окомъ на вошедшаго, Александръ продолжалъ читать, пока врачъ толочъ и мѣшалъ свои зелья. Наконецъ, Филиппъ протянулъ чашу королю; тотъ, зорко на него посмотрѣвъ, воскликнулъ: «Какое ловѣріе, Филиппъ!» и сталъ медленно пить, не сводя глазъ со спокойнаго лица лѣкаря. Затѣмъ, откинувшись на подушки, онъ далъ Филиппу прочесть доносъ Парменія, будто королевскій докторъ подкупленъ, чтобы отравить Александра. Выздоровѣвъ, король еще болѣе приблизилъ къ себѣ Филиппа, совершенно отдаливъ Парменія.

§ 28. Пройдя Мидію и Арменію, безводными пустынями достигнулъ король Евфрата, источники котораго скрыты въ чудесномъ Раю. Перегнавъ обозъ и самъ перейдя во главѣ

Приготовилъ
къ битвѣ.

войска, Александръ приказалъ разрушить мосты, о чемъ Дарію тотчасъ же было до-несено. Царь персидскій разослалъ гонцовъ къ своимъ воеводамъ и союзнымъ владыкамъ, но только одинъ индійскій Поръ обѣщалъ свою помощь. Старая мать писала изъ плѣна, какимъ почетомъ и уваженіемъ она окружена и молила не возмущать вселенную. Дарій заплакалъ, такъ какъ только что онъ отправилъ королю Александру посланіе, полное самаго непередаваемого отчаянья, гдѣ отказывался отъ плѣнныхъ родственницъ, предоставляя самому королю ихъ судьбу. Александръ, разсмѣявшись, ничего не отвѣтилъ на это безумное посланіе, и сталъ готовиться къ битвѣ.

§ 29. Король тщетно искалъ кого-ни-
Александръ
изъ персидскомъ
лагерь
будь кто бы вызвался пойти въ ставку Дарія. Ночью онъ привязалъ на рога козъ зажженные вѣтви и, подогнавъ ихъ къ вавилонскимъ стѣнамъ, воспользовался страхомъ стражи, чтобы осмотрѣть снаружи громаду города. Тройной рядъ стѣнъ, мѣдныя высокія башни и ворота безмолвствовали; только слоны изнутри ревели на зарево, да разбуженные голуби стася взлетывали къ чер-

ному небу. Задумчиво оглядѣлъ король диковинныя стѣны и, вернувшись, объявилъ, что къ Дарію посломъ пойдетъ онъ самъ. Напрасно совѣтники старались отклонить короля отъ его рѣшенія, какъ отъ сумасбродной затѣи, — Александръ, взявъ Евмила и трехъ лошадей, самъ, одѣтый на подобіе Гермеса, направился къ рѣкѣ Странгѣ, тогда покрытой льдомъ; тамъ онъ оставилъ Евмила съ двумя конями, самъ же на Буксфалѣ переправился на ту сторону, крикнувъ: «Аммонъ — мнѣ помощникъ!» Персидская стража, окруживъ Александра, принимала его за божественное явленіе и провела во дворецъ, гдѣ Дарій въ вавилонскихъ одеждахъ, злаченной обуви, въ багряницѣ, со скипетромъ и жезломъ, возсѣдалъ на сіяющемъ тронѣ. Всѣ удивлялись небольшому росту Александра. Дарій сказалъ нѣсколько усталымъ отъ вина голосомъ. «Кто ты мальчикъ?»

— Я—посолъ Александра.

— «Что скажешь?»

— Александръ рвется въ бой и досадуетъ на твою медлительность.

Брови царя сдвинулись, но громко разсмѣявшись, онъ сказалъ: «Пусть досадуетъ, а мы пока попируемъ: Дать ему чашу!» Александръ, спрятавъ одну чашу въ

складкахъ хламиды, протянулъ руку за другою. Дарій сочно смѣялся. «Лонко! а та гдѣ же, первая?»—Король Александръ всегда даритъ чаши, когда пируетъ съ друзьями!—Художникъ персъ на ухо шепталъ царю Дарію, что это—самъ Александръ, съ котораго онъ когда-то писалъ изображеніе. Царь кивалъ головою, соглашаясь и засыпая; но рядамъ гостей пронесся шепотъ: «самъ Александръ», но король, подойдя къ высокому окну, отвѣтилъ: «Да, я—схожъ видомъ съ богоподобнымъ героемъ, но вы ошибаетесь», потомъ, вдругъ поднявшись на подножіе статуи Ксеркса, прокричалъ: «Царь Дарій, смотри хорошенько на меня, чтобы въ битвѣ не пропустить Александра», и, отпихнувшись отъ статуи, рухнувшей на столъ, разбивая обломками кубки и чаши, скрылся черезъ высокое окно.

Пьяные персы, ругаясь, сѣдлали лошадей въ темнотѣ, но, не догнавъ легкаго грека, доносили сидѣвшему надъ обломками отцовою статуи Дарію самыя невѣроятныя извѣстія объ исчезновеніи Александра.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

§ 30. Слѣдующая битва произошла
вскорѣ у рѣки Странга, зимою;
Битва оба вождя собрали какъ можно
больше войска, говорили самыя
замѣчательныя свои рѣчи. Дарій былъ на
удивительной колесницѣ съ серпами около
колесь, которыми она жала всѣхъ прибли-
жавшихся. И такихъ сооруженій былъ цѣ-
лый отрядъ. Битва была кровавѣйшая; небо
темнилось стрѣлами, камнями и дротиками.
Серпоносныя персидскія колесницы, обра-
тившись въ бѣгство, рѣзали своихъ же
солдатъ, которые, пща послѣдняго прибѣ-
жища на льду рѣки, нашли тамъ оконча-
тельную себѣ гибель, такъ какъ, не вы-
терпѣвъ тяжести столькихъ людей и лоша-
дей, ледъ проломился и всѣ покрылись
вдругъ открывшейся черной шумящей во-
дою. Дарій на берегу разодралъ свои одежды
и спѣшно направился ко двору, гдѣ, за-
першись въ далекомъ покоѣ, бросился на
полъ, плача какъ дитя: «Дарій, Дарій —
нищій бѣглецъ, недавно властитель міра!»
Приближенный Дарія, Авистъ, неудачно
покушался на жизнь Александра, переодѣв-
шись македоняниномъ, но былъ отпущенъ

на свободу великодушнымъ королемъ. Александръ велѣлъ погребать тѣла павшихъ грековъ и персовъ, собираясь перезимовать въ Вавилонѣ, славномъ немалыми диковинами.

§ 31. Другіе два приближенныхъ Дарія, желая сдѣлать пріятное Александру, какъ вѣроятному побѣдителю въ этой борьбѣ, рѣшили

Смерть
Дарія.

убить царя; однажды ночью, проникнувъ въ царскую спальню, они напали на Дарія, но онъ голыми руками такъ оборонялся противъ двоихъ, что, не осуществивъ своего позорнаго намѣренія, вельможи скрылись, оставивъ недодушеннаго царя стонать въ темномъ покоѣ. Едва Александръ узналъ о заговорѣ и убійствѣ Дарія, какъ тотчасъ, льдомъ перешедши рѣку, направился къ его покою. Царь лежалъ на полу посреди комнаты, носившей всѣ слѣды недавней упорной борьбы, еле живой. Александръ покрывъ его своей хламидой и, сжимая костенѣющія руки, шепталъ: «Дарій, встань, живи, царствуй въ твоей странѣ».

Дарій, остановивъ на королѣ свой блуждающій взглядъ, еле слышно пролепеталъ: «Смотри, чѣмъ сталъ я; тѣнь, мелькнувшая на стѣнѣ, вотъ слава; помни, помни!..» Александръ, закрывъ лицо Дарія

плащемъ, поскакалъ обратно. Въ Вавилонѣ, осмотрѣвъ всѣ дѣловина, погребя Дарія, распявъ на его гробѣ его убійцъ, Александръ короновался и вскорѣ отпраздновалъ свадьбу съ Роксаною, достигнувъ, казалось, верха человѣческаго счастья.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

§ 33. **З**има, проведенная въ мирѣ и бездѣйстви, удручала Александра смутною и неопредѣленною тоскою и часто, уже весною, сидя на террасѣ съ другомъ своимъ Гестіономъ, вздыхалъ король о дальнихъ походахъ. Похваливъ такое стремленіе, другъ посоветовалъ королю отправиться къ востоку въ Индійское царство, черезъ пустыни, имѣя путеводителями небесныя созвѣздія, звѣздные хороводы. Поцѣловалъ король друга и пошелъ къ королевѣ Роксанѣ. Королева сидѣла у окна, ничего не дѣлая, скучая холодностью Александра, ибо, хотя и считалась она королевской супругой, но пребывала дѣвой къ большой своей досадѣ. «Что вамъ, король, угодно?»—спросила она, не

Странствованіе
по пустыни.

оборачивая къ супругу своего широкаго, ярко нарумянскаго лица. — Мечъ мой и походный плащъ ищу я, госпожа королева, — отвѣчалъ Александръ. «Развѣ вы собираетесь въ новые походы?» — не отводя глазъ отъ росписныхъ стеколъ, продолжала Роксана. — Да, госпожа. — «Не худо бы вамъ раньше было предупредить меня, чтобы я могла вышить вамъ что-нибудь на память». — Вы и такъ будете царить въ моей памяти! — Королева походила по комнатѣ и вновь обратилась къ супругу: «Что слава? не дымъ ли? Вамъ нужно бы имѣть сына, какъ достойнаго наследника». И она опустилась на полъ у ногъ героя. Александръ долго не отвѣчалъ, улыбаясь и перебирая кудри Роксаны; потомъ вымолвилъ: «Госпожа, вышей мнѣ побѣдную мантию, приноси жертвы богамъ, намъ же оставь рѣшать наши мужскія дѣла». Король вышелъ быстрымъ шагомъ изъ покоевъ королевы, а та долго сидѣла въ тьмѣ, сжимая руками високъ, поцѣлованный супругомъ, не слыша трубъ и ржанія коней, стука пикъ и глухихъ ударовъ въ бубенъ. Пуста была темная площадь, когда Роксана глянула въ окно и, засвѣтивши небольшую лампу, сѣла за шитье, роная зтыя, скупая слезы.

§ 32. Войска смутно знали, куда они
идутъ, военачальники тоже, и
Прощаніе
съ Роксаной. только увѣренность безоблачнаго
царскаго чела удерживала отъ
явнаго ропота. Водимые звѣздами восемь
дней, блуждали они въ безплодной пусты-
нѣ; наконецъ, пришли въ плодовые лѣса,
гдѣ жители были подобны звѣрямъ, и въ
травяную страну, гдѣ вмѣсто собакъ у до-
мовъ пѣпями держались блохи и жабы, и
въ болотное мѣсто, гдѣ лаяли безстыдные
жители, обращенные въ бѣгство только ог-
немъ. И дальше шли, дивясь чудесамъ, гри-
фонамъ, нѣмымъ племенамъ, полусобакамъ,
одноглазому тигру, живущимъ въ огнѣ са-
ламандрамъ, дереву, къ вечеру испускающему
благовонную слезу, шестиногимъ, трехгла-
зымъ пардусамъ. И изъ теплаго тумана нѣж-
ные, но строгіе голоса пѣли: «Остановись,
король, остановись». Но Александръ внятно
въ тишинѣ произнесъ:—«Хочу видѣть край
земли!» И снова дальше пошли, заглушая
усталость и ропотъ любовью къ царю. На-
конецъ, теплый и густой туманъ извѣстилъ
ихъ о близости моря. Моря не было видно
въ розовой мглѣ, но видны были чуть мер-
цающіе фонари на мачтахъ суденъ. Король
взошелъ на незнакомый никому корабль и

тронулся, пѣня густую, еле шипячую влагу. Слѣва видѣлся будто лѣсистый, высокій островъ, откуда неслись греческія слова, но говорившихъ не было видно, а смѣльчаковъ, пустившихся вплавъ достигнуть чудснаго берега, невидимыя руки вновь увлскали въ пучину. Наконецъ, туманъ такъ сгустился, что казался порфировой стѣною, и король принужденъ былъ вернуться къ берегу. Долго стоялъ Александръ у туманнаго моря и, потомъ, вздохнувъ, направился въ глубь страны.

§ 34. Вскорѣ достигли они темной страны, безъ зари, солнца и мѣсяца, гдѣ чаяли быть странѣ блаженныхъ. Чтобы не потерять пути во мракѣ, разлучили ослицу съ осленкомъ и, пустивъ первую впередъ, второго держали передъ войсками, чтобы вестись криками матери. Но странный свѣтъ озарялъ подземную дорогу приглядѣвшимся путникамъ. Встрѣчные предметы видѣлись имъ сѣрыми и неопредѣленными, будто въ просонкахъ. Скоро они вышли на печальное холмистое мѣсто; вѣтеръ слѣва наносилъ тяжелый смрадъ и ослица кричала вдали еле слышно. Летучія мыши, проносясь надъ самыми головами, казалось, шипѣли: «свер-

Область
мрака.

пиге налѣво». Путники скоро нашли озеро, все наполнено людьми, такъ что воды даже не было видно, а только головы, плечи и руки. Изъ-подъ земли доносились вопли и стenanія, будто въ бурю изъ трюма корабля. Но всѣ голоса покрывалъ крикъ гиганта, прикованнаго къ острой скалѣ; за пять дней пути былъ слышенъ этотъ вопль. Встрѣчались имъ кучки людей, мужчинъ и женщинъ, всѣхъ обнаженныхъ, которыхъ гнали крапивнымъ бичемъ пламеннозрачныя птицы. Растрепавъ свои волосы, гонимыя дико посмотрѣли на короля и, протянувъ руки впередъ, разомъ возопили: «Зналъ ли, царь Александръ, ты любовь?»—Король перевелъ глаза свои на Гестіона и медленно повторилъ: «Зналъ ли я любовь?»—но сѣрые люди, хрипло лая, уже прошли, согбенные подъ ударами крапивныхъ бичей, мимо. Спустившись съ плоскогорья, вступили, очевидно, на мѣдную землю,—такъ гулко эхо разносило стукъ копытъ. Александръ вздрогнулъ, вспомнивъ предсказаніе Антифонта, что умереть ему придется на желѣзной землѣ подъ костянымъ небомъ. Но миновали и эту дорогу, не внимая непрерывнымъ теперь голосамъ и стомамъ. Вдругъ внезапно наступившая тишина поразила ихъ слухъ. Справа

высился густой лѣсъ за высокой оградой, ключъ слабо серебрился, журча у самаго входа, а небо сквозь густыя вѣтви казалось прозрачнѣй, слегка зеленѣя. Ржаніе ослицы смолкло вдали. Король тихо подѣхалъ къ рощѣ, снявъ шлемъ и пытливо глядя на свѣтлѣвшее небо. Вдругъ ворота тихо отворились и изъ густой чаши вышелъ нагой отрокъ съ высокимъ копьемъ, на концѣ котораго желтѣлъ чудесный топазъ. Нѣжнымъ голосомъ, какъ горлица, онъ сказалъ: «Царь Александръ, это — обитель блаженныхъ; сюда никто не можетъ вступить живымъ, ни даже ты, дошедшій до этого мѣста, куда не заходила человѣческая нога. Будь радостенъ, ты скоро сюда придешь, не желая этого». И, печально улыбувшись, мальчикъ исчезъ и ворота сами закрылись, а король молчаливо снова повелъ свое войско за ослинымъ ржаньемъ, пока не вышелъ на бѣлый свѣтъ, гдѣ солнце, луна и звѣзды, и трава покрываетъ милую черную землю.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

§ 35. Придя въ Индію, Александръ встрѣтилъ посланныхъ отъ Пору, царя индійскаго, который совѣтовалъ отказаться отъ борьбы съ богомъ Діонисомъ, соратничающимъ, будто бы, ему, Пору. Король отвѣтилъ: «Съ богомъ я не воюю, но не боюсь надутыхъ варварскихъ словъ». Восначальники же Александровы, видя путь еще дальнимъ, горы все болѣе неприступными, встрѣчныхъ звѣрей все болѣе диковинными, побуждали солдатъ отказаться слѣдовать за царемъ. Александръ читалъ Гомера въ палаткѣ, когда его вызвали къ солдатамъ. Лагерь былъ расположенъ въ узкой долинѣ, такъ что, несмотря на не очень поздній часъ, лиловый свѣтъ лежалъ только на вершинахъ горъ. Толпа кричала: «Мы не безсмертны, мы не Аммоновы дѣти! Намъ нужно питаться! Куда ты завелъ насъ? Намъ страшно! Дальше мы не идемъ: иди одинъ!» Король долго молчалъ, поднимая глаза къ розовѣющимъ тяжелымъ облакамъ; наконецъ, звонко и далеко разнесся его голосъ: «Оставьте или возвращайтесь домой, — дѣло ваше. Я пойду и безъ васъ, хотя бы одинъ. Какъ солнце

не можетъ уклонить своего пути ни вправо, ни влѣво, такъ я не могу измѣнить предначертанной мнѣ славы!» Гестіонъ и ближайшіе юности бросились цѣловать короткую одежду короля, восклицая: «Умремъ съ тобою!» — «Слава моя — ваша слава!» — отвѣтилъ царь, проходя въ свою палатку. Къ утру успокоенныя войска снова двинулись навстрѣчу Поровыхъ полчищъ.

§ 36. Взойдя на вершину горы, греки вдругъ увидѣли безконечную зеленую равнину, бѣлые храмы съ голубыми бассейнами, поля незнакомаго хлѣба, рѣдкія, но многочисленныя рощи, дороги, усыпанныя красной землею, и вдали спокойное, слѣпительно синее море. Благовоніе полевыхъ и болотныхъ цвѣтовъ доносилось даже до горъ. Птицы съ пестрыми хохлами перелетывали съ пальмы на пальму, бабочки тяжело подымались съ лиловыхъ и розовыхъ цвѣтовъ. Жужжали пчелы въ стоячемъ жару. По всему ближайшему полю были разсыпаны бѣлые шатры, и высокіе черные люди въ бѣлыхъ платьяхъ съ пиками въ рукахъ сторожили костры. Въ сторонѣ, будто стадо, лежали барсы и тигры, играя между ногами неподвижныхъ слоновъ. Боясь босвыхъ звѣрей больше,

битва
съ Поромъ.

чѣмъ самого войска Пору, король велѣлъ сдѣлать мѣдныя изображенія людей и, раскаливъ ихъ до-красна, поставить впереди воиновъ, такъ что тигры, спущенные съ золотыхъ цѣпей, съ воемъ отпрыгивали, катаясь по травѣ отъ боли, снова затѣмъ бросаясь на другія изображенія, или съ визгомъ отказываясь повиноваться бичу надсмотрщика. На ночь противники расходились, чтобы съ зарею снова начинать бой. Такъ продолжалось дней восемь; на девятый Александръ предложилъ Пору рѣшить споръ единоборствомъ, хотя короля и отговаривали отъ такого шага, напоминая, что царь Поръ—славный единоборецъ, почти на два локтя превышающій его ростомъ. На десятое утро передъ всѣми войсками царственные противники начали свой поединокъ. Поръ былъ высокъ и гибокъ, съ краснымъ небольшимъ передникомъ на всемъ смугломъ тѣлѣ; голова, повязанная краснымъ шелкомъ, сіяла рубиномъ, лицо его было правильно и юношески прекрасно, а изглядъ огромныхъ, низко посаженныхъ, глазъ наводилъ суевѣрный трепетъ на робкихъ людей. Военачальники и солдаты въ молчаньи слѣдили за ходомъ борьбы, межъ тѣмъ какъ индійскіе и греческіе жрецы приносили жертвы, каж-

дые по обычаямъ своей вѣры. Александръ быстро повалилъ индѣйца и, сжавъ бѣлыми руками его черное горло, долго не выпускалъ. Наконецъ, спокойный голосъ греческаго царя разнесся по широкому полю: «Люди индѣйскіе, пришлите врачей вашему парю. Нашъ споръ конченъ, а съ вами я не воюю: одинъ былъ врагъ мой—царь Портъ». Индѣецъ лежалъ навзничь, спокойно раскинувъ руки, закрывъ глаза, не дыша. Съ дальнихъ горъ слетѣлъ ястребъ, сѣлъ на лобъ мертвому и, трижды клюнувъ въ рдѣвшій рубинъ, опять поднялся медленно въ туманныя горы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

§ 37. **М**удрецы, прозываемые Брахманами, послали Александру письмо, въ которомъ просили оставить ихъ покойно и въ молитвѣ вести свои дни. Король полюбопытствовалъ самъ ихъ увидѣть, хотя не только этотъ вполне законный интересъ, казалось, руководилъ имъ въ этомъ посѣщеніи. Дойдя до большой, мутной, какъ бы молочной, рѣки, путники увидѣли бородатыхъ и безбородыхъ людей, совсѣмъ голыхъ, лежавшихъ подъ

вѣтками дикої сливы и хранящихъ молчаніе; нѣкоторые сидѣли, поджавъ тощія ноги и скосивъ глаза, съ руками, поднятыми въ согнутыхъ локтяхъ вверхъ. Александръ, въ красномъ короткомъ плащѣ, подойдя къ мудрецамъ, привѣтствовалъ ихъ и сталъ задавать вопросы. Столпившись вокругъ царя, съ полускрытыми глазами, нагіе мудрецы давали отвѣты тихими голосами.

В.: Имѣете ли вы царство и городъ въ немъ?

О.: Міръ—наше царство и нашъ городъ: земля насъ рождаетъ, кормитъ и принимаетъ нашъ прахъ.

В.: Какимъ закономъ водитесь вы?

О.: Высшій промыселъ блюдетъ насъ и опредѣляетъ наши поступки и мысли.

В.: Что есть царская власть?

О.: Сила, дерзновеніе, бремя.

В.: Кто всѣхъ сильнѣе?

О.: Мысль человѣческая.

В.: Кто избѣжалъ смерти?

О.: Духъ живой.

В.: Ночь ли рождаетъ день, день ли—отецъ ночи?

О.: Ночь — наша праматерь, растемъ во тьмѣ, стремясь къ беззакатному свѣту.

В.: Имѣете ли вы игумена?

О.: Старѣйшина нашъ—Дандаміі.

В.: Хотѣлъ бы его цѣловать.

Короля провели тѣнистою рошею къ старцу, такому исхудалому, что, мнилось, достаточно легкаго дуновенія, чтобы развѣять его потемнѣвшую плоть. Вѣки его были опущены и на большихъ листьяхъ передъ нимъ лежала дыня и нѣсколько смоквъ. Онъ не поднялся при приближеніи Александра, даже не открылъ вѣкъ, только слегка дрогнувшихъ. Борода его тряслась и голосъ былъ такъ слабъ, что королю приходилось нагибаться, чтобы слышать его вѣщей лепетъ. Старецъ, улыбувшись, принялъ изсохшею рукой склянку съ масломъ, поднесенную ему королемъ, но онъ отказался принять золото, хлѣбъ и вино. Чуть слышный шопотъ прошелестѣлъ, какъ шаткій камышъ: «Зачѣмъ ты все воюешь: если и всѣмъ обладать будешь, можешь ли взять съ собой?»—Александръ горестно воскликнулъ: «Зачѣмъ вѣтеръ вздымаетъ море? зачѣмъ ураганъ взвихряетъ песокъ? зачѣмъ тучи несутся и гнется лоза? Зачѣмъ рожденъ ты Дандаміемъ, а я—Александромъ? Зачѣмъ? Ты же, мудрый, проси, чего хочешь, все тебѣ дамъ я, владыка міра». Дандаміі потянулъ его за руку и ласково про-

лпеталь: «Дай мнѣ безсмертіе!» Александръ, поблѣднѣвъ, вырвалъ руку изъ рукъ старика и, не оборачиваясь, быстро вышелъ изъ тѣнистой роши къ рѣкѣ, гдѣ на молочной влагѣ крикали жирныя зобастыя утки и мошки толклись хороводомъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

§ 38. **Ш**ирокія улицы, обсаженныя пальмами, обширныя, то бѣлыя, то пестрые храмы, шумная толпа—веселили взоры усталыхъ пришельцевъ; жители были покорны и ласковы. Старый жрецъ, съ высокимъ жезломъ изъ чернаго дерева, водилъ короля, показывая рѣдкости города. Самымъ замѣчательнымъ дивомъ былъ садъ, посреди котораго росли два дерева въ родѣ кипарисовъ, увѣшанныя звѣринными шкурами. На вопросъ короля, вожатый отвѣтилъ: «Царь, ты видишь два священныя дерева: одно зовется мужскою полъ и посвящено Солнцу, другое, посвященное госпожѣ Лунѣ, зовется поломъ женскимъ. Звѣринныя шкуры—приношенія богомольцевъ, при чемъ шкуры самцовъ возлагаются на солнечное древо, а самокъ—на лунное. Три раза днемъ и три раза ночью

Предсказанія
деревьевъ.

деревья вѣщаютъ судьбу при восходѣ, зенитѣ и уклонѣ солнца и ночного свѣтила. Если тебѣ угодно знать свою судьбу, очистишь, разоружись и подойди съ молитвой къ деревьямъ». Александръ метнувъ гнѣвный взоръ, воскликнулъ:—«Если солнце зайдетъ безъ того, чтобы я услышалъ голосъ, сожгу васъ живыми!»—Жрецъ, поклонившись, удалился, а король, исполнивъ требусмыя обряды, сталъ молиться, положивъ руку на стволъ священнаго дерева. Уже солнце верхнимъ краемъ чуть краснѣле надъ густою рощей и царь готовъ былъ, полный гнѣва, уйти, какъ вдругъ, подобно отдаленному гонгу, густой мужскою голосъ пропѣлъ: «Царь Александръ, скоро погибнешь отъ индійскихъ людей». Царь, не двигаясь, стоялъ, будто окаменѣлый, пока быстрыя сумерки не привели новой тусклой зари ночного свѣтила, и изъ листвы сосѣдняго дерева раздался низкій женскій голосъ: «Бѣдный царь Александръ, не видѣть тебѣ больше матери своей, Олимпіады: въ Вавилонѣ погибнешь». Смущенный король отошелъ къ своей свитѣ, ждавшей его за оградой; на вопросъ царя, можно ли возложить вѣнцы на деревья, жрецъ отвѣчалъ: «Это запрещено, но если хочешь, дѣлай, —

не для тебя, божественный царь, законы». Александръ подчинился и удалился въ новый дворецъ. Всю ночь пировалъ онъ съ друзьями, вспоминая походы и опасности, но лишь только заснуло легкое утро, царь, сославшись на неотложность дѣлъ, одинъ покинулъ залъ и быстро направился снова къ священной оградѣ. Въ томленіи склонился король передъ деревомъ и, когда солнце брызнуло первыми лучами по верхушкамъ и золотоалыя птички встрепенулись на гибкихъ вѣткахъ, высокій дѣтскій голосъ, будто спускаясь изъ самого купола ясной лазури, прозвенѣлъ: «Александръ, Александръ, умрешь въ Вавилонѣ, не обнявъ родившей тебя. Больше судьбы не пытай, отвѣта не будетъ». Никому ничего не сказавъ, король прошелъ въ свой покой и развернулъ свитки, и когда вошедшій другъ спросилъ:— «Что ты, король, такъ блѣденъ?»—Александръ отвѣтилъ: «Я мало сплю; труды и усталость берутъ мой румянецъ». Затѣмъ сталъ говорить о планахъ на будущіе походы.

§ 39. Всѣхъ удивилъ приказъ короля сдѣлать просторную клѣтку и такой же стеклянный сосудъ въ видѣ яйца, поймать семь паръ сильныхъ горныхъ орловъ и отыскать чи-

Испытаніе
воздуха.

стую дѣвушку, не знавшую мужа. Когда все было исполнено, царь созвалъ народъ на широкое поле за городомъ и, вставъ на возвышеніе, сказалъ: «Я покорилъ Европу и Азію, древній Египеть и чудесную Индію, — югъ, востокъ, западъ и сѣверъ; я смирилъ великихъ царей; я прошелъ всю землю отъ края до края; я былъ въ царствѣ мрака и видѣлъ обитель блаженныхъ. Теперь покорю я стихіи, легкій воздухъ и текучую влагу, я — Александръ, сынъ ливійскаго бога». Лицо Александра было блѣдно, но голосъ твердо и звонко раздавался по широкому полю. Затѣмъ онъ велѣлъ привязать къ клѣткѣ орловъ и положить въ нее куски мяса; самъ же взялъ два копья, длиною превосходящія привязи птицъ, и, насадивъ на острія кровавыя комки, поднялъ вверхъ обѣими руками; орлы ринулись, не достигая, за ними и клѣтка съ вошедшимъ туда королемъ, колыхаясь, стала подыматься въ глазахъ изумленнаго народа. Все меньше и меньше дѣлалась она, такъ что пролетавшія ласточки казались больше ея и, наконецъ, скрылась изъ виду. Александръ все летѣлъ выше и выше и вѣтеръ свистѣлъ въ его кудряхъ. Земля все уменьшалась, пока не стала похожей, окруженная лентой оке-

ана, на ломтикъ темной гранаты въ блюдѣ чистой воды. День и ночь стремился царь ввысь, мимо звѣздъ и планетъ. Звѣзды были хрустальные, разноцвѣтные сосуды на золотыхъ цѣпочкахъ и въ каждой ангелъ возжигалъ и тушилъ ночное пламя: планеты же были—прозрачныя колеса, которыя по желобамъ катили десятки ангеловъ. Голоса навстрѣчу неслись съ вѣтромъ: «вернись, вернись!» Наконецъ, издали узрѣлъ Александръ солнце. Гіацинтовое колесо, величиною трижды превосходящее площадь города Вавилона, катили съ трудомъ по золоченому жалобу ангелы съ огненными лицами въ красныхъ плащахъ. Царь, закинувъ голову кричалъ въ пламенное сіяніе: «Я—Александръ! я — Александръ!» и орлы клетали семью парами раскрытыхъ ртовъ. Звукъ тысячи трубъ и тысячи громовъ прозвучалъ въ отвѣтъ: «Назадъ, смертный безумецъ, я — Богъ твой!» Александръ, лишившись чувствъ, опустилъ копья внизъ и орлы понесли его къ землѣ быстрѣе безумной кометы. Когда народъ, ожидавшій царя, восклицалъ: «Слава Александру, покорившему стихіи!» царь ничего не отвѣтилъ и, блѣдный, направился, сопровождаемый толпою, къ берегу моря.

§ 40.

Испытаніе
водн.

Тамъ, велѣвъ привязать къ канатамъ стеклянный сосудъ и къ тонкой веревкѣ серебряный колокольчикъ, король велѣлъ подвести найденную дѣвушку. Она была мала и смугла, испуганно озиралась и звалась Хадиджа. Родители, докторъ и жрецъ клялись, что она — дѣвственница. Александръ сказалъ ей: «Держи этотъ канатъ; покуда ты чиста, — сосудъ не потонетъ. Когда я позволю, тащите веревки изъ воды». И, вошедши въ яйцо, сталъ опускаться въ пучину. Зеленоватый полусвѣтъ, видный сквозь свѣтлая стекла, окружилъ царя; рыбы стрелою мчались съ глубины навстрѣчу Александру, и большія чудовища медленно перебирались съ мѣста на мѣсто подъ водорослями: царь зорко смотрѣлъ какъ большія рыбы пожирали меньшія, чтобы самимъ быть уничтоженными чудовищами; какъ обломки кораблей опускались на дно, гдѣ утонувшіе бѣлѣли, обнявшись, или сжимая соковища, или съ искаженными мукой лицами. Зеленными, выпуклыми глазами смотрѣли черезъ стекло на царя гады, подплывая близко, любопытствуя, къ сосуду. Вдругъ корабль подводнаго пловца стукнулся о коралловый гротъ, изъ котораго

выплыла женщина съ зелеными тростниковыми косами и чешуйчатыми погами. Ликъ ея былъ страшень и грозень; она дѣлала запрещающіе жесты руками, широко раскрывая уста, будто что-то крича, но ея вопли не доносились черезъ стеклянную стѣну, и когда король, оставивъ ея, сталъ опускаться дальше въ темную глубину, онъ видѣлъ какъ морская жена, заломивъ руки, исчезла въ коралловомъ гротѣ. Внизу уже видѣлись чешуи Левиаѳана, какъ сильный толчекъ потрясъ стеклянный сосудъ, который не могъ подыматься. Наклонившись, Александръ замѣтилъ маленькаго чернаго гада, въ родѣ рака, который, вцѣпившись въ гладкую стѣну прилежно грызъ стекло, такъ что вода уже тонкой струйкой пробивалась внутрь. Тогда Александръ схватился за тонкую бичевку и сосудъ быстро сталъ подыматься съ блѣднымъ королемъ, не смотрящимъ теперь уже на заблестѣвшія яркою зеленью пространства. Когда его подняли на берегъ, луна стояла въ зенитѣ, освѣщая два трупа: дѣвушки Халиджи и высокаго солдата. Александръ подошелъ и узналъ, что когда всѣ, утомясь бдѣніемъ, заснули, дѣвушка отдалась первому подошедшему и выпустила царскій канатъ. Тогда

приближенные короля убили преступниковъ.
«Сколько времени пробылъ я на днѣ?» —
Два часа, государь. — «Два часа не продер-
жалась крѣпость единственной чистой дѣ-
вушки» — сказалъ царь въ раздумьи и, въ
сопровожденіи толпы при трубныхъ звукахъ,
направился въ столицу. «Слава Александру,
покорившему стихіи!» — восклицала толпа,
жрецы качали дымящіяся кадила навстрѣчу
царю, смертельно блѣдному подъ зенитной
луною.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

§ 41. **Въ** станъ Александра, возвращавшагося домой, ночью прискакало нѣсколько всадниковъ въ разорванныхъ одеждахъ, запыленныхъ и окровавленныхъ. Такъ какъ король почивалъ, забывшись легкой и рѣдко приходившей къ нему дремотой, то пришедшихъ принялъ вельможа Александровъ — Птоломей. Одѣтый въ болѣе богатую одежду юноша объяснилъ, что онъ—Кандавлъ, сынъ славной царицы Кандакии, что онъ отправился съ женою на лѣтнія таинства, въ пути на ихъ караванъ напалъ отрядъ разбойниковъ и, забравши его жену, часть слугъ и имущество, бросилъ его, раненаго, въ пустынь. Выслушавъ, Птоломей направился къ уже пробудившемуся царю, кото-

Спасеніе
Кандаваа.

рый условился, чтобы въ присутствіи пришельцевъ, его, Александра—называли Антигономъ, царемъ же—Птоломеемъ. Ночью созвали совѣтъ при факелахъ, и Александръ горячо убѣждалъ мнимаго царя помочь Кандаву, тотчасъ напасть на лагерь разбойниковъ и вернуть похищенную принцессу. Опечаленный юноша бросился къ нему на шею, воскликнувъ: «О, если бъ былъ ты не Антигонъ, а Александръ!» Немного усилій стоило разбить шайку разбойниковъ и освободить плѣнныхъ, но радостному Кандаву казалось это нсобычнымъ подвигомъ, такъ какъ благодарность заставляетъ преувеличивать оказанное благодѣяніе. Онъ умолялъ Птоломея и своего заступника Антигона посѣтить дивную столицу матери своей, Кандакии, далеко славившуюся своими чудесами. Александръ охотно согласился не только изъ любопытства, но и изъ признательности къ царицѣ, пославшей еще раньше ему въ даръ золото, слоновую кость, черное дерево, жемчуги, изумрудный вѣнецъ, звѣриныя шкуры, ручныхъ звѣрей и эіопскихъ рабовъ. Черезъ два дня пути они замѣтили среди равнины прямыя холмы, покрытыя лѣсомъ—то были висячіе сады эіопской царицы.

§ 42. Ихъ встрѣтила царица Кандакія съ сыновьями, предупрежденная
Кандакія. черезъ гонцовъ. Она была высока и дородна, схожа съ Олимпіадой; большіе глаза ея сіяли важно и царственно; узкая бѣлая одежда стѣсняла ея шаги и дѣлала еще замѣтнѣй смуглый цвѣтъ ея лица и рукъ. Рабыни несли за ней опахала, а негры вели бѣлаго слона съ серебряной бесѣдкой на спинѣ. Царица бросилась къ сыну, но тотъ, отступивъ, молвилъ: «Иѣлуй сначала, мать, освободителя моего»,—указывая на Александра. Кандакія, облобызавшись, сказала: «Давно жаждала видѣть тебя, славный царь».—«Я не царь, я—Антигонъ. Александръ слѣдуетъ дальше»,—сказалъ король, кивая на Птоломея въ пышной коронѣ. Улыбнувшись, царица склонилась передъ вельможей. Устроивъ торжественный пиръ, Кандакія повела гостей осматривать городъ, золотыя яблоки, орѣхи величиною съ дыню, пѣтуховъ, на которыхъ верхомъ ѣздили воины, пантеръ, чья кость рѣжетъ стекла, крокодиловъ, мочею сжигающихъ дерево, одноглазыхъ людей, великановъ и злое племя схиднъ. Самка схидны обладаетъ скважиною не шире игольнаго уха, такъ что, только съѣдая мужнино лоно, можетъ

зачать. Дѣти выходятъ на свѣтъ, прогрызая утробу, съ рожденія убійцами отца и матери, выходятъ всегда по-парно—братъ и сестра. Дрозды, бѣлые, бурые и черные медвѣди удивляли грековъ. Ночью на пиру Кандакія спросила: «Пу, какъ вамъ, милые гости, понравились мои чудеса?»—Александръ сказалъ: «Будь это все у грековъ, всѣ удивлялись бы». Царица, нахмурившись, обратилась къ Птоломею: «А ты, царь, что скажешь?» — «Понстишь, мню себя въ странѣ чудесь!»—воскликнулъ смущенный грекъ. Тутъ вышли эоіонскія дѣвушки и стали танцовать на большомъ кругломъ зеркалѣ, прежде покрытомъ ковромъ и казалось, онѣ несутся и кружатся по прозрачному пруду. Царица снова спросила: «А какъ вамъ нравятся мои плясуньи?» Александръ опять предупредилъ Птоломея въ отвѣтъ, сказавъ: «Понстишь, мню себя въ странѣ головней! Зачѣмъ такъ жестоко обжигаетъ солнце твоихъ подданныхъ, что они походятъ на угли?» Кандакія ничего не промолвила, а по окончаніи пира, взявъ царя за руку и приведя къ себѣ въ опочивальню, сказала: «Теперь я покажу тебѣ нѣчто, что и тебя удивитъ, ничему не удивляющійся Антигонъ!»—и подала ему кусокъ холста, гдѣ

нѣжными красками было изображено лицо Александра. Царь молчалъ, а царица продолжала: «Что скажешь, великій царь? Зачѣмъ ты, скрываясь, пришелъ ко мнѣ, такъ что я не могла даже встрѣтить тебя, какъ должно?»—«Прости, царица, мой невинный обманъ и не выдавай!»—Кандакiя, усмѣхнувшись, отвѣтила: «Я-то тебя не выдамъ, но и ты подчинись обычаю моей земли: никакой еще царь не уходилъ отъ меня, не сдѣлавшись моимъ супругомъ!»—«Какъ, царица?»—воскликнулъ гость, но женщина обвила его шею руками и цѣловала въ уста, шепча нѣжныя слова страсти, и расплела длинныя черныя косы, сняла свою узкую бѣлую одежду, и нагая, тѣснила царя до того, что тотъ воскликнулъ, хватаясь за мечъ: «Оставь, безразсудная, Александра ли думаешь ты погубить?» Откинувшись назадъ смуглымъ станомъ, царица сквозь смѣхъ сказала: «Александръ, Александръ! противъ жены мечъ обнажилъ!» Въ эту минуту двери съ трескомъ открылись и, опьяненные, ворвались Птоломей, за нимъ старшiй царевичъ Эоа, котораго преслѣдовалъ братъ его, Кандавлъ, съ длинною пикой. Птоломей бросившись къ Александру, взывалъ: «Царь, спаси, спаси. Этотъ безумный ищетъ убить

меня!» Ооа, остановившись прокричалъ:— «Такъ вотъ онъ, убійца тестя моего, славнаго Пора! Вотъ македонская собака!» — и ринулся на царя, межъ тѣмъ какъ шика Кандавла, вопзившись въ спину брата, на- смерть сразила неистоваго Ооа, мужа Поровой дочери. Александръ безмолвно взираетъ на братоубійство, а нагая царица, поздно бросившись между сражавшихся, напрасно испускала пронзительные крики. Еле живой Птоломей, все еще будто ища защиты, лежалъ у ногъ царя. Видя Кандакію ногой и простоволосой, Кандавлъ воскликнулъ: «Матушка, что съ тобою?»—косясь на Александра. Царица, поднявъ руки къ небу, громко сказала: «Воистину, цѣломудрень царь Александръ!» На утро, прощаясь съ гостями, щедро одаренными, Кандакія молвила: «Я шутила, ты понялъ? Не вѣрила молвѣ, что ты недоступенъ любви». Александръ, улыбнувшись, отвѣтилъ:—«Я и думалъ, что ты меня только испытываешь, я тоже шутилъ»,—и тронулъ поводъ коня.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

§ 43. Царь Александръ снова пошелъ въ пустыню, думая направляться къ Вавилону. Вскорѣ пришли они къ большой рѣкѣ, гдѣ жили воинственныя дѣвы амазонки. Царь, давно слыша о ихъ доблестяхъ, послалъ Птоломея просить у нихъ воинскій отрядъ и узнать ихъ обычаи. Черезъ нѣкоторое время съ вернувшимся Птолomeемъ пришла сотня высокихъ мужеподобныхъ женщинъ, съ выжженными правыми грудями, короткими волосами, въ мужской обуви и вооруженныхъ пиками, стрѣлами и пращами. Говорили онѣ грубыми, хрипыми голосами и пахли козлинымъ потомъ. Разсказали онѣ слѣдующее: «Живемъ мы, царь, по ту сторону рѣки, однѣ дѣвы, управляемы старшей дѣвицей; пасемъ стада, обрабатываемъ волну и сражаемся однѣ безъ мужчинъ; никому не подвластны; каждый годъ ходимъ за рѣку на праздникъ Діа Гефеста и Посейдона; которая изъ насъ хочетъ сдѣлаться матерью, остается здѣсь съ избраннымъ ею мужемъ, пока не родитъ; потомъ возвращается домой; мужа она вольна не помнить или черезъ годъ снова вернуться къ тому

же. Рожденнаго мальчика возвращаетъ отецъ, дѣвочку же, по истеченіи семи лѣтъ, переправляютъ на женскую сторону рѣки. На битву отправляются двѣ трети всѣхъ дѣвъ; остальные же караулятъ страну. Если плѣнный отъ насъ бѣжитъ, позоръ ложится на всѣхъ амазонокъ. Царица тебя цѣлуетъ и шлетъ насъ помогать тебѣ въ брани».

Царь много еще разспрашивалъ, не мало дивясь ихъ отвѣтамъ, и, отославъ подарки въ страну, двинулся дальше.

§ 44. Александръ теперь посылалъ впередъ развѣдчиковъ узнавать, не желѣзная ли земля впереди, Горіона Лусоно пристанище. памятуя предсказаніе Аптифонта.

Пройдя рѣки сладкія и каменные потоки, что вмѣсто воды стремятъ съ грохотомъ камни, песчаные ручьи, три дня текущіе къ югу, три дня—на сѣверъ, пришли къ острову, откуда восходитъ солнце. Жрецъ-эѳіопъ въ бѣлой одеждѣ вышелъ съ чернымъ посохомъ выше своего роста и, протянувъ смуглую руку къ царю, воскликнулъ: «Царь, ты долженъ вернуться! Сюда еще никто не доходилъ,— ты первый и ты послѣдній. Спѣши въ Вавилонъ, время близко; путь тебѣ черезъ Лусово пристанище и новую область мрака». Двери закрылись, а царь, поклонившись

солнечному храму изъ блистающихъ нестерпимо камней, велѣлъ повернуть своимъ воинамъ. Вскорѣ они дошли до мглистой страны; жители скрывались въ землянкахъ, закрытыхъ вѣтками елей, боясь блуждавшей въ пустынѣ и всѣхъ губившей дѣвы Горгоны. Она имѣла конскій хвостъ и змѣй въмѣсто полость; всѣхъ звала на похоть: гадювъ, звѣрей и людей, и всѣхъ умерщвляла однимъ своимъ видомъ. Въ полночь Александръ былъ разбуженъ зычнымъ, но полнымъ нѣги и страсти воплемъ. Выйдя изъ палатки въ темное поле, царь услышалъ второй и третій разъ чудесный призывъ: будто всѣ прошлыя и грядущія любовницы слили въ одинъ этотъ голосъ обѣщанія невѣдомыхъ ласкъ и сладкія угрозы; какъ вой тигрицы, ищущей далекаго самца, разнесился кличъ по темнымъ пространствамъ: «Александръ, Александръ, тебя одного жажду я, приди, утоли меня! Царь безстрашный!..» Александръ послалъ волхва съ покрываломъ навстрѣчу неистойвой дѣвѣ. Услышавъ ту близкою, онъ произнесъ, приближаясь пятками впередъ: «Я—Александръ! Закрой твой ликъ покрываломъ, чтобы мнѣ не погибнуть». И когда, молча, тяжело дыша, дѣва схватила его руками за плечи, онъ, быстро повернувшись,

отрубилъ ей голову и спряталъ въ приготовленный сосудъ. Тогда, не оборачиваясь на лежавшую громаду туловища, онъ бросился бѣжать къ лагерю съ добычей. Наводя этой головою ужасъ, обращавшій въ камень, побѣдилъ царь многія племена пустыни, а нечистыхъ царей, Гогу и Магогу, пизавшихся червяками и мухами, загноилъ въ разсѣвшіяся скалы и до скончанія міра запечаталъ Соломоновою печатью. И дальше шли, не зная дороги, изнемогая отъ усталости и голода; развѣдчики впереди,— ищутъ ли желѣзной земли. Однажды царь почувствовалъ смертельный холодъ и послѣднее дыханіе; солдаты положили свои щиты на болото, по которому они шли, чтобы царь могъ лечь, а сверху шель густой снѣгъ. Очнувшись, король спросилъ съ тревогой: «Не костянос ли небо надъ нами?», но къ утру силы, вернувшись, позволили дальше стремить ему невѣдомый путь. Черезъ болота, темныя лѣса, высокія, въ темное небо уходящія горы, мглу и туманы—шли они, мимоходомъ покоряя безропотные народы. Царь хранилъ молчаніе всѣ дни, ночи проводя въ наблюденіи еле видныхъ звѣздъ, и каждое утро все сумрачнѣе встрѣчалъ онъ вѣрныхъ друзей и ронтавшихъ солдатъ. Такъ

пришли они въ Лусово пристанище, указанное имъ еще въ солнечнымъ городѣ. Пока обрадованные близостью къ окончанію пути, воины грѣлись у костровъ, вспомнилъ прежнія шутки, Александръ одинъ направился къ храму, не взирая на встрѣчныя диковины. Все было пусто и безмолвно. Пройдя рядъ покоевъ, одинъ другого чудеснѣе, царь вступилъ въ святилище, гдѣ висѣли лампы съ рубинами вмѣсто огней, и посреди высоко золоченая клѣтка съ голубемъ. Посрединѣ висился одръ, на которомъ, весь въ повязкахъ, лежалъ мужъ, ростомъ превышавшій длину смертныхъ; лицо было скрыто покрываломъ. Безмолвіе царило въ покоѣ; царь долго стоялъ молча, смущенный неяснымъ страхомъ. Наконецъ, онъ хотѣлъ взять одну изъ рубиновыхъ лампадъ, чтобы посмотреть спящаго, но съ купола голубь человѣческимъ голосомъ пропѣлъ: «Остань, царь Александръ, въ покоѣ покойныхъ и спѣши въ Вавилонъ: время близко!». Выйдя изъ храма, Александръ подошелъ къ костру, гдѣ шутили солдаты старяя шутки, смѣясь и хлопая по плечу одинъ другого. Къ темному небу взлетали искры и дымъ, а латы сложенные кучей, блестѣли мерцающа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

§ 45. **М**ЕЖЪ ТѢМЪ, въ далекон Македоніи происходили неустройства и смуты; Антипатръ, оставленный царемъ вмѣсто себя, притѣснялъ старую королеву Олимпіаду, въ отвѣтъ на неоднократныя жалобы которой Александръ послалъ Картерика смѣнить прежняго правителя. Тогда уязвленный Антипатръ послалъ со своимъ сыномъ ядъ, который могъ выдержать только свинцовый сосудъ, но не мѣдный, не глиняный, не стеклянный, къ царскому кравчсму Илу, давно затаившему въ себѣ злобу на Александра, разъ какъ-то на пиру ударившаго его жезломъ по головѣ. Къ нимъ присоединились еще нѣкоторые недовольные царемъ и родственники царицы Роксаны. Такимъ образомъ, къ прибытію царя въ Вавилонъ, заговоръ уже готовъ былъ его погубить. Царица радостно встрѣтила короля, сумрачнаго и молчаливаго, который предался снова пирамъ съ друзьями, отложивъ на время дѣла правленія, и чтенію грознаго звѣзднаго неба. Однажды, когда полднемъ Александръ почивалъ, утомленный, его разбудили докладомъ, что его спрашиваетъ какая-то жен-

щина. Царю она сказала, что у нея родился странный ребенокъ, верхняя половина котораго была мертвою, нижняя же—со всѣми признаками жизни, и чудный голосъ велѣлъ принести уродца во дворецъ. Александръ, полный предчувствій, съ ужасомъ взиравъ на младенческій трупъ съ шевелящимися красными ножками. Мудрецы объяснили, что верхняя часть—враги Александра, нижняя же — онъ самъ, но халдеянцы, раздравъ одежды, воскликнулъ: «Царь! царь! смерть твоя близка!» Одаривъ женщину, Александръ велѣлъ уродца сжечь, а самъ отправился на пиръ къ нѣкому македонянину, не разлучаясь со своимъ кравчимъ, индійскимъ отрокомъ Иломъ. Пиръ былъ въ полномъ разгарѣ, какъ вдругъ царь вскрикнулъ, будто пронзенный стрѣлой: «Вотъ время, Александръ!!»—и, блѣдный, шатаясь, удалился въ свой дворецъ. Напрасно врачи старались извлечь ядъ рвотными средствами, боли царя были такъ нестерпимы, что не разъ онъ пытался выброситься въ Евфратъ, шумѣвшій подъ окнами высокаго терема. Македонцы, окруживъ дворецъ, грозились разрушить стѣны и перебить всю стражу, если имъ не покажутъ царя. И Александръ, поддерживаемый цари-

цею Роксаной, показался въ окнѣ; всѣ восклицали: «Слава царю Александру, живи во вѣкъ!» Улыбка скользнула по померивѣлымъ губамъ царя, и онъ крикнулъ прежнимъ звонкимъ голосомъ: «Живите вы во вѣкъ, а мой часъ пробилъ!» На слѣдующее утро царь призвалъ Пердику, Птоломея, Лизимаха, чтобы сказать имъ послѣднюю волю. Потомъ велѣлъ себя вынести въ проходной переходъ и пропустить мимо себя все войско, каждому солдату говоря привѣтствія. И посѣдѣлые ветераны плакали, видя царя простертымъ на походныхъ щитахъ, блѣдымъ и ласковымъ. Друзья, закрывъ лица плащами, стояли поодаль. Александръ, вскинувъ глаза на потолокъ изъ слоновой кости вымолвилъ: «Небо, небо костяное!» и продолжалъ привѣтствовать проходившихъ воиновъ. Въ воздухѣ нависла густая мгла и на небѣ днемъ взошла необыкновенной величины звѣзда, быстро идущая къ морю, сопровождаемая орломъ, а кумиры въ храмѣ медленно со звономъ колебались. Потомъ звѣзда снова пошла въ обратный путь отъ моря и встала, горя, надъ покоемъ царя. Въ то же мгновеніе Александръ умеръ. Тѣло царя отправили, послѣ долгихъ споровъ, въ Александрію Египетскую, гдѣ его помѣстили

въ святилище, называемое: «Тѣло Алесандрово». Царство онъ раздѣлилъ между Филономъ, Селевкомъ, Антиохомъ и Птолемеємъ. Умеръ на тридцать третьемъ году жизни, въ апрѣльское новолуніе, основавъ двѣнадцать Александрій и оставивъ немеркнувшую славу во всѣхъ племенахъ и вѣкахъ.

КОНЕЦЪ.

ПОВѢСТЬ
ОБЪ ЕЛЕВСИППѢ
РАЗСКАЗАННАЯ ИМЪ САМИМЪ

О, Парменилъ, мудрѣйшій среди мудрыхъ, не ты ли первый сказалъ людямъ, что звѣзда, отмѣчающая конецъ и начало дня, зовущая любовниковъ къ лобзаньямъ и расторгающая страстныя объятія, несущая покой работникамъ и снова призывающая ихъ къ трудамъ—одна и та же? Какъ же мнѣ не вспоминать твое имя при началѣ повѣсти моей долгой, полной превратностей, жизни, о, мудрый?

I.

Я Былъ родомъ изъ Коріанды, равно какъ и мой отецъ, по имени Питтакъ; я не помню своей матери, которая умерла, давъ мнѣ жизнь и назвавъ меня Елевсиппомъ, но старая рабыня Манто часто говорила, что это была высокая женщина, съ большими голубыми глазами, искусная въ пряжѣ и

тканьѣ. Отъ нея я наслѣдовалъ голубые глаза и веселый, легкій характеръ, а отъ отца нѣкоторую хилость тѣла и страсть къ путешествіямъ. Но я узналъ это гораздо позднѣе, хотя, уви, слишкомъ все-таки рано! А теперь пока, путешествія мои ограничивались окрестными горами и моремъ, на которое мы, ребяташки, отваживались пускаться на оставшихся челнокахъ, когда нѣ старшіе отправлялись на рыбную ловлю, а матери хлопотали у очаговъ. Впрочемъ, мы не доѣзжали даже до ближайшихъ безлѣсныхъ и безлюдныхъ островковъ, которые манили меня и о которыхъ я мечталъ, засыпая на колѣняхъ у старой Манто на порогѣ нашего дома, смотря на туманъ надъ моремъ, изъ-за котораго выплывала луна, оранжевая, на лиловомъ небѣ. Однажды отецъ меня бралъ въ Галикарнасъ, но я никогда не бывалъ въ Милетѣ; о поѣздкѣ въ первый изъ названныхъ городовъ я также сохранилъ смутное воспоминаніе; помню только бѣлыхъ лошадей, вставшихъ на дыбы и ржущихъ, которыя меня напугали, шумную толпу, большіе храмы, но больше всего занимало меня, что я такъ долго нахожусь съ моимъ отцомъ, небольшимъ, подвижнымъ человекомъ, съ худымъ и задумчивымъ лицомъ и

черною бородой. Я слышалъ стороною, что онъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ людей окрестности, что случается, что онъ ссужаетъ деньгами даже милетцевъ и что никто такъ не строгъ къ должникамъ, какъ онъ, но я плохо понималъ это, и мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы этотъ серьезный, печальный и ласковый человѣкъ могъ быть строгъ къ кому-нибудь. Въ бурную погоду мы вылезали на крышу и смотрѣли на волны, и когда случалось чужому судну разбиться около нашихъ береговъ, мы съ увлеченіемъ вылавливали плавающіе товары и вещи экипажа, соревнуясь въ удачной ловлѣ. Такъ я жилъ до пятнадцати лѣтъ изо дня въ день, изъ года въ годъ, растя вмѣстѣ со своими сверстниками и радуясь солнцу, какъ ящерица.

II.

Это было подъ вечеръ, когда загоняли стада. Помогая отцовскимъ пастухамъ и завлеченный отставшею и непослушною козю далеко въ горы, я очутился въ мѣстности, которая казалась мнѣ неизвѣстною. Ручей съ берегами, поросшими густымъ кустарникомъ, одинъ нарушалъ тишину узкой долины между безлѣсными скалами. Я не ви-

дѣлъ, куда въ надвигающейся ночи свернуло упрямое животное и стоялъ въ раздумьи, какъ вдругъ кусты у ручья, зашевелившись, раздвинулись, и моимъ глазамъ открылась дѣвушка лѣтъ четырнадцати, вышедшая на берегъ. Такъ какъ ея волосы были украшены водяными цвѣтами, сама она была прекрасна, насколько можно было судить въ сумеркахъ, и, встрѣченная въ безлюдной мѣстности, она не походила ни на одну изъ окрестныхъ дѣвушекъ, знаемыхъ мною, то я подумалъ, что это нимфа ручья, текущаго по долинѣ. Я сталъ на колѣни въ отдаленіи и, сложивъ молитвенно руки, такъ началъ къ ней, остановившейся у самыхъ кустовъ берега: «Если я тебя потревожилъ, благая нимфа, прости мою неосторожность и, какъ милостивая, помоги мнѣ лучше найти мою козу и дорогу домой, чтобы тебѣ снова вкушать безмятежность покоя». Она же стояла, не отвѣчая; и я продолжалъ: «У меня теперь ничего нѣтъ съ собою, что могло бы походить на даръ тебѣ, но я обѣщаю завтра принести пирожковъ съ макомъ, молока, меду и цвѣтныхъ лентъ на кусты, чтобы почтить тебя, госпожа». Блѣднѣвшая въ сумеркахъ фигура заколыхалась слегка и голось, тонкій, какъ пѣніе кузнечника, про-

звучаль мнѣ: «Кто ты, смѣшной человекъ, не могущій отличить бѣдной, простой дѣвочки отъ божественныхъ нимфъ?»—Я подумалъ, что нимфа можетъ испытывать меня, и, не вставая съ колѣнъ, продолжалъ: «Зачѣмъ же ты въ этой долинѣ одна и ночью? Что ты здѣсь дѣлаешь? Подойди ко мнѣ, дотронься до меня рукою и отвѣтъ на мои вопросы, чтобы мое сердце не смушалось напрасно». — «Вотъ я подошла, вотъ и дотрагиваюсь до тебя, вотъ я отвѣчаю: я жду здѣсь моего отца, который, пріѣхавъ, пошелъ въ Коріанду и, не захотѣвъ ни брать меня въ городъ, ни оставлять на берегу у всѣхъ на виду, провелъ въ эту, едва ли не ему одному извѣстную, долину дожидаться его прихода». — «Вотъ я теперь тоже узналъ эту долину и всѣмъ расскажу, и тебѣ нельзя будетъ сюда прятаться».

— Зачѣмъ же ты это сдѣлаешь? Ты насъ совсѣмъ не знаешь и зла отъ насъ не видишь.

— А затѣмъ: навѣрно ты съ твоимъ отцомъ занимаешься пехорошими дѣлами, разъ ихъ нужно дѣлать ночью и спрятанными отъ людскихъ взоровъ.

Она, нахмурившись, сказала:

— Ты глупый и злой мальчикъ, больше

ничего, я сама скажу отцу, и если ты придешь сюда еще разъ, онъ убьетъ тебя.

— Я самъ могу убить сго.

— Ты?—спросила она, и тихая долина огласилась громкимъ смѣхомъ, разбудившимъ спящихъ птицъ. Меня и влекла и сердила эта еле видная дѣвушка, и, не желая ссоры, я проговорилъ миролюбиво:

— Не сердись, дѣвушка, я не скажу и ты не говори, а когда ты будешь злѣе, я буду приходить тоже, чтобы тебѣ не было скучно.

— Хорошо, такъ-то лучше. А ты самъ кто?

— Я Елевсиппъ, сынъ Питтака,—началь было я, но она прервала, спрашивая, какіе у меня волосы, глаза, ростъ и губы, и, получивъ отвѣты на свои вопросы, прибавила:

— Ты долженъ быть красивымъ, мальчикъ, и я люблю тебя и рада, что встрѣтилась съ тобою. Дай я тебя поцѣлую.

И это было совсѣмъ не то, что поцѣлуи старой Манто. Но раздался громкій свистокъ, возвѣщавшій приходъ отца дѣвушки, и я поспѣшилъ уйти, узнавъ на прощанье, что ее зовутъ Лимнантисъ. Домой я пришелъ совсѣмъ поздно, когда всѣ уже давно спали, и, легши на дворѣ, я всю ночь просмотрѣлъ на звѣзды, слыша шорохъ овецъ

за загородкой и думая о поцѣлуѣ Лимнантисъ.

III.

Приходя неоднократно въ долину къ Лимнантисъ, я узналъ и ея отца; я до сихъ поръ не знаю, какія дѣла приводили его такъ часто въ Коріанду и съ какою цѣлью ихъ надо было скрывать; онъ былъ поживилій и видѣвшій, пожалуй, больше моего отца городовъ-человѣкъ, и его жесткіе веселые глаза часто смущали меня и останавливали мое начинающееся къ нему расположеніе; звали его Кробиль; однажды мы поспорили съ нимъ изъ-за пустяковъ, и я вспылилъ, но безсильный передъ нимъ, упомянулъ про богатство и значеніе моего отца Питтака.

— Гдѣ тебѣ разсуждать о богатствѣ и значеніи, когда ты дальше своей дыры ничего не видѣлъ.

— Моего отца знаютъ и въ Галикарнасѣ и даже въ Милетѣ.

— Охо, въ Милетѣ, а въ Аоинахъ, а въ Римѣ? въ Сициліи и Александріи? а въ Кароагенѣ, у далескихъ Бриттовъ? — закричалъ онъ.

— Ты, конечно, считаешь меня за маль-

чика, плетя были съ небылицей. Аѳины, разумѣется, я знаю, что онѣ за моремъ, и Римъ мнѣ поминалъ отецъ мой, а выдуманыхъ странъ и городовъ я тебѣ могу наговорить еще большіе.

Но Кробиль, махнувъ рукою, ушелъ отъ меня, я же поспѣшилъ къ Лимнантисъ рассказать свою обиду. Прослушавъ, дѣвушка замѣтила:

— Конечно ты не правъ, вступая въ споръ о томъ, чего не знаешь.

— Понятно, что ты на сторонѣ отца!

Я отвернулся недовольный, но вскорѣ мы помирились за поцѣлуями, слова же Кробила мною вовсе не были забыты. Отцу я ничего не говорилъ ни про дѣвушку, ни про Кробила, ни про долину и на время его нечастыхъ пребываній дома сокращалъ свои посѣщенія въ горы, такъ что онъ, и вообще разсѣянный ко мнѣ, не замѣчалъ никакой переменъ. Больше я боялся старой Манто и часто опускалъ глаза, краснѣя, когда она слишкомъ долго на меня смотрѣла, и, увидавъ, что ея пристальный взоръ замѣченъ мною, вздохнувъ и покачавъ головою, снова принималась за оставленное шитье или чинку сѣтн. Когда Лимнантисъ не бывало, я находилъ написанными вѣткой на пескѣ

слова: «буду тогда-то, жду тебя; цѣлую» и я въ свою очередь чертилъ отвѣтъ: «радуйся, въ гóрѣ жду тебя; люблю», и, сорвавъ длинную вѣтку въ цвѣтахъ, сметаль написанное наверху, чтобы обратная сторона стила, стирающая строки, была не меньше прекрасна, чѣмъ ихъ писавшая.

IV.

Близилась осень, и вершины горъ все чаще были заволакиваемы облаками; отцу Лимнантисъ приходило время прекратить свои прїѣзды, и мы съ грустью думали о предстоящей разлукѣ. Какъ часто случается, простѣйшее рѣшеніе пришло послѣднимъ въ голову, и только наканунѣ ихъ отъѣзда я рѣшился спросить у Кробила, согласенъ ли онъ дать мнѣ въ жены свою дочь, и объ этомъ же переговорить съ моимъ отцомъ. «Смотри, согласенъ ли будетъ на этотъ бракъ Питтакъ, твой отецъ, столь богатый и извѣстный даже до Милета челоуѣкъ?» сказалъ мнѣ Кробиль, усмѣхаясь.

— Я умру, если онъ не согласенъ, — проговорилъ я, краснѣя отъ полного благодарности взора Лимнантисъ. Когда при-

шедши къ моему отцу, я сказалъ, что мнѣ надо поговорить съ нимъ, онъ замѣтилъ, улыбувшись:

— Наши желанія совпадаютъ, сынъ мой; мнѣ тоже необходимо поговорить съ тобою и сообщить рѣшеніе, могущее интересовать и тебя.

— Вотъ я готовъ тебя слушать, отецъ— отвѣтилъ я, чувствуя смутную тревогу.

Помолчавъ, онъ началъ такъ: «Пріобрѣсти богатство, значеніе и вліяніе у согражданъ ты могъ бы, лишь развивая то, что ты имѣешь наследовать отъ меня, но вотъ я вижу, что мало этого, чтобы чувствовать себя совершеннымъ и богоподобнымъ человекомъ. Ученые, котораго мнѣ недостаетъ, я намѣренъ дать тебѣ, и сколько бы это мнѣ ни стоило, я рѣшилъ послать тебя въ Афины, чтобы изъ самаго очага получить огонь знанія. Будь мужемъ; смотри, твоя верхняя губа уже темнѣетъ первымъ пухомъ, и пришла пора сидѣть тебѣ у женскаго платья. Благодарить боговъ и радоваться ты долженъ каждую минуту за твою молодость и предстоящій путь».

— Я благодарю боговъ и тебя, отецъ, но не скрою, что другая пѣль и другой предметъ бесѣды съ тобою мною предполагался.

Сноху въ домъ твой хотѣлъ я ввести, а ты готовишься вывести изъ него и сына.— «Сноху, дитя? я и не замѣтилъ, что ты женихъ. Кто же она? Хлоя, дочь Никандра?»

— Нѣтъ, отецъ, Кробила она дочь, Лимнантись.

— Кробиль—не изъ числа моихъ друзей и въ первый разъ слышу, что у него есть дочь. Она—чужеземка».

— Не чужеземкой ли была и мать моя, твоя жена?

— Я ничего не говорю противъ дѣвушки, я ее не знаю, но ты молодъ, и твоя любовь не потонетъ при перѣздѣ моремъ въ Аѳины. Это—лучшее испытанье; вѣрная любовь, вѣрная дружба, любовь къ родителямъ и смерть за родину—четыре блага, которыя первыми должно просить у безсмертныхъ. Въ путь, въ путь, сыгъ мой; дѣвушка, если хочеть, можетъ жить часть времени у меня, чтобы я узналъ ее ближе».

И онъ обнялъ меня, задумчиваго и хмураго, какъ вершины нашихъ горъ осенью и вовсе непохожаго ни на жениха, ни на юношу, ѣдущаго къ Аѳины.

V.

— Согласенъ, согласенъ!—кричалъ я, спускаясь въ знакомую долину и видя, какъ Лимнантись сгѣвнула мнѣ навстрѣчу радостная.

Приблизившись на разстоянье, откуда можно рассмотреть выраженіе лица, она остановилась и, опустивъ поднятыя руки, промолвила:—Развѣ теперь веселыя вѣсти приносятся съ лицомъ какъ на похоронахъ? И я вѣрю больше твоимъ глазамъ и щекамъ, съ которыхъ сбѣжалъ румянецъ, чѣмъ голосу, несущему радость.

— Онъ согласенъ, говорю я, мой отецъ, на нашъ бракъ, лицо же мое печально и щеки блѣдны оттого, что я пришелъ проститься съ тобою.—И, вздыхая, съ запинками, я передалъ ей рѣшенъе и разговоръ моего отца. Видя, что она молчитъ въ отвѣтъ на мои слова, я тихо молвилъ, обнимая ее:

— Теперь ты видишь, что я говорилъ правду?—

— Да, обѣ твои правды—увы! — правдами оказались.—

— Развѣ ты не вѣришь вѣрности моей любви?

— Я и вѣрю, и не вѣрю, радуюсь и скорблю; я знаю, что ты меня любишь, но шумный большой городъ, новыя лица, друзья—плохая поддержка любовной памяти. Я буду ждать тебя одна, лишь съ твоимъ образомъ въ сердцѣ за друга, и не одинаково будетъ проходить недѣля въ Афинахъ и семь дней

въ Азіи, и часы будутъ неравно длинны для разлученныхъ любовниковъ.

Я клялся ей, цѣлуя землю, и она улыбалась, но когда, простившись, я съ горы обернулся въ послѣдній разъ на долину, дѣвушка, закрывъ лицо руками, казалась плачущей. На слѣдующій день чуть свѣтъ мы съ отцомъ отправились въ Галикарнассъ, чтобы тамъ сѣсть на корабль, идущій въ Аоины, такъ какъ онъ не заходилъ въ Коріанду. Слушая краемъ уха наставленія моего отца, я смотрѣлъ, какъ родной берегъ все удалялся, и мысль, что я вижу его въ послѣдній разъ, была далека отъ меня.

VI.

Отправляясь впервые на настоящемъ кораблѣ въ такой сравнительно дальній путь, я мало думалъ объ оставляемомъ мною: объ отцѣ, дѣвущкѣ и Коріандѣ, и, слѣдуя мимо голубоватыхъ въ дымкѣ отдаленности острововъ, я смотрѣлъ на играющихъ дельфиновъ, мало занимаясь своей будущей судьбою. На кораблѣ я свелъ знакомство съ природнымъ аѳиняниномъ, который, узнавъ, кто я, куда и зачѣмъ ѣду, захотѣлъ взглянуть на письмо къ отцовскому знакомцу, гдѣ я долженъ былъ остановиться.

— Главкъ, сынъ Николаеаха?—воскликнулъ новый знакомый:—но вѣдь онъ умеръ извѣстное время тому назадъ, и, будучи одинокимъ, оставилъ домъ пустымъ. Но не безпокойся, юноша, —прибавилъ онъ, замѣтивъ мое опечалившееся лицо,—я могу тебѣ оказать помощь въ этомъ отношеніи и дать письмо къ моему родственнику, живущему въ Аѳинахъ.

— Онъ, конечно, честный и достойный человекъ? —спросилъ я, помня наставленія отца объ осторожности.

— Онъ исполняетъ обычаи согражданъ, не женатъ на собственной дочери, какъ персы, не даетъ се другимъ, какъ массагеты, не считаетъ воровство за подвигъ, какъ киликійцы, и погребаетъ своихъ умершихъ по обычаю предковъ — потому считается честнымъ и достойнымъ человекомъ.

Смущенный нѣсколько такимъ отзывомъ, я повторилъ: «Все-таки онъ значить честный?»

— По-аѳински, мой другъ, по-аѳински.

— И мнѣ, увѣряешь, будетъ тамъ удобно?

— Я не знаю твоихъ свойствъ: можетъ быть, ты причудливъ какъ Демифонъ, столь-

никъ Александра, которому было жарко въ тѣни и который на солнцѣ испытывалъ холодъ, а, можетъ быть, ты, какъ Андронъ Аргосскій, переходившій безъ жажды Ливійскую пустыню. Но важнѣе всего въ твоёмъ положеніи не имѣющаго знакомыхъ и чужестранца, что ты будешь имѣть дружескій домъ, гдѣ остановиться».

Поблагодаривъ своего новаго друга, я спросилъ, какъ имя моего будущаго хозяина, и узналъ, что его зовутъ Ликофрономъ, сыномъ Менандра. За такими разговорами мы не замѣтили, какъ прибыли въ Пирей, гдѣ и сошли на сушу.

VII.

Ликофронъ жилъ у Диомейскихъ воротъ на нижнихъ уступахъ Ликабедской горы, такъ что намъ, прибывшимъ черезъ гавань, пришлось проѣхать весь городъ, чтобы достигнуть мѣста остановки. Еще начиная съ Пирея, я былъ какъ внѣ себя: мнѣ казалось, что весь городъ охваченъ трепетомъ всеобщихъ празднествъ или тревогою военнаго времени. Я никогда не видѣлъ такого количества людей, домовъ, храмовъ; лошади въ колесницахъ ржали и становились на дыбы,

солнце блеснуло на конских сбруяхъ и шлемахъ солдатъ, пролаивцы съ водой громко кричали, шли священныя процессіи и коргорты съ музыкой, голуби съ мягкимъ шумомъ крыльевъ стаями перелетали съ мѣста на мѣсто и гадалщикъ, сидя на корточкахъ у стѣны, предсказывалъ жслающимъ судьбу по бобамъ. Хозяинъ, хотя и не предупреденный, встрѣтилъ насъ радушно, равно какъ и сго два сына, приблизительно мои ровесники; меня сейчасъ же отвели въ ванну, и потомъ мы сѣли за обѣдъ, межъ тѣмъ какъ рабы паскоро приготавливали комнаты для нашего жилья. Я не знаю, были ли женщины въ семьѣ, такъ какъ за столомъ я ихъ не увидѣлъ, но мужчины были разговорчивы и просты, и, слушая ихъ непринужденный разговоръ о городскихъ дѣлахъ и вопросахъ поэзіи, я чувствовалъ свое еще полное невѣжество, но когда я высказалъ свои мысли, гости громко разсмѣялись, говоря, что въ моемъ возрастѣ время еще далеко не потеряно, и что младшій изъ сыновей хозяина, Хризиппъ, старшій меня только на нѣсколько мѣсяцевъ, будетъ моимъ спутникомъ и товарищемъ въ занятіяхъ. Когда рабъ, пожелавъ мнѣ спокойной ночи, оставилъ меня одного, я долго

ходилъ взадъ и впередъ по своей маленькой комнатѣ. Шумъ улицъ или смолкъ уже, или не долеталъ досюда, и въ окно, расположенное выше моего роста, виднѣлся квадратъ ночного неба съ большою одинокою звѣздою, знакомою мнѣ еще съ дѣтства въ Коріандѣ. Я съ грустью вспомнилъ о родинѣ, Лимнантисъ, но скоро отвлекся мыслью къ завтрашнему утру, когда я пойду слушать философовъ и Артемія ритора вмѣстѣ съ Хризиппомъ, казавшимся мнѣ такимъ умнымъ, изящнымъ и красивымъ.

VIII

Жизнь наша, хотя и въ Аеинахъ, была очень однообразна; мы знали только двѣ дороги: изъ дому къ мѣсту нашихъ занятій и обратно домой; сначала по старинному обычаю насъ сопровождалъ даже рабъ, неся наши вещи, но потомъ мы стали ходить вдвоемъ. Я очень подружился съ сыномъ Ликофрона и, переставъ нѣсколько считать его фениксомъ учености и свѣтскости, я тѣмъ свободнѣе говорилъ съ нимъ о дѣтствѣ, о своемъ отцѣ, о старой Манто и о моей любви къ Лимнантисъ. Признанія Хризиппа были другого рода и, непонимае-

мые мною, нѣсколько смушали меня, что я готовъ былъ всецѣло относить къ моей необразованности, и всѣми силами старался стать достойнымъ дружбы этого высокаго и надменнаго юноши.

Однажды подъ вечеръ мы гуляли въ олеандрахъ за городомъ у ручья, и я въ десятый разъ вспоминалъ о Лимнантисъ, какъ Хризиппъ, усмѣхнувшись, молвилъ:

— Ты какъ старый жрецъ повторяешь слова, о которыхъ не думаешь, и я не вѣрю, что поцѣлуй простой дѣвочки могли быть такъ искусны, чтобы память о нихъ сохранялась полгода.

И раньше чѣмъ я успѣлъ что-нибудь отвѣтить, онъ взялъ мой затылокъ одной рукой и, крѣпко прижавъ мои губы къ своимъ, поцѣловалъ меня, быстро вложивъ свой языкъ мнѣ въ ротъ и взявъ его обратно такъ неожиданно, что мнѣ это казалось молніей, и, ясно запомнивъ его потемнѣвшіе зрачки совсѣмъ близко къ моимъ глазамъ, я не узналъ его черезъ секунду въ опять спокойномъ надменно усмѣхающемся высокомъ юношѣ.

Ночью я горько проплакалъ, вспоминая о Лимнантисъ, но вскорѣ память о ней становилась все блѣднѣе, и какъ радушный

домъ Ликофрона замѣнилъ мнѣ отповскій,
такъ бѣдная любовь дѣвушки забылась
мною въ первыхъ радостяхъ тѣсной дружбы.

IX.

Позванный черезъ раба Ликофрономъ,
я нашелъ его сидящимъ въ саду подъ пла-
таномъ; въ рукахъ у него были таблетки,
которыя онъ держалъ открытыми; солнце
освѣщало скамейку и колѣни Ликофрона въ
бѣлой туникѣ, оставляя лицо его въ тѣни.

— Тебѣ неизвѣстно написанное здѣсь?—
спросилъ онъ, протягивая мнѣ воцѣпленныя
дошечки, гдѣ я прочелъ:

Сравнить возможно ль снѣгъ на вершинахъ горъ
Съ твоимъ прекраснымъ, яснымъ какъ день челомъ?
И кудри тѣнь на лобъ бросаютъ,
Тѣни отъ тучи подобны лѣтней.

Сравнить возможно ль неба лазурь весной
Съ очей лавурью, гдѣ не бываетъ тучъ,
Гдѣ вѣчно та весна осталась,
Будто въ блаженныхъ райскихъ рощахъ?

Сравнить возможно ль алой гвоздики цвѣтъ
Съ твоимъ румянцемъ, алостью нѣжныхъ губъ?
И сколько верепъ есть въ гранатѣ,
Столько въ устахъ у тебя лобзаній!

Я не читалъ дальше, узнавъ алкейскій размѣръ Хризиппа, и, отдавая назадъ дощечки, проговорилъ:

— Разумѣется, знаю: это стихи твоего сына Хризиппа.

— А къ кому они обращены, ты тоже знаешь?

— Ты спросилъ бы лучше у него самого объ этомъ, но мнѣ онъ говорилъ, будто ко мнѣ обращена элегія,—отвѣтилъ я менѣе спокойно. Ликофронъ, молча пожевавъ губами, началъ: — «Сдѣлать совершившееся не бывшимъ невозможно, но имѣя амбаръ, охваченный пожаромъ, должно заботиться о спасеніи другихъ построекъ. Теперь я отвѣчаю за тебя передъ твоимъ отцомъ, и если даже не случится необходимости тебѣ его увидать, чтобы уснокоить его старость, все совершасмое тобою будетъ подробно ему извѣстно. Думай объ этомъ при поступкахъ». — Ликофронъ всталъ и поправилъ одежду, будто давая знать, что бесѣда кончена.

Гнѣвъ Хризиппа, когда я передалъ этотъ смутившій меня разговоръ, былъ ужасенъ. «Бѣжать, бѣжать! — поминутно повторялъ онъ, ругаясь какъ бѣшеный:—развѣ мы живемъ въ Спартѣ? Изъ-за обыкновеннѣйшей

вещи подымать такой шумъ? Небось, испугастся, когда увидитъ, что мы осмѣлились отплыть. Притворись обиженнымъ и скупающимъ по родинѣ, и когда ты сядешь на корабль, дѣлая видъ, что отплываешь въ Галикарнассъ, я буду уже на палубѣ, чтобы вмѣстѣ ѣхать провести нѣкоторое время на Критѣ, гдѣ у меня достаточно друзей». Я былъ смущенъ и обидой и необыкновенностью Хризисова плана, а онъ утѣшалъ меня, обнимая, и шаткая кровать скригѣла отъ нашихъ движеній.

Х.

Начатое благопріятно путешествіе было очевидно неугодно богамъ, такъ какъ на второе утро омрачившееся внезапно небо, отдаленные раскаты грома и громкій крикъ морскихъ птицъ извѣстили насъ о надвигающейся бурѣ. Она налетѣла раньше, чѣмъ мы думали, и, несмотря на выброшенный грузъ, на наше бросанье всей толпой съ борта на бортъ, при каждой волнѣ, чтобы привести корабль въ равновѣсіе, на наши молитвы и обѣты богамъ, вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ, что намъ не избѣгнуть крушенія.

Со слезами и поцѣлуями мы съ Хризиппомъ связали себя длиннымъ поясомъ, чтобы вмѣстѣ спастись или погибнуть, и бросились въ бушевавшее море въ ту минуту, какъ раздался трескъ нашего корабля, нанесеннаго бурей на острую скалу, заглушенный крикомъ экипажа. Вынырнувъ черезъ нѣкоторое время изъ поглотившей насъ волны, я увидалъ, что непрочная связь, соединявшая насъ, порвалась, и, не слыша словъ Хризиппа, плывшаго вблизи, но уже отдѣльно отъ меня, изъ-за свиста вѣтра, шума волнъ и почти незамѣтнаго при общемъ грохотѣ грома, я кричалъ ему ободренія, крѣпко держась за попавшуюся подъ руки доску. Волны раздѣляли насъ все больше и больше, и, все болѣе удаляясь отъ своего друга, я видѣлъ, какъ его скрывшаяся подъ водой голова вынырнула, чтобы снова быть покрытой водою, и, захлеснутая волною послѣ вторичнаго появленія, не показывалась больше. Обезсиленный борьбою со стихіею, пораженный очевидной гибелью друга, я лишился чувствъ и не знаю, молитвами ли моего отца въ Коріандѣ, покорностью ли моего тѣла, предавшагося на волю волнъ, спасенный, очнулся на незнакомомъ песчаномъ берегу, усѣянномъ об-

ломками нашего судна, и то мертвыми, то безчувственными тѣлами. Всѣ мои члены были разбиты, меня тошнило отъ соленой морской воды, и при воспоминаніи о гибели моего друга изъ глазъ моихъ полились обильныя слезы. Когда тучи совсѣмъ пропали и засіяло солнце, пришли люди, забравшіе выброшенныя и годныя еще вещи и оставшихся живыми людей; такъ какъ я не могъ двигаться, меня отнесли на рукахъ въ хижины прибрежныхъ горъ, жители которыхъ были пираты и торговцы невольниками, родомъ изъ Тира.

XI.

Захватившіе насъ рѣшили, подождавъ, когда я достаточно окрѣпну, чтобы перенести далекій путь и чтобы имѣть достаточно хорошій видъ для покупателей, опредѣливъ меня въ партію рабовъ, отправляемыхъ на Александрійскій рынокъ; остальныхъ плѣнниковъ съ нашего корабля они распродали по окрестностямъ, оставивъ до Александріи, кромѣ меня, только еще старика изъ Трапезунда, цѣннаго своимъ знаніемъ ухода за садами. Работать меня не принуждали, и я, слабый отъ перелесеннаго,

цѣлыми днями лежалъ въ полутемной комнатѣ, думая о прошломъ, оплакивая несомнѣнную гибель Хризиппа, или слушая разсужденія трапезундца, человѣка добраго и справедливаго, хотя и не признававшаго безсмертныхъ боговъ, волѣ которыхъ, напротивъ, покорившись, я легко и бездумно помышлялъ о будущемъ. Звали моего новаго друга Теофиломъ, хотя онъ былъ еврей по вѣрѣ. И мы очень желали попасть къ одному и тому же хозяину, не разставаясь и въ рабствѣ. Это наше желаніе исполнилось вполнѣ, такъ какъ, когда послѣ довольнаго времени насъ привезли въ Александрію и выставили на рынокъ раннимъ утромъ, мы были въ тотъ же день куплены однимъ человѣкомъ, приставившимъ Теофила къ огороду, а меня взявшимъ для своихъ личныхъ услугъ, такъ какъ я былъ молодъ и пріятенъ на взглядъ. Такъ какъ мой хозяинъ былъ человѣкъ далеко не старый, добрый, всегда улыбающійся и отъ него пахло мускусомъ и амброй, то я скоро привыкъ къ своему положенію, хотя садовникъ и говорилъ, что я живу во грѣхѣ, чего я не понималъ, будучи различной съ нимъ вѣры. Хозяина же нашего звали Евлогіемъ, и его домъ находился недалеко отъ Солнечныхъ воротъ.

Всего утомительнѣе бывало для меня стоять во время долгихъ пировъ. Когда интереснѣйшіе вначалѣ разговоры становились безсвязными, пѣвцы и музыканты, уставшіе, играли каждый свое, воздухъ дѣлался тяжелъ отъ пара жареной дичи, дыма куреній и дыханія людей, подавая блюда и вино, или ходя съ освѣжающей вербеной, я совсѣмъ засыпалъ и чуть не падалъ на пролитыхъ лужахъ вина и раздавленныхъ брошенныхъ розахъ. Однажды Евлогій давалъ прощальный ужинъ актрисѣ и куртизанкѣ Пелагеѣ, которую онъ любилъ больше трехъ мѣсяцевъ. Она сидѣла рядомъ съ нимъ въ вѣникѣ изъ настурцій, въ полосатомъ, черномъ съ краснымъ, хитонѣ, рыжая, съ нѣсколько раскосыми подведенными глазами, блестя подвѣсками и зубами, видными во время улыбки, прикасаясь къ кубку въ томъ мѣстѣ, гдѣ прикасался Евлогій, и тихонько съ нимъ говорила, будто не передъ разлукой. И вдругъ, когда случайно говоръ стихъ, была услышана ея рѣчь къ хозяину: «И вотъ, прощаясь съ тобой, мой другъ, я обращаюсь къ тебѣ съ просьбой: по обычаю не откажи мнѣ подарить на память, чего бы я ни пожелала!» — Приказывай, прекрасная Пе-

лагаея; надѣюсь, ты не будешь кровожадна и не потребуешь моей жизни?—«Елевсиппа я прошу, твоего раба», сказала женщина, и Евлогій не нахмурившись, быстро отвѣтилъ:—«Онъ твой, - и потомъ, обратившись ко мнѣ, добавилъ:—Цѣлуй руку новой госпожѣ». Пелагея мнѣ казалась чудомъ красоты; не будучи новичкомъ въ любви, я не зналъ женщинъ, и слова куртизанки мнѣ показались зовомъ къ чему-то невѣдомому; но, не сознавая самъ, что я дѣлаю, я опустился на колѣни передъ Евлогіемъ и сказалъ: «Я — рабъ твой: ты меня можешь убить, продать, подарить, но если мой голодъ можетъ быть услышанъ, не прогоняй меня; если ты недоволенъ, накажи меня, но не разлучай съ тобою». Евлогій, нахмурившись, молчалъ, а Пелагея, захолавъ въ ладоши, воскликнула:—Я отказываюсь, я отказываюсь: лишить такого преданнаго и нѣжнаго слуги было бы преступленіемъ!

На утро я былъ высѣченъ, но нѣжность Евлогія ко мнѣ удвоилась.

XIII.

Однажды, когда по обыкновенію трапезундецъ укорялъ меня за жизнь, которую я веду въ домѣ господина, я замѣтилъ ему:

— Я дѣлаю это не по своей волѣ, будучи рабомъ, притомъ если ты заботишься о моемъ спасеніи, то, хотя бы и исправивъ свою жизнь по твоему, я, не принявъ твоего ученія, все равно буду далекъ отъ цѣли.

— Во-первыхъ, будучи рабомъ, можно свою волю и желаніе вкладывать въ то, что дѣлаешь какъ невольникъ, а потомъ я скажу тебѣ, что вотъ однажды отецъ сказалъ двомъ сыновьямъ: «сдѣлайте то-то»; одинъ сказалъ: «вотъ снѣ» и сдѣлалъ, а другой: «слушаю, батюшка»—и не сдѣлалъ. Кто же изъ нихъ исполнилъ отцовскую волю?

— Я не понимаю, почему нужно быть или упрямымъ лицомъ, или добрымъ грубіяномъ, но если тебѣ хочется, я познакомлюсь съ твоими единовѣрцами, чтобы ближе узнать ваше ученіе.

Мы замолчали, такъ какъ изъ ближайшей аллеи вышелъ Евлогій въ сопровожденіи большой овчарки; онъ шелъ задумавшись, но не грустный и, замѣтивъ насъ, далъ знакъ мигъ остаться, уйти другому, сѣвъ на скамью, нѣкоторое время смотрѣлъ на летающихъ низко надъ землею съ крикомъ ласточекъ и потомъ, посадивъ меня рядомъ съ собою, началъ:

— Любишь ли ты меня, Елевсиппъ?

— Ты знаешь, господинъ, что я люблю тебя.

— Ты любишь меня какъ добраго хозяина и изъ боязни, въ случаѣ нелюбви, смерти или продажи другому, можешь быть, менѣе ласковому.

Вспыхнувъ, я отвѣтилъ: «Ты несправедливъ, думая такъ; если бъ ты былъ равнымъ мнѣ, я бы любилъ тебя не менѣе».

Помолчавъ, онъ продолжалъ, глядя собаку:

— Если все проходитъ, все тлѣнно, это не означаетъ, что должно отвергать или пренебрегать этими вещами, но бываетъ, что человѣкъ устаетъ въ пути и, не дожидаясь, когда сонъ сомкнетъ ему вѣки, самъ ложится раньше вечера спать на дворѣ гостиницы.

Хотя его словѣ не несли явной мысли о печали, мнѣ стало жаль его, и я, не знаю самъ къ чему, проговорилъ:

— Есть люди, считающіе душу людей безсмертною.

— Ты — не христіанинъ? — промолвилъ онъ разсѣянно.

— Нѣтъ, я не знаю христіанъ и вѣрю въ безсмертныхъ боговъ.

— Если намъ придется разстаться, юноша, будешь ли ты вспоминать обо мнѣ?

— Вѣрнымъ тебѣ я быть клянусь.

— При встрѣчѣ съ носящимъ мое имя человекомъ на минуту вспомнить, что это имя знакомо—было бы достаточною вѣрностью,—улыбнувшись моему восклицанію, замѣтилъ онъ.

Рабъ принесъ только что купленную вазу, гдѣ гирляндой плясали вакханты и Ахиллесъ прялъ въ женской одеждѣ въ кругу служанокъ; рассматривая ее съ непривычнымъ любопытствомъ, Евлогій тихо сказалъ:

— Я могъ бы разбить ее движеніемъ руки, но она можетъ пережить моихъ дѣтей и внуковъ и память о нихъ.

Записавъ цѣну, онъ распорядился насчетъ посадки осеннихъ цвѣтовъ и, въ сопровожденіи овчарки, легкой походкой удалился, оставивъ меня смущеннымъ и недоумѣвающимъ.

XIV.

Имѣя нѣкоторое время свободнымъ, мы съ Панкратіемъ, не взирая на сильный вѣтеръ и тучи, отправились, какъ уже давно мечтали, кататься въ лодкѣ по Нилу.

Вѣтеръ уже разорвалъ закрывавшія небо тучи, и багровый закатъ обнаружился во всемъ своемъ зловѣщемъ величіи, кровяня

волны съ гребнями, когда мы, съ трудомъ двигая веслами, повернули домой, то вспоминая прошлое, при чемъ Панкратій живо рассказывалъ свои похождения у актеровъ, отъ которыхъ его купилъ Евлогій, то говоря о смутности послѣднее время нашего хозяина. Не успѣли мы привязать нашу лодку къ желѣзному кольцу у широкой лѣстницы, спускающейся изъ сада къ рѣкѣ, мѣсту обычной стоянки хозяйскихъ суденъ, какъ нашъ слухъ былъ пораженъ смутными криками, доносившимися изнутри дома. Ведомые этими звуками и видя бѣгущихъ только въ одномъ съ нами, но не встрѣчномъ направленіи людей, мы не могли узнать причины этихъ стenanій раньше, чѣмъ не достигли комнаты, гдѣ въ ваннѣ сидѣлъ Евлогій, казавшійся уже безжизненнымъ, смертельной блѣдности, окруженный друзьями, домашними и докторами. По скорбнымъ лицамъ присутствующихъ, молчанію, царившему здѣсь, изъ сосѣдняго покоя доносившимся воплямъ, мы поняли, что смерть не оставила мѣста никакой надеждѣ, и, не спрашивая о несчастіи, молча присоединились къ общему горю. На слѣдующее утро мы узнали, что Евлогій, оставивъ краткую записку, гдѣ говорилось объ усталости

и пустотѣ жизни, добровольно открылъ себѣ жилы въ бурный осенній день, когда солнце появилось только въ багровомъ закатѣ. Изъ завѣщанія стало очевидно, что мы, награжденные хозяиномъ, отпущены на свободу. Не имѣя опредѣленныхъ плановъ, несмотря на неудовольствіе Теофила изъ Трапезунда, я рѣшилъ искать судьбы съ Панкратіемъ, намѣревавшемся, отыскавъ старыя знакомства, снова приняться за прежнее занятіе актера.

ХV.

Наше общество состояло изъ Панкратія, меня, Діодора, искуснаго гимнаста, съ сыномъ Іакхомъ, Кробила, Фанеса и бѣлой собаки Молосса; мы путешествовали въ двухъ повозкахъ, вмѣщавшихъ наши пожитки и приспособленія для представленій, останавливаясь въ попутныхъ мѣстечкахъ и городахъ, иногда спеціально приглашаемые на мѣстные праздники, живя не богато, но весело и беззаботно.

Панкратій меня быстро обучилъ своему искусству, и, привыкну къ театру въ нѣсколькихъ небольшихъ роляхъ, я скоро перешелъ на первыя, играя, благодаря своей молодости, дѣвушекъ и богинь, особенно,

говорять, трогательно изображая Ифигенію, приносимую въ жертву Агамемнономъ, и Поликсену. Бездумная жизнь въ Коріандѣ, гибель Хризиппа, примѣръ Евлогія научили меня не придавать большой цѣнности богатству и благосостоянію, и, имѣя душу спокойной, я былъ счастливъ, ведя жизнь странствующихъ мимовъ. Я любилъ дорогу днемъ между акацій мимо мельницъ, блиставшаго вдали моря, закаты и восходы подъ открытымъ небомъ, ночевки на постоялыхъ дворахъ, незнакомые города, публику, румяны, хотя и при маскѣ, шумъ и хлопанье въ ладоши, встрѣчи, бѣглыя интриги, свиданья при звѣздахъ за досчатымъ балаганомъ, ужины всей сборной семьей, пѣсни Кробила, лай и фокусы Молосса. Деньги, полученныя отъ бывшаго господина, я хранилъ въ крашеномъ ларчикѣ изъ рѣзного дерева и не трогалъ ихъ до подходящаго случая, который и не замедлилъ представиться, но объ этомъ узнается въ свое время, какъ и послѣдующее теченіе моею полной превратностей жизни.

XVI.

Однажды, случайно бодрствуя ночью, когда въ гостиницѣ всѣ уже покоились

сномъ, я услышалъ сильный запахъ дыма, и сквозь щели деревянныхъ стѣнъ мелькали красноватые отблески, не похожіе на свѣтъ зари; выглянувъ въ слуховое окно, я увидѣлъ, что домъ, гдѣ мы спали, наполовину объятъ пламенемъ, не замѣтитъ которое дала возможность моя, бодрствующаго, глубокая задумчивость и крѣпкій сонъ товарищей. Громко закричавъ о пожарѣ, я, не будучи еще раздѣтымъ, быстро сбѣжалъ по занявшейся уже лѣстницѣ, крикнувъ по дорогѣ какому-то спящему старику: «спасайся, авва!» и очутился на улицѣ невредимымъ и первымъ спасшимся. Вскорѣ мѣсто передъ пожаромъ было наполнено народомъ, тушащимъ домъ, сосѣдями, любопытными, матерями, отыскивающими своихъ дѣтей, собаками, пожитками, наваленными кучей, плачущими дѣтьми; люди изъ второго жилья простирали руки, вотще умоляя о помощи, или калѣчились, бросаясь изъ оконъ, такъ какъ лѣстница давно уже рухнула; старикъ бродилъ по площади, рассказывая, какъ онъ былъ разбуженъ громкимъ крикомъ: «спасайся, авва», и увидѣлъ огневласаго ангела, который и сохранилъ его отъ вѣрной гибели.

— Полно баснословить, отецъ,—сказалъ

я, подходя къ старику,—этотъ ангелъ былъ не кто другой, какъ я.

Но разсказчику и слушателямъ больше нравился огневласный ангелъ, и они недружелюбно промолчали на мои слова. Когда отъ дома осталась только кирпичная печь съ одиноко торчащей трубою, всѣ стали расходиться и солнце близилося къ полдню, я замѣтилъ дѣвочку лѣтъ семи, горько плачущую на обгорѣломъ бревнѣ. Съ трудомъ получая отвѣты отъ нея самой, я, черезъ сосѣдей, узналъ, что ея родители, люди проѣзжіе, погибли въ пожарѣ, въ городѣ близкихъ нѣтъ никого и что ее зовутъ Манто. Это имя, напоминавшее мнѣ мою далекую родину, безпомощное положеніе ребенка, не перестававшаго молча плакать, привычка не долго думать и покоряться судьбѣ, сознаніе, что у меня есть деньги,—заставили меня оставить дѣвочку у себя, и наша семья, потерявшая сгорѣвшаго Молосса, пополнилась маленькой Манто, пскорѣ привыкшей къ намъ и къ нашей жизни. Но заботы о ея пропитаніи и воспитаніи считались принадлежащими главнымъ образомъ мнѣ.

XVII.

Слѣдующую часть моей жизни, быть можетъ, еще болѣе богатую приключеніями,

я принужденъ передать болѣе кратко, горючимъ близостью конца, общаго всѣмъ людямъ, и не желая оставлять безъ урока имѣющихъ возможность почерпнуть таковой въ моемъ повѣствованіи. Около этого времени я былъ просвѣщенъ святымъ крещеніемъ и присоединенъ къ святой апостольской церкви. Этимъ я обязанъ Теофилу изъ Трапезунда, съ которымъ я встрѣтился въ одинъ изъ нашихъ заѣздовъ въ Александрію; онъ ясно представилъ мнѣ всю скверну и грѣховность моей жизни и даже отсутствіе самой надежды на вѣчное блаженство при продолженіи ея. Я благосклонно слушалъ его наставленія, чувствуя усталость отъ однообразія пестрой жизни странствующихъ мимовъ, любовныхъ исторій и путешествій; меня беспокоила участь маленькой Манто, но трапезундецъ сказалъ, что питающій птицъ небесныхъ не оставитъ погибнуть невинное дитя, особенно если оно будетъ просвѣщено святымъ крещеніемъ. Я и дѣвочка приняла таинство въ одинъ и тотъ же день отъ самого александрійскаго папы и съ успокоенной совѣстью въ одно ясное утро для скорѣйшаго достиженія блаженства я покинулъ столицу, чтобы направиться въ ливійскую пустыню.

XVIII.

Мнѣ нравилась простота братій, долгій день, раздѣленный между плетеніемъ корзины и молитвами, рассказы о козняхъ дьявола, то проливающего кружку съ водой, то отягчающаго дремотой вѣки брата за чтеніемъ псалтыря, то являющаго въ сновидѣніяхъ, казавшіяся давно забытыми, милія лица, то въ видѣ черныхъ пагилъ отроковъ пляшущаго передъ отдаленными кельями. Рассказы братій, приходившихъ изъ дальнихъ лавръ и киновій, имѣли также предметомъ различіе уставовъ, пищи и бдѣній, особое попечительство Господа Бога о пустынножителяхъ и нападки на нихъ дьявола. Одинъ только рассказъ, одна встрѣча не походила на обычныя повѣствованія и, какъ шумъ моря въ занесенной на сушу раковинѣ, напомнила мнѣ жизнь въ мірѣ, полную превратностей и уроковъ.

XIX.

Однажды, подожди къ источнику, я замѣтилъ челоуѣка съ дорожной сумкой, сидѣвшаго скрестивъ ноги на камнѣ, въ позѣ, выражавшей сладость и безмятежность покоя. Безъ одеждъ онъ походилъ бы на

отдыхающаго Гермеса. Привѣтствовавъ его, я спросилъ, куда онъ такъ сѣѣннть.

— Ты правъ болѣе, чѣмъ думаешь,—отвѣчалъ тотъ, улыбаясь,—говоря, что я спѣшу, по человѣку, загнавшему лошадь и принужденному идти пѣшкомъ по пустынѣ семь дней подъ энімъ солнцемъ, позволительно отдохнуть и подумать о дальнѣйшемъ.

Освѣжившись отдыхомъ, свѣжей водой и пищей, принесенной мною, юноша началъ разсказъ, сдавшись на мои настойчивыя просьбы.

— Я родомъ изъ Милета и зовусь Харикломъ, а мой отецъ носилъ имя Ктезифона. Онъ былъ купецъ, но меня предназначалъ для другого поприща, и едв амнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, послалъ меня на знакомомъ кораблѣ въ Римъ къ старому своему знакомцу и школьному товарищу Манлію Руфу.

Мнѣ было жаль покидать родину, тѣсный кружокъ друзей, Мелиссу, которая начинала болѣе благосклонно выслушивать мои нашептыванья, но я былъ молодъ, и самое слово «Римъ» меня влекло какъ луна морскую воду.

— Конечно, въ Римѣ молодому чело-

вѣку съ деньгами можно недурно провести время не только въ Субуррѣ, но и съѣздивъ къ морю за Остію,—замѣтилъ я.

— Ты заблуждаешься, думая, что только жажда наслажденій влекла меня въ Римъ.

У Руфа былъ степенный изящный домъ, рѣдкая бібліотека, и его бесѣды были истиннымъ наставленіемъ для робкаго провинціала; встрѣчая у него множество всякихъ людей, я не имѣлъ надобности выходить одному и почти всегда только сопровождалъ своего хозяина. Однажды мы отправились въ циркъ; Цезарь, задержанный дѣлами, опоздалъ, и въ циркъ, совсѣмъ уже наполненномъ, ждали только его прибытія, чтобы начать зрѣлище. Осматривая ряды зрителей, я замѣтилъ двухъ людей, которые привлекли мое вниманіе.

Признаюсь, что, собственно, красота одного изъ нихъ заставила меня обратить вниманіе и на не совсѣмъ обычный ихъ видъ. Старшій изъ нихъ, въ одесѣдѣ восточныхъ астрологовъ, что-то говорилъ младшему, не сподя съ него глазъ, и заканчивалъ свою рѣчь улыбкой, похожей на улыбку заклинателя змѣй, между тѣмъ какъ тотъ въ свою очередь также, казалось, не видѣлъ ничего изъ окружающаго, кромѣ глазъ сво-

его спутника. «Кто эти?»—спросилъ я у Манлія, но тотъ замахалъ на меня рукою говоря: «Кто же этого не знаетъ? Орозій магъ и его ученикъ! Развѣ можно громко задавать такіе вопросы? тише—Цезарь». Дѣйствительно, Цезарь, окруженный свитою, входилъ въ свою ложу. Съ тѣхъ поръ мои мысли всецѣло были заняты этимъ юношей, и я всячески изыскивалъ средства увидѣть его; узнавъ мѣсто, гдѣ жилъ Орозій, и сказавъ Руфу, что хочу составить свой гороскопъ, я отправился однажды вечеромъ въ дальній кварталъ, гдѣ жилъ магъ, въ тайной надеждѣ свидѣться съ предметомъ моей любви. Я узналъ обиталище мага по лвамъ, которые, прикрѣпленные къ цѣпи, ходили взадъ и впередъ передъ входомъ; нѣмой рабъ, ввелъ меня въ переднюю, оставилъ тамъ одного; я, едва сдерживая бьющееся сердце, смотрѣлъ на догорающіе угли въ жаровнѣ, мерцающія мѣдныя зеркала, высушенные кожи змѣй. Наконецъ, занавѣсъ отдернулся и вошелъ магъ, но онъ вошелъ одинъ.

Разсказчикъ, отерши потъ съ лица, такъ продолжалъ:

— Придя за гороскопомъ, я думалъ найти любовь и встрѣтилъ заговоръ и смерть.

— Да, трудно предположить, что можно встрѣтить, увлекаясь чувствами,— промолвилъ я нѣсколько равнодушно.

— Магъ далъ мнѣ нѣсколько старинныхъ стиховъ, гдѣ говорилось о смѣлости, орлахъ и солнцѣ, и гдѣ я привѣтствовался какъ новый герой. Я помню начало и нѣкоторыя отдѣльныя фразы.

Радостнымъ, бодрымъ и смѣлымъ, врю я блажен-
наго мужа,
Что для господства рожденъ съ знакомъ царя на
челѣ...
Въ горныхъ высотахъ рожденный потокъ добѣгаетъ
до моря.
Въ плоскихъ низинахъ вода только болото даетъ.
. Осушивши
Кубокъ до дна, говори: «выпилъ до капли вино».
И между усть, что къ лобзанию стремятся, разлука
проходить.

Вскорѣ—увъ—я узналъ на себѣ справедливость послѣдняго изреченія. Посѣщая Орозія все чаще и чаще, я увидѣлъ, что волоченъ въ большую сѣть заговора, который едва не потрясъ власти Кесаря. Ты, можетъ быть, слышалъ про это великое предпріятіе, не удавшееся на первыхъ порахъ, по которое, клянусь Ваххомъ, восторжествуетъ?

— Ты напрасно думаешь, что великое для тебя и твоихъ римскихъ друзей велико и для всего міра.

— Но Цезарю было важно то, что касалось его благоденствія. Вскорѣ онъ узналъ черезъ шпионовъ о заговорѣ противъ его божественности; вездѣ начались аресты; друзья Манлія Руфа передавали это какъ свѣжую новость. Самъ Руфъ не былъ ни въ чемъ замѣшанъ и не зналъ, какъ терзаютъ мое сердце все болѣе подтверждающіеся слухи объ открытіи заговора и вѣроятной казни участниковъ. Когда я заходилъ въ домъ мага, я часто не заставалъ ни Орозія, ни юноши; унылыя лица слугъ, молчаніе или тоскливое перешептываніе, пыль, лежавшая повсюду слоями — все говорило, что обитатели этого дома слишкомъ заняты важными и не сулящими благополучія тревогами. Однажды я засталъ Марка (сказалъ ли я тебѣ, что такъ звали ученика мага?) въ передней; выходя, онъ крѣпко сжалъ мою руку и, не останавливаясь, прошепталъ: «Завтра передъ солнцемъ жди меня у воротъ, что ведутъ къ Остіи. Увидитъ Цезарь, что не рабовъ въ насъ встрѣтилъ, а героев!»—Разказчикъ умолкъ, опустивъ голову на руки, и я, подождая достаточное

время для успокоенія чувствъ или риторической остановки, промолвилъ:

— Прошу тебя, продолжай, если есть продолженіе; твой рассказъ меня живѣйше интересуешь.

— Когда я вышелъ за ворота, надъ равниной, спускающейся къ морю, поднимался туманъ, который казался тѣмъ гуще, что за городскими стѣнами уже была видна заря. Вскорѣ я увидѣлъ всадника, въ которомъ я безъ особеннаго труда узналъ Марка; молча онъ сошелъ съ коня и сталъ доставать письма; я замѣтилъ необыкновенную строгость выраженія его блѣднаго, почти еще отроческаго лица и то, что онъ какъ будто раненъ. Передавая мигъ письма къ друзьямъ другихъ городовъ, дѣлая наставленія, онъ вдругъ пошатнулся, прижавъ къ сердцу свою одежду, сквозь которую явственно выступила кровь. Опершись на мое плечо, онъ продолжалъ голосомъ, все слабѣющимъ, но не менѣе полнымъ воли и огня: «Если я буду близокъ къ смерти, если я умру, не бойся оставить меня здѣсь, на дорогѣ. Спиши, спиши, бери мою лошадь, оставь меня такъ... Будь радостнымъ, помни: учитель общалъ тебѣ радость, я же завѣщаю тебѣ любовь!—И онъ, наклонившись, поцѣловалъ

меня въ первый разъ, затѣмъ, вздрогнувъ, умеръ. Солнце уже было видно изъ-за городскихъ стѣнъ, и я, поцѣловавъ еще разъ мертваго друга, закрылъ ему лицо полови плаща, сѣлъ на оставленнаго имъ коня и быстро поѣхалъ къ гавани.

XX.

Десять разъ зиму смѣняла весна и за лѣтомъ слѣдовала осень съ тѣхъ поръ, какъ я удалился въ пустыню; память о прошломъ едва уже рисовала мнѣ знакомыя картины прежней жизни, и я считалъ себя давно совлекшимъ ветхаго Адама, когда былъ посланъ по дѣламъ кинонъ въ Александрію въ сопутствіи брата Маркела. Теперь приближается повѣствованіе, могущее смутить душу читателей, по которое тѣмъ яснѣе показываетъ, какъ мало можно надѣяться на свои силы безъ помощи благодати, какъ милосердіе освѣщаетъ самое дно бездны паденія, какъ неисповѣдимыми путями ведетъ насъ Промыслъ къ спасенію. Ты, Христось, сынъ Бога Живаго, самъ дай мнѣ языкъ глаголящій, чтобы въ моей слабости, въ моемъ паденіи была ясна Твоя высота и сила. Однажды, окончивъ нашу работу, мы съ Маркеломъ воз-

вращались къ подворью черезъ узкую улицу въ садахъ за огражденіями въ предмѣстьи. Было жарко, хотя солнце уже сѣло и изъ-за лиловыхъ пыльныхъ облаковъ выплывала луна; пахло верблюжьимъ пометомъ, пылью и жасминами, и изъ-за огражденій садовъ доносились звуки, тонкіе и гнусливые, лиръ, систровъ и неизвѣстныхъ мнѣ инструментовъ. Какія-то волны тепла будто расходились по моему тѣлу и заставляли руки дрожать и ноги замедлять шаги не отъ усталости. Мы сѣли на каменную скамью у воротъ одного сада, и Маркель съ удивленіемъ смотрѣлъ на мои опущенныя вѣки и открытый ссохшійся ротъ; звуки все звенѣли, будто рой комаровъ, и давно забытыя лица Лимнантисъ и Пелагин, Хризиппа и Евлогія закружились, сплетаясь передо мною. За рѣшеткой въ слуховомъ окнѣ показалось улыбающееся нарумяненное лицо, и намъ сказали: «Путники, зайдите внутрь, не бойтесь. Здѣсь омоютъ ваши ноги и всячески васъ успокоятъ». Я не двигался, образы все сплетались передо мною, нагіе черные отроки кувыркались въ какой-то странной безстыдной игрѣ, голосъ изъ-за рѣшетки продолжалъ говорить, тогда я всталъ и, отвернувшись отъ Маркела, смотрѣвшаго на

меня съ грустью, но безъ укора, вошелъ въ огражденье.

— Я дождусь тебя, авва,—сказалъ мнѣ оставленный на улицѣ.

XXI.

Я Оставался тамъ до утра, и братъ меня ожидалъ на улицѣ; на слѣдующій день онъ одинъ пошелъ на работу, я же, какъ плѣнникъ, все кружился около этого огражденія, и каждый вечеръ заставлялъ меня входящимъ въ знакомую калитку и внѣ сидящимъ брата. Истративши свои скудные запасы и не работая вновь, я сталъ тратить заработокъ Маркела, понесшаго двойную тяжесть. Я былъ лишень стыда и жалости и только ждалъ, когда скрихнетъ завѣтная дверь, пройду я по саду мимо парумяненныхъ смѣющихся женщинъ съ гостями, подниму тростниковую занавѣску, какъ забренчатъ запястья на тонкихъ смуглыхъ рукахъ и циколодкахъ, поцѣлуи, запахъ надушеннаго тѣла, какъ потомъ женщина, сидя на полу, подкавши ноги, будетъ перебирать струны и щиплющіе тонкіе звуки будутъ сливаться съ тилмъ, печальнымъ и страстнымъ напѣвомъ. Что-то въ лицѣ ся напоминало мнѣ о прошломъ, и я не разъ спрашивалъ ее

объ ея родителей, родинѣ, жизни. Она или цѣловала меня, закрывая глаза, или начинала плясать, звякая кольцами, или сердилась и плакала. Но однажды, когда она была добрѣй и тише, она рассказала мнѣ свою исторію, изъ которой я узналъ, что эта женщина—ни кто иная какъ маленькая Манто, спасенная мною на пожарѣ, воспитанная и потомъ оставленная, когда я покинулъ міръ; я же ей не открылся. Я долженъ говорить какъ передъ Богомъ и не могу скрыть, что была жестокая радость своимъ наслажденьемъ дѣлать еще болѣе скорбными печальные плоды моего благочестиваго подвига. Я проводилъ съ Манто дни и ночи, Маркелъ же все худѣлъ и чахъ, не говоря ни слова. Онъ уже не поджидалъ меня у воротъ, а лежалъ дома на цыновкѣ, и когда я объявилъ ему свое рѣшеніе снять ангельскій образъ и взять Манто въ жены, онъ едва могъ поднять голову. На слѣдующее утро онъ умеръ, я же отправился въ пустыню за оставленнымъ тамъ золотомъ.

XXII.

Деньги свои я нашелъ въ углу пещеры гдѣ я оставилъ ихъ зарытыми; не открывая

своихъ дальнѣйшихъ намѣреній, я объявилъ настоятелю, что покидаю ихъ киновию; игумень не сказалъ ни слова, но простился съ сухою смиренностью, и братья не пошли меня проводить до поворота дороги, какъ былъ обычай. Меня это не оскорбило, такъ какъ я возвращался изъ пустыни съ еще болѣе легкою и обновленною душою, чѣмъ шелъ туда. Путь мнѣ казался найденнымъ. «Прямо и просто поправить зло, которое надѣлалъ, хотя бы и невольно, отбросить гордость, стать обыкновеннымъ простымъ смиреннымъ семьяниномъ, работникомъ, быть добрымъ, милостивымъ — не исполненіе ли это прямыхъ словъ Господа?», думалъ я съ гордостью, и съ любовью смотрѣлъ на звѣзды, мечтая о новой жизни съ Манто и оглашая пустыню псалмами и пѣснями, которые я пѣвалъ когда-то, еще будучи въ Коріандѣ.

XXIII.

Я Открылъ красильню пурпуромъ, купилъ домъ съ садомъ, рабовъ, и Манто, освобожденная отъ необходимости продавать свою любовь, съ гордостью и стараніемъ занялась устройствомъ новаго хозяйства. Жизнь текла спокойно въ тихомъ счастьѣ

и смиренно-горделивомъ довольствѣ найденнаго пути, исполненнаго долга. Но скоро я замѣтилъ, что Манто стала задумчива, не съ такою радостью занимается огородомъ и садомъ, часто сидитъ у дверей, безцѣльно смотря на улицу, куда-то уходитъ, и однажды, возвратясь изъ мастерской, я нашелъ ее пьяною. Потомъ она сказала:

— Я знаю, что я—неблагодарное и дурное зданіе, но я такъ не могу долше жить, привыкшая къ той жизни, отъ которой ты меня освободилъ, чтобы смѣнить на эту. И тамъ, зная что я живу во грѣхѣ, я утѣшалась, что есть другая, достойная жизнь, теперь же, не ставши ни счастливѣе, ни добродѣтельнѣе, я лишена и послѣдняго утѣшенія. Я знаю, что я тебя огорчаю, прости меня за это Христа ради, но дай мнѣ уйти назадъ.

Такъ она меня покинула.

XXIV.

Продавши своихъ рабовъ, домъ и красильню и заплативъ вырученными деньгами за должниковъ, сидящихъ въ тюрьмѣ, я поселился со слѣпою овчаркою на чужомъ огородѣ, карауля его за шалашъ и пицу. Принесши къ убѣжденію, что всякій путь, считающійся

единственно истиннымъ, ложень, я считаль себя мудрѣе и свободнѣе всѣхъ. Такъ я прожилъ лѣтъ 20, и слухи о моей жизни и ученіи распространились далеко за предѣлы столицы и привлекли ко мнѣ множество людей. Такъ какъ мои слова не связывались съ опредѣленнымъ божествомъ, то они принимались равно христіанами, язычниками и евреями. Презирая деньги, я часто встрѣчалъ своихъ посѣтителей съ грубостью принимаемою ими за простоту, считая, что обращеніе должно главнымъ образомъ сообразоваться съ удовольствіемъ, доставляемымъ тому, къ кому оно направлено. Такъ прошло много лѣтъ, какъ однажды у меня явилось сомнѣніе, не есть ли мое отрицаніе пути тоже путемъ, который долженъ быть отброшенъ? Проворочавшись безъ сна до разсвѣта, поутру я вышелъ изъ шалаша, увѣренный не возвращаться назадъ, но не зная куда идти, и слѣпая овчарка залаяла на меня, какъ на чужого.

НѢЖНЫЙ ЮСИФЪ

С. С. Познякову.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Прояли дороги. Желтыми полосами, словно разогнутые лучистые вѣнчики. потемнѣвшихъ окладовъ, лентъ лежалъ на зеленомъ лугу, бурѣя серединой, золотѣя къ концамъ. Высокія тучи не грозили дождемъ; вѣтеръ съ хрустальныхъ озеръ развивалъ уже зимнюю тишину пестраго лѣса. По застывшей утромъ дорогѣ гулко стучали колеса, и лицо ѣздока, круглое и розовое, еще покраснѣло отъ нежгучаго холода.

Заворотивъ у часовни, остановился онъ у высокой избы, откуда видно было холодную сиюю воду, большой домъ въ желтой аллеѣ березъ и лѣса широко по краямъ.

Замѣтившій его въ узкое окошко старикъ поспѣшно вышелъ, говоря:

— Ахъ, баринокъ, не ждали мы васъ сегодня. Какъ же тетушка ваша Александра Матвѣевна порѣшили?

— Вотъ я пріѣхалъ къ вамъ по этому дѣлу.--Соскочивъ съ однолки, онъ оказался высокимъ и плотнымъ, въ толстой курткѣ и большихъ сапогахъ; лицо круглое и нѣжное, какъ у ребенка; слегка картавилъ.

Мужикъ продолжалъ:

— А у насъ бѣда какая!

— А что?

— Пашку-то вчера зарѣзали на фабрикѣ.

— Не можетъ быть!

— На смерть, прямо ножомъ въ животъ.

— Кто же, нашли?

— Какъ не найти! Онъ никуда и не бѣжалъ, зѣразъ схватили.

— Можетъ, вамъ неудобно будетъ, что я къ вамъ заѣду?

— Нѣтъ, что же? Дѣло дѣломъ, мы вамъ всегда рады и благодарны весьма и вамъ и барыгѣ. Вѣдь еще покойника Григорія Матвѣевича зналъ я такимъ же, почитай, какъ ны теперь.

Поднимаясь высокимъ старымъ крыльцомъ, Іосифъ Григорьевичъ изъ вѣжливости спрашивалъ подробности несчастья, вспоминая и Павла убитого, лицомъ и ростомъ.

походившаго на него, Юсифа Григорьевича Пардова.

— Какъ же Марина? — спросилъ онъ, охваченный запахомъ синяго ладана въ тѣсной избѣ.

— Не знаю; навѣрное, въ Питеръ съѣдетъ къ теткѣ покуда.

Молча досталъ Парфенъ чашку изъ отдѣльнаго шкапчика, самъ накрывъ столъ; бабьи голоса заглупленно гнусавили изъ избы черезъ сѣни.

Дѣловито и сухо поговорили о дѣлахъ. Юсифъ всталъ уходить, какъ въ двери будто вдвинулась невысокая женщина въ темномъ платьѣ, въ бѣломъ платкѣ. Не замѣчая гостя, заговорила быстро и взволнованно:

— Парфенъ Ильичъ, отпусти меня тотчасъ въ Питеръ, не въ моготу мнѣ здѣсь; прошу тебя, какъ маменька вчоръ молила тебя: отпусти меня тотчасъ; посыло мнѣ все здѣсь: домъ, озеро, дороги, лѣса — все посыло мнѣ.

— И отецъ съ матерью опостытѣли?

— Зачѣмъ пытаешь? Ты знаешь, покорна ли я, ласкова ли я до васъ, бѣгу ли работы, да не время теперь объ этомъ; душа моя погибнетъ, коль останусь...—И она заплакала,

не моргая. Парфенъ стоялъ, не говоря, и смотрѣлъ, какъ Маринины слезы скупю скатывались по щекамъ на углы платка.

— До свиданья покуда, не огорчайтесь слишкомъ, — сказалъ Юсифъ Григорьевичъ, берясь за скобку.

— Простите, сударь, что дѣвка такъ вбѣжала: внѣ себя она. Поди къ матери: думаешь, очень интересно барину смотрѣть на ваши бабьи слезы? У бабъ вѣдь всегда глаза на мокромъ мѣстѣ бывають, — добавилъ онъ къ гостю.

— Ахъ, что вы, что вы! пожалуйста не стѣсняйтесь, мнѣ давно пора, тетюшка ждетъ.

Марина снова заговорила:

— Что таить мнѣ слезы мои? Пусть весь свѣтъ глядитъ, что до того? Была душа моя чиста, какъ любовь моя чиста была. Отпусти меня тотчасъ, чтобы не впасть мнѣ въ отчаянье. Что теперь мыслю, чего желаю?— смерти! Стукни, стукни въ дверь, гостыя званная, смерть милая!

Она сѣла у двери на лавку, не закрывая лица, и тѣ же скупыя слезы крались вдоль щекъ къ платку. Твердо три раза простукунуло что-то въ окно. Всѣ вздрогнули, а Марина застыла, перекрестившись. У окна, стуча

кнотовищемъ, стоялъ толстый сѣдой попъ, разводя привѣтственно руками. Громкій голосъ доносился черезъ стекла внутрь.

— Иосифъ Григорьевичъ, сдѣлайте божескую милость, подвезите меня до Полищъ; дороги наши—благія, пришлось бричку въ кузнѣ оставить, не зналъ, какъ и доберусь, всѣ на работѣ. Вдругъ вижу—ваша кобыла у Парфена стоитъ, думаю, не до дому ли ѣдете, дай попрошусь.

— Охотно, охотно, отецъ Петръ,—обрадовавшись, заговорилъ Пардовъ.

Снова застучали колеса по мерзлой землѣ, пестрѣли лѣса, легъ жалко лежалъ на лугахъ, синѣла вода, пиво варили на берегу къ близкому празднику. Спутники рѣдко переговаривались, тѣснясь, оба полные, на узкой бричкѣ.

— Хоть и еретки, а по человѣчеству жалко Парфена. Марина теперь вѣрно въ Питеръ на Коломенскую отправится къ теткѣ.

— Она богата, ея тетка?

— Они всѣ богатые. Капусту у васъ рубили?

— Вчера.

— Ужасть сколько рыжиковъ это лѣто уродилось.

— У насъ жеребень что-то захромалъ.

— Тетушка ваша здорова-ли?

— Ничего, благодарю васъ.

— Гостей ждете къ Ангелу?

— Приѣдутъ, навѣрное.

— Рѣдко васъ посѣщаютъ?

— Рѣдко.

Иосифъ запѣлъ высокимъ и сладкимъ голосомъ тягучую пѣсню; бабушка слушала умиленно.

— Голосъ у васъ рѣдкій, Иосифъ Григорьевичъ, вамъ бы въ духовные идти!

— Не знаю, что съ жеребцомъ, послали за ветеринаромъ.

— Приѣзжайте голубей-то гонять,—прощаясь говорилъ отецъ Петръ.

— Приѣду, приѣду,—улыбаясь отвѣчала Пардовъ.

Пройдя черезъ сѣни, лѣстницу, залу, угловую, кабинетъ, Иосифъ постучался въ дверь. За туалетнымъ столомъ сидѣла Александра Матвѣевна, наводя румянецъ на худыя, морщинистыя щеки; Елизавета, стоя сзади, чесала ей волосы, и кучеръ Парменъ, опустивъ бычьи глаза, дѣлалъ докладъ, помѣщаясь у двери. Окна были завѣшаны, несмотря на первый часъ дня; горѣли свѣчи и пахло пудрой. Старая дама, обернувшись, сказала:

— Ахъ, это уже ты, Жозефъ?—и протянула сморщенную ручку для поцѣлуя.

II.

Тетушка сидѣла въ тепломъ капотѣ, по съ намянутымъ и напудреннымъ лицомъ у окна во дворъ, прямая и маленькая. Стряхнувъ пепель съ папирасы, она продолжала диктовать Юсифу жидкимъ и тонкимъ голоскомъ:

— Написалъ?.. поднявшись по винтовой лѣстницѣ, онъ увидѣлъ Лизетту, которая стояла въ одномъ разстегнутомъ лифѣ передъ зеркаломъ. Съ замираніемъ сердца смотрѣлъ онъ на розовую нѣжную грудь, видную черезъ голубой раскрытый лифъ. Но и наблюдатель, очевидно, не остался незамѣченнымъ, такъ какъ дама, улыбнувшись, но не оборачиваясь, сказала: «Кто-то идетъ къ намъ, Жужу!» и въ то же время маленькая собачка залаяла на притаившагося кавалера изъ-подъ юбокъ своей госпожи...

Солнце ударило въ банки съ вареньемъ, стоявшія подъ старымъ бюро, на которомъ были подсвѣчники безъ свѣчей; двос большихъ часовъ не шли; на стѣнѣ для симметріи висѣли однѣ и тѣ же фотографіи одного лица въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Иосифъ уныло выводилъ крупныя дѣтскія буквы, смотря, какъ на дворѣ убирали послѣ вчерашней рубки капусты; собаки лаяли и хватали зубами за метлы, мужики переругивались сонно, перечисляя старинныя провинности.

Тетушка заволновалась, зазвонила въ дребезжащій звонокъ.

— Что вамъ угодно, ма tante?

— Лизавету нужно; вѣчно пропадетъ негодная!

— Можетъ быть, я смогу вамъ быть полезень?

— Пиши, знай, дитя: она должна явиться.

Лизавета вкатилась и громкимъ басомъ закричала:

— Что у васъ за скандалъ? пожаръ, что ли?

— Что вы орете? не глухія тутъ; вѣчно васъ не докличешься!

— Ну, на что я понадобилась? носъ высморгать?

— И какъ только я терплю такое наказанье?—вдохнула тетушка, но, вспомнивъ, заговорила:

— Гдѣ Амишка? Сами слышите, на дворѣ собачья драка; Амишкѣ долго ли попасться? онъ слѣпой, даже на кресло ска-

кать не можетъ, скамеечку завели; разорвать, какъ пить дадутъ: онъ старъ. Бѣгите, узнайте!

— Оба-то вы съ Амншкой хороши, — ворчала Лизавета.

— Отъ васъ, кромѣ грубостей, что жъ услышишь?

— Только ваша доброта терпитъ Лизавету Петровну, — сказалъ Іосифъ, когда та ушла, хлопнувъ дверью.

— Хоть ты-то, мой другъ, не обижай меня: всегда не любила добрыхъ людей, — глупые они просто-на-просто. Я къ Лизаветѣ привыкла, и она — женщина съ характеромъ и смѣлая, — вотъ что дорого. А, конечно, на костная ругательница и въ гробъ меня не ставитъ.

Со двора Лизаветинъ басъ прокричалъ:

— Спать въ передней ваше сокровище, радуйтесь!

Тетушка, снова успокоившись, затянулась и продолжала диктовать:

...спустивъ ногу съ кровати, онъ нащупалъ мягкія туфли, и перелѣзши черезъ спящую, такъ какъ лежалъ у стѣнки, подошелъ къ окну...

Тихо вошедши, другая уже женщина скромно доложила:

— Яблоки для мочки приготовили, угодно будетъ посмотрѣть?

Тетушка замахала руками.

— Къ Лизаветѣ Петровнѣ, къ Лизаветѣ Петровнѣ! А то ты, другъ, наблюдай.

— Какъ прикажете,—сказалъ племянникъ, вставая и собирая книги и тетради.—Заниматься больше не станемъ?

— Довольно. Ты иѣженъ, дитя, но не будь слишкомъ добръ.

Въ отвѣтъ Юсифъ поцѣловалъ руку Александры Матвѣевны и вышелъ, высокій и плотный.

Вышедъ на дворъ, постоялъ, смотря на голубое небо, полѣзъ на голубятню провѣдать своихъ любимцевъ, пошелъ на конный и скотный дворъ. Владѣнія были такъ не велики, что времени заняло это немного; у воротъ сидѣли дѣвушки, ничего не дѣлая, въ теплыхъ платкахъ; посидѣлъ съ ними, съ конюхомъ поборолся; посмотрѣлъ яблоки для мочки медленно и лѣнливо; видя сумерки близкими, направился домой.

Обѣдали поздно, по-городскому, при свѣчахъ, втроемъ; всегда пили вино; тетя Саша къ обѣду переодѣвалась изъ капота въ платье, поверхъ котораго и въ холодъ, и въ тепло надѣвала широкую кофту. Лиза-

вета Петровна сообщала газетныя новости, Иосифъ говорилъ о жеребцахъ и дѣлахъ, тетушка мечтала о прошломъ, призывая наперстницу на помощь.

— Помните, Лизавета, (или это было еще до васъ?), какъ графъ Пантузенъ ко миѣ сватался, грозился застрѣлиться, рыдалъ, но я не любительница такихъ представлений, и свободу выше всего ставлю; все-таки въ мундирѣ ли, въ поддевкѣ ли, всѣ они, какъ до дѣла дойдетъ, грубые мужики. И отдать себя навсегда одному! я не дура, par exemple!

— Что же съ нимъ потомъ сдѣлалось?

— Ахъ, такое, другъ, такое, что и сказать нельзя.

— Самъ) замужъ вышелъ, — пробасила Лизавета Петровна.

— Ахъ, какъ это, Лизанька, вы всегда такъ прямо говорите! — разиѣженная виномъ и воспоминаніями, промолвила тетушка.

— А какъ мы въ маскарады тайкомъ бѣгали, помните?

— Было дѣло! — промолвила, улыбаясь, Лизавета Петровна.

— А Оскаръ Ивановичъ? какъ я ему отвѣчала: «поѣхать я съ вами поѣду, по

потомъ ко мнѣ не приставайте,—протягновенности не люблю!»

— Не любите протягновенности?—спросилъ Іосифъ, смѣясь.

— Не люблю!—лихо отвѣтила тетя Саша.

Перешли въ гостиную, гдѣ дребезжащее фортепьяно оживляло старыя оперетки подъ разнѣженными виномъ пальцами Александры Матвѣевны. Лизавета Петровна, сидя на диванѣ, подпѣвала басомъ.

— А Цукки, какъ она въ Эсмеральдѣ вылетала, восторгъ!—И шаткія ноги старой дамы старались изобразить воздушный полетъ той, другой. Уходя къ себѣ, вдругъ пошатнулась, ухватясь за дверь.

— Смолоду головокруженіями страдала,— улыбнувшись Іосифу, она пролепетала.

— Рассказывайте! — разсмѣявшись, замѣтила Лизавета, и подъ руку повела подругу.

III.

Часы глухо проишгѣли двѣнадцать, когда Іосифъ въ своей комнатѣ, постоявъ минуты двѣ передъ образомъ, сталъ раздѣваться при свѣтѣ лампадки. Перекрестившись еще нѣсколько разъ мелко и спѣшно, онъ юркнулъ на заскрипѣвшую кровать и нѣжный

пухъ подушекъ уже готовъ былъ охватить его сладкой дремотой, но въ натопленной маленькой комнатѣ плохо спалось и, какъ часто ночью, сталъ Іосифъ прислушиваться къ шороху и шуму въ тетушкиной спальнѣ за тонкой перегородкой. Онъ, и не видя той спальни, ясно себѣ ее представлялъ: у его кровати — сундукъ, за его сундукомъ — тетушкина шифоньерка, межъ оконъ — туалетный столъ, въ углу образникъ, затѣмъ комодъ, столъ, въ другомъ углу — тетушкина кровать. Онъ даже представлялъ, что тетушка дѣлаетъ: она стоитъ въ одной рубашкѣ передъ свѣчкой и ищетъ блохъ на ночь.

Лизаветинъ голосъ донесся:

— Размываться сегодня не будете?

— Не буду, — какъ-то смущенно созналась другая.

— И чего вы до сихъ поръ скрываете? всѣмъ вѣдь это извѣстно; я думаю, Аришка, и та давно знаетъ.

— Ты думаешь? откуда же ей знать? откуда ей знать? — заволновалась тетя Саша.

— Такъ сказала; можетъ и не знаетъ.

Помолчавъ, тетушка стукнула какой-то посудиною и снова начала:

— Въдъ нощъ, лицо раньше всего тѣла старѣется и зачѣмъ это такъ?

— Для смиренія,—отозвался басъ.

— Знаешь? — не унималась Александра Матвѣевна, — что доктора говорятъ, это чистый вздоръ, просто для страха говорятъ, съ понами стакнувшись. Да и потомъ, каждая десять лѣтъ разное говорятъ: то пей, то не пей, то гуляй послѣ обѣда, то лежи. Мари Зенькина всегда мазалась, а до шестидесяти лѣтъ была прелестна, помнишь?

— Какъ была рожей, такъ и осталась рожей.

— Ахъ, что ты, она была очень недурна—пикантна. Развяжи-ка мнѣ...

Въ эти минуты ночныхъ откровенностей тетушка была даже на «ты» съ Лизаветой Петровной.

— И знаешь, у этой Мари ни подъ мышками, нигдѣ, ну понимаешь, нигдѣ не было волосъ; она даже къ доктору обращалась, но тотъ отвѣтилъ: «помилуйте, это же гораздо красивѣе, многія просятъ вывести, наоборотъ».

— Ишь ты,—для вѣжливости промолвила Лизавета.

Стукнули въ стѣнку заворочавшагося Юсифа и тетушкинъ голосокъ продребезжалъ:

— Спишь, дитя?—и не получивъ отвѣта, она сама продолжила:

— Спать!

И Иосифъ дѣйствительно засыпалъ уже подъ тихій шорохъ, когда, какъ сквозь воду, до него донеслось: «послать?»—«пошли!»

Спилась сму Мари Зенькина и Шурочка Пардова, обѣ намазанныя, тапцуютъ, поднимая юбки, и видно, что у первой волосъ нигдѣ нѣтъ, рѣшительно нигдѣ, а Шурочка кричитъ: «Спишь Сплю. Послать? Пошли». И входитъ высокій, тощій архіерей, вопрошая: «Которая изъ васъ убіенная?». Обѣ разомъ падаютъ навзничъ, а Пармень, кучеръ, стоитъ съ ножомъ и докладываетъ: «Сейчасъ, владыко, телицу заклалъ».

Проснувшись въ страхѣ, не зная, ночь ли, день ли, вечеръ ли; изъ тетушкиной спальни доносились вздохи и сопѣнье. Мужской голосъ прошепталъ: «Еще прикажетъ?» громче, чѣмъ шопотомъ, тетушка вскричала: «На прощанье». Въ коридорѣ прошмыгали чьи-то шаги, Иосифу стало страшно въ теплой съ лампадой комнатѣ и, накинувъ халатъ, выскочилъ онъ въ коридоръ. Натыкаясь, пошелъ въ темнотѣ, какъ вдругъ рука его попала во что-то мягкое и теплое.

— Кто это? — закричалъ онъ въ голосъ.

— Это я, — шопотомъ отвѣтствовали.

— Кто ты?

— Арина, — тише еще прозвучало.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Пришла за бѣльемъ: нынче стирка, съ вечера забыла забрать.

— Что же ты въ темнотѣ?

— Лизаветы Петровны боялась, чтобы не ругалися, что съ вечера узелъ не взяла.

Иосифъ не видалъ Арины, продолжая ее держать, но что-то въ ея шопотѣ такъ его напугало, что, чиркнувъ спичкой, онъ поднесъ ее къ лицу своей собесѣдницы. Она была блѣдна и улыбалась тихо, какъ всегда, когда стирала, когда яблоки мочила, когда тетушкѣ докладывала что-либо.

Зажегши свѣчку въ бѣльевой каморкѣ, спросилъ:

— А что твой мужъ, Пармень?

— Пармень спитъ, — улыбнувшись, молвила Арина, но глаза ея такъ же бѣгали и блестяли.

— А ты на стирку собралась?

— А я на стирку собралась.

Снова чьи-то шаги заставили ихъ смолкнуть.

Лизавета Петровна въ юбокѣ и кофутѣ, войдя заговорила:

— Что за собраніе? Чего вы не спите, Іосифъ Григорьевичъ? Какой срамъ: съ бабами по ночамъ въ каморкахъ торчатъ! А тебѣ чего тутъ надобно? — обратилась она къ Аринѣ.

Такъ какъ та молчала, Іосифъ сказалъ:

— Она за бѣльемъ пришла.

Лизавета Петровна, свистнувъ, прибавила:

— Знаю я се бѣлье! Вонъ, воровка, чтобы духу твоего не было здѣсь!

— А что тетушка?—спросилъ Іосифъ.

— Что тетушка? Запарился парень; тетушка спить.

Скрипнула дверь уже спальни; Лизавета мигомъ задула свѣчку и всѣ трое, притаившись, увидѣли, какъ вышелъ Пармень безъ сапогъ, опустивъ бычьи глаза. Тетушка въ одной рубашкѣ, съ размазанными румянами, держа свѣчу выше головы, поднялась на цыпочки, чтобы поцѣловать въ лобъ уходящаго. Пармень, тихо и тяжело ступая, удалился, никого не замѣтивъ. Двери закрылись и свѣтъ исчезъ.

Арина сказала:

— Пармень спить, тетушка спить.

— погоди, тебѣ это такъ не пройдетъ, негодная!—проворчала Лизавета.

Чтобы отослать обратно лошадь, отправляясь до вечера въ Полища, Іосифъ ѣхалъ съ Парменомъ. Онъ пристально, по-новому, разглядывалъ его высокую фигуру и румяное лицо съ большими черными усами, бритымъ затылкомъ и огромными воловьими глазами, почти всегда опущенными,—такое же какъ всегда, серьезное и важное. Ночное явленіе Іосифу казалось сномъ, хотѣлось разспросить, но не зналъ, какъ начать; началъ, наконецъ:

— Что жеребецъ, все хромаетъ?

— Хромаетъ.

— За ветеринаромъ ты верхомъ ѣздишь?

— Я.

— Тебѣ много работы, Пармень?

— Достаточно.

— Еще по ночамъ мы не ѣдимъ, какъ другіе.

— Не ѣдимъ.

— Спать можно вволю.

— Дѣйствительно.

Іосифъ, помолчавъ, началъ снова:

— А что Арина, жена твоя, здорова?

— Здорова, что ей дѣлается?

— А вѣдь я тебя вчера видѣлъ, Пармень.

— Чего-съ?

— Я говорю, вчера тебя видѣлъ, какъ ты отъ тетушки коридоромъ шелъ ночью.

Пармень, покраснѣвъ, молчалъ; Иосифъ, сидя рядомъ, пристально смотрѣлъ на сосѣда и на его губы, которыя цѣловали тетушку. Наконецъ, Пармень промолвилъ:

— Видѣли, такъ ужъ что же таить? Отпираться не стану; только лучше вы, баринъ, не говорите бариниѣ, что вы меня видѣли: ничего изъ этого не выйдетъ, а имъ конфузно будетъ.

— Я и не думаю говорить. А вѣдь она старая, тетушка-то?

— Старенька,—недовольно отозвался Пармень и заговорилъ о другомъ.

Быстрыя рѣчки шумѣли подъ шаткими мостами, но болота и лужи бѣлѣли первыми льдомъ съ узоромъ кругами.

Иосифъ Григорьевичъ, не сгоняя все одной мысли, снова заговорилъ:

— А послушай, Пармень, нельзя ли мнѣ достать?.. и умолкъ.

Кучеръ, будто думая о томъ же, ухмыльнувшись, спросилъ, понизивъ голосъ:

— Дѣвку?

— Да, — чуть слышно подтвердилъ баринъ.

- Это можно.
- Ты постарайся...
- Будьте покойны.

Кто тебя, дремучій лѣсъ,
Возрастилъ на той вершинѣ?

донесся басистый голосъ изъ лѣсу; путники остановились.

— Никакъ отецъ Петрѣ распѣваетъ; покричать ему, а то онѣ тутѣ до вечера пробродить, даромъ проѣдемся.

— Онѣ любитѣ гулять?

— Любитѣль.

— Охотитѣся?

— Такѣ, больше бродитѣ.

На ихѣ окрики послышался недалекій отвѣтъ и вскорѣ, хрустя по льду и сухимъ вѣткамъ, изъ лѣсу вышелъ въ подобранномъ подрысникѣ съ палкой отецъ Петрѣ, толстый, сѣдой и румяный.

— Издали слышали ваше пѣніе.

— Воспѣвалъ, воспѣвалъ; вдругѣ слышу конскій топотѣ, окрики человѣческіе, колесѣ стукотанѣ,—и постремился къ вамъ напрямикѣ.

— А мы къ вамъ; вы свободны?

— Свободенъ во Христѣ, свободенъ; милости просимъ. Отпустите Пармена и прой-

дептсь: тутъ прямикомъ недалеко, версты полторы, по звѣринимъ тропамъ проведу васъ, болота всѣ застыли.

Пошли осеннимъ, тихимъ лѣсомъ, всну- гивая тяжелую дичь, любуясь и скользя по заиндевѣвшей землѣ. Отецъ Петръ говорилъ непрерывно, словно пьяный яснымъ небомъ. свѣжимъ вѣтромъ, холмами и лѣсомъ, Быстро шагая тяжелыми сапогами, онъ то останавливался, закинувъ голову вверхъ, то ломалъ ледъ палкой, то слушалъ низкій полетъ глухарей.

— Люблю, люблю!—приговаривалъ онъ и опять шагаль, затягивая басомъ:

Кто тебя, дремучій лѣсъ...

Перескакивая черезъ ручей, провалился, и мелкая серебряная форель билась, выбро- шенная водою на ледъ. Мокрый, стоя въ водѣ, ловилъ онъ рыбу руками и снова пи- халъ осторожно толстыми пальцами подъ нѣжный ледъ.

— Люблю, люблю!—повторялъ онъ.

Придя домой, онъ сѣлъ за пианино и, широко разставляя пальцы, снова запѣлъ свой «дремучій лѣсъ».

Изъ двери вышла толстенькая женщина и сказала:

— А піанинѣ, отецъ, я отъ тебя отберу.

— Дѣло твое.

— Дочь моя, Екатерина, вдовствующая, — представилъ ее отецъ Петръ Іосифу.

Вдовушка свободно заговорила, поводя круглыми глазами и вздернутымъ носомъ.

Жила она далеко на фабрикѣ, гдѣ жила и другая тетюшка Іосифа, Марья Матвѣвна, о которой тотчасъ и повели бесѣду.

— Какъ это мы съ вами не встрѣчались у отца? Рѣдко посѣщаете, хоть и близкіе сосѣди.

— Нѣтъ, я бываю; мы, вообще, рѣдко гдѣ бываемъ.

— Кажется, ваша тетюшка большая не-людимка.

Обѣдали засвѣтло, просто и сытно, послѣ чего Екатерина Петровна бѣгло и шумно поиграла на піанинѣ, которое грозила отобрать, попадая не на тѣ клавиши лѣвой рукою. Отецъ Петръ бесѣдовалъ за паливкой.

— По правдѣ сказать, не очень я люблю у Александры Матвѣвны всеношныя служить. Дама она прекрасная, но не вѣрующая, къ службѣ все равно не выйдетъ, и самъ будто гость, а не священнослужитель.

— Почемъ ты знаешь, вѣрующая ли она? Что въ церковь не ходитъ—еще не сезонъ.

— Бесѣдовалъ неоднократно: никакого усердія.

— Нѣтъ ужъ вы все-таки пріѣзжайте: мы вамъ будемъ очень благодарны.

— Да пріѣду, пріѣду.

Попугавъ голубей, снова пили чай. Екагерина Петровна играла, батюшка пѣлъ, пѣлъ и Іосифъ своимъ высокимъ, сладкимъ голосомъ. Мечтательно Катя промолвила:

— Что за голосъ, вѣкъ бы слушала! Неужели вы не учились? Удивительно! Отчего вы у насъ на фабрику не бываете? У насъ весело.

— Не приходится какъ-то.

— Ко мнѣ бы зашли.

Отецъ Петръ добавилъ:

— Съ Викторомъ бы поиграли.

— Ну, Витя еще мальчикъ.

— Да что же, внуку пятнадцать лѣтъ, а вамъ, Іосифъ Григорьевичъ?

— Восемнадцать минуло.

— Да что вы! Я думала, больше.

— Душа у него, старуха, дѣтская,—хлоннувъ Іосифа по колѣнкѣ, воскликнулъ отецъ Петръ.

Екатерина Петровна слегка было нахмурилась, но черезъ минуту снова всеело разговорилась.

«Вотъ бы такую мнѣ!» — подумалъ Іосифъ, вспоминая разговоръ съ Парменомъ.

Кучеръ, везя барина, заговорилъ:

— Дома всего подходящее будетъ.

— Какая это, Аринина сестра?

— Она самая, лупоглазая.

V.

Тетя Саша, больная мигренью, прогнала изъ спальни Лизавету Петровну, которая и сидѣла на диванѣ съ Іосифомъ, откровенная, какъ всегда бывала въ рѣдкія минуты обидъ.

— Такъ лѣтъ пять прошло, какъ мы порознь съ Александрой Матвѣевной жили, я уже привыкла къ общинѣ. Что вы смотрите? Думаете, трудно съ моимъ характеромъ? Да, и очень было трудно, только характеръ у меня не всегда былъ такой адскій. А тутъ однажды говорятъ: «Просить васъ въ приемную какой-то господинъ». Вышла я и сразу не узнала, что это мой супругъ явился: обросъ, потолстѣлъ, загорѣлъ какъ американецъ.

— Да развѣ онъ тогда еще не умеръ?

— Выходить, что не умеръ. Умоляетъ вернуться къ нему, въ вѣрности клянется и все такое. Допрашивать я его не допрашивала, гдѣ онъ эти пять лѣтъ пропадалъ; вернуться хоть и не отказалась, но разстроена была сильно и такъ ужъ всю себя ломать, да другимъ отдавать больше не могла. Написала Александрѣ Матвѣевнѣ: та шлетъ живой отвѣтъ, что давно бы такъ: «на всѣхъ наплюй и приѣзжай ко мнѣ». Такъ мы снова и соединились, будто пяти лѣтъ ссоры и не бывало.

— Что же, вамъ вѣдь хорошо съ тетушкой жить: она васъ любитъ и привыкла къ вамъ.

— Привыкла, точно, а любитъ, думаю, только самой себя. Все это до поры, до времени, а случись что, куда я дѣнусь?

Вбѣжавшая было дѣвчонка остановилась, увидя Лизавету. Та сказала:

— Ну, что случилось?

— Парменъ Аришку колотитъ.

— Хорошимъ дѣломъ занимается. Еще что?

— Да ничего.

— А ничего, такъ нечего и бѣгать безъ дѣла,—заклЮчила Лизавета, спѣшно вставая на звонокъ изъ спальни.

Дѣвчонка съ жаромъ заговорила Іосифу:
— Какъ бьетъ, какъ бьетъ: волосья всѣ
растрепалъ, кровь изъ носу, всѣ смотрятъ:
на дворѣ они.

— За что же онъ ее бьетъ?—спросилъ
Іосифъ, тоже вславая.

— Учить, — серьезно, по-бабыи сказала
дѣвчонка, отворяя двери барину.

На дворѣ, окруженный толпою, Пармень
молча таскалъ Арину за косы, то бросая
наземь, то подымая, и удары глухо звучали
по ватной кофтѣ. Женщина охала, стараясь
только уже запачканной въ крови рукою
утереть все вновь струящуюся кровь. Пуб-
лика не выражала ни сочувствія, ни осуж-
денія. Только когда Пармень окончательно
отшвырнулъ Арину и та почти поползла
къ кучерской, громкій говоръ обсуждений
и миѣній былъ прерванъ басомъ Лизаветы,
закричавшей изъ форточки:

— Пошли всѣ вонъ, что за кагалъ подь
окнами? Барышня нездорова.

— За что ты ее такъ?—спросилъ Іосифъ,
подходя къ Пармену, молчавшему въ сторонѣ.

— Болтаетъ много, чего не нужно, — и
будто вспомнивъ, прибавилъ:

— Сегодня на посидѣлки обязательно
приходите.

— Ахъ да! — вспыхнувъ, промолвилъ
Іосифъ.

Изъ кучерской выбѣжала въ одномъ
платѣ дѣвочка лѣтъ шестнадцати съ блѣд-
нымъ лицомъ и большими, чрезъ мѣру вы-
пуклыми, голубыми глазами. Она, всплеснувъ
руками, бросилась къ приползшей Аринѣ
и громко завыва, поддерживая ее подъ
руки.

Не могъ дожидаться Іосифъ, когда кон-
чится обѣдъ и зайдетъ за нимъ Парменъ;
къ счастью, тетюшкина болѣзнь укоротила
вечернее сидѣнье.

Въ тѣсной избѣ плясали «шестерку» подъ
гармонію, когда вошли новые гости, накло-
няясь низко въ дверяхъ. Затихшіе было на
время пѣсни и танцы снова затѣялись, какъ
только увидѣли пришедшихъ простыми и
веселыми. Іосифъ пѣлъ со всѣми и даже
одинъ извѣстныя пѣсни, будто забывъ, за-
чѣмъ и пришелъ. Домна сидѣла рядомъ съ
нимъ въ теплой кофтѣ и валенкахъ.

— Что же, давай потанцуемъ.

— Давай; для че нѣтъ?

— Только ты учи меня, я не умѣю.

— А я умѣю по-городскому?

— За что это Парменъ сегодня твою се-
стру такъ билъ?

- А я знаю?
- Хочешь, я тебѣ на платьѣ принесу въ другой разъ?
- А Ёмка что скажетъ?
- Какой Ёмка?
- Кривой.
- А ты ему не показывай.
- Ладно, бордо. Отстань, лѣшій! — крикнула она уже на кривого парня, тащившаго ее за руку, чтобы танцовать.
- Какая принцесса! — заворчалъ тотъ, блестя глазомъ на Юсифа. Баринъ даже не очень охотно ушелъ по данному кучеромъ знаку, на прощанье давъ денегъ парнямъ и дѣвкамъ. Куда-то пошли подъ темнымъ звѣзднымъ небомъ. Спутникъ говорилъ:
- Столковались: Домна тотчасъ къ Ивановнѣ прибѣжить, такъ уговорено.
- А что это за Ёмка? Ея женихъ? — спросилъ Юсифъ.
- Много такихъ-то было. Такъ, утрѣпываетъ за нею.

Ивановна молча провела ихъ въ темную избу, гдѣ еле виднѣлись окна со звѣздами. Лампы она не зажгла. Такъ и не видѣлъ, а только слышалъ Юсифъ, какъ кто-то пришелъ, сѣлъ къ нему и обвилъ шею руками. Домнинъ голосъ шепталъ какой-то вздоръ,

а Іосифъ таялъ отъ сладкаго страха. Не видѣлъ онъ и ея выпуклыхъ глазъ, какъ не видалъ и другого единственнаго глаза, смотрѣвшаго въ дверную щелку, ничего не видя.

VI.

Снѣгъ, выпавшій второго числа, лежалъ къ общему удивленію прочно, и въ комнатахъ насталь зимній свѣтъ и замкнутость. Тетушка въ тепломъ капотѣ разсѣянно раскладывала пасьянсъ у окна, смотря, какъ по бѣлому снѣгу къ крыльцу шелъ высокій человѣкъ въ мѣховой шапкѣ съ ушами.

Заволновавшись, Александра Матвѣвна позвонила Лизавету и спросила: «Кто это къ намъ приходилъ?»

— Никого, кого вамъ понадобилось?

— Нѣтъ, нѣтъ, проходилъ тутъ высокій молодой человѣкъ, блондинъ.

— Привидѣлось вамъ что-нибудь,—про-ворчала подруга.

— Да, что я—дура по-твоему?

— Развѣ конторщикъ отъ Требушенки заходилъ лошадей просить; кажется, высокъ, а бѣлый ли, рыжій ли, право, ни къ чему мнѣ. Глазъ-то у васъ ужъ больно зорокъ.

— Гдѣ жъ онъ теперь?

— Почему я знаю: здѣсь ли ушелъ ли.
— Спросите, узнайте, мнѣ видѣть его
надобно.

— Загорѣлось!—сказала Лизавета, но вышла узнавать. Черезъ минуту легкой, шаткой походкой поспѣшила за нею и хозяйка, не дождавшись возврата другой. Вернулись онѣ минутъ черезъ сорокъ въ живомъ разговорѣ, похожемъ на ссору. Иосифъ рѣдко видѣлъ тетушку въ такомъ состояніи: даже сквозь румяна проступала краска не то гнѣва, не то желанья. Говорила на «ты».

— Все врешь ты, Лизавета, онѣ гораздо лучше Жана Погребина, ты никогда ничего не видишь: какая улыбка милая, скромность, вѣжливость. Прелесть!

— Да цѣлуйтесь на здоровье съ вашимъ конторщикомъ! Мнѣ то что? Глаза бы мои не глядѣли.

Тетушка, вдругъ поблѣднѣвъ, оставшись при однихъ румянахъ, сказала тихо:

— Отъ васъ зависитъ.

— Что отъ меня зависитъ?

— Чтобы глаза не глядѣли,—еще тише произнесла тетушка.

— Русскимъ языкомъ говоря, выгонку мнѣ устроить хотите?

— Понимайте, какъ вамъ угодно.

И Александра Матвѣевна не обернулась даже на хлопнувшую дверь Лизавету. Иосифъ сказалъ тихо:

— Что вы, ma tante, такъ волнуетесь? Хотите, я верну Лизавету Петровну?

— Не трудись мой другъ,—и, наклонясь къ нему, она заговорила:—Завистница и мерзавка—эта Лизавета; никогда людей не узнаешь, всегда жди гадостей. Развѣ я виновата, что еще пользуюсь? Ты понимаешь! ты не смотри на лицо,—а развѣ руки мои не такія же, какъ прежде?—И она, быстро загнувъ широкіе рукава капота, обнаружила худое желтое тѣло съ мелкими пузырьками, какъ кожа индюшки. Иосифъ сказалъ, опуская глаза:

— Конечно, ma tante, вы правы;—не зная какими были эти руки прежде.

— И руки, и все,—твердила тетя Саша, пытаясь разстегнуть воротъ плагья.

Въ дверь, не защищенную бдительностью Лизаветы, вошла Арина съ несвойственной рѣшительностью и прямо заговорила:

— Къ вашей милости!

— Къ Лизаветѣ Петровнѣ!—замахала было руками барышня, но Арина еще разъ съ удареніемъ повторила:

— Къ вашей милости,—и, не дожидаясь

разрѣшенія, сбивчиво и рѣшительно заговорила, блуждая глазами:

— Что жъ это будетъ? Домна—дѣвчонка. Развѣ такъ возможно? Велите Іосифу Григорьевичу оставить се въ покоѣ! Она еще замужъ можетъ выйти. На дворѣ ей прохода не дають: смѣются...

— Что она говоритъ, дитя? При чемъ тутъ ты? Я ничего не понимаю,—лепетала тетушка.

— Я не знаю,—еле прошепталъ Іосифъ, краснѣя.

Арина, ступивъ шагъ впередъ, громко заговорила:

— Намедни Варвара говоритъ: шлюха продажная; дѣвка до вечера проревѣла—а кто причиненъ?

— Что ты ко мнѣ лѣзешь со всякимъ вздоромъ? Почемъ я знаю ваши дѣла? Кто виноватъ, къ тому и обращайся.

— Къ вамъ я обращаюсь, Іосифъ Григорьевичъ, чтобы вы бросили.

Тетушка, волнуясь, снова заговорила удивленно.

— Ты, дитя? Что я слышу? Она пьяна, эта баба.

— Вы меня, что ли, поили?—крикнула Арина.

— Успокойтесь, ma tante, она права эта женщина.

— Какъ, ты? Жозефъ? Мое дитя, дай я тебя поцѣлую!

Арина уже совсѣмъ въ голосъ выкрикала:

— Мало, что мужа отобрали, и за сестру принялись,—тоже господа называются!

— Что она говоритъ? Ну, конечно, она пьяна, она грубитъ, кажется. Какого мужа? Кто?

— Арина, уйди отсюда!—сказалъ Иосифъ.

— Какого мужа? Моего Пармена. Тоже дуракъ, за деньги на такую шкуру полѣзъ.

Тетушка, вскочивъ, снова сѣла и вмѣстѣ зазвонила въ дребезжащій колокольчикъ и закричала:

— Вонъ, вонъ, и ты, вонъ, и Пармешка вонъ, чтобы духу вашего здѣсь не было!

Видя, что Арина ступила еще шагъ впередъ, тетушка ушавъ на диванъ и поднявъ обѣ голыя руки въ видѣ защиты, закричала:

— Она меня будетъ бить, Боже мой!

Иосифъ, вытолкнувъ сопротивлявшуюся и продолжавшую кричать Арину за плечи, поспѣшилъ къ Александрѣ Матвѣевнѣ, лежавшей въ непритворномъ обморокѣ.

Придя въ себя, опустивъ загнутые рукава, тетушка разбитымъ и сладкимъ голосомъ прошептала:

— Это правда, насчетъ этой дѣвочки?
Иосифъ утвердительно кивнулъ головой.
Приподнявшись, дама еще слаще спросила:

— Какъ же это было въ первый разъ?
Ты долженъ мнѣ сказать это. Погоди, я позвоу Лизаньку.

Но не успѣла она дотронуться до сонетки, какъ сама Лизавета явилась съ ворохомъ платьевъ въ охапкѣ и съ какими-то коробками подъ мышкой. Молча она швырнула это передъ тетушкой, и черныя, сѣрыя, голубыя кофточки изъ ситца, шерсти, сатина разлетѣлись пестрой стаей. Голубой сатиновый лифчикъ легъ на колѣни Александры Матвѣевны. Лизавета была въ черномъ платьѣ съ бѣлой пелериной, какъ сестра въ общинѣ. Тетушка прошептала:

— Боже мой, она сошла съ ума!

Лизавета Петровна, молча насладившись эффектомъ, заговорила:

— Прощайте. Счастливы будьте съ новымъ амантомъ; чужого мнѣ не надо, вотъ ваши подарки; нага пришла, нага и уйду.

— Право, она съ ума сошла, бѣги, дитя, говори ея.

— Куда это, какъ угорѣлый, бѣжишь? Чуть съ ногъ не сшибъ, братецъ!—заговорила

толстая дама, на которую въ коридорѣ налетѣлъ Іосифъ.

— Ахъ, это вы, Анна Матвѣевна?

— Она самая, на дворѣ у васъ никого, въ передней—никого, перемерли вы всѣ что ли въ вашей ямѣ?

— Нѣтъ, вачѣмъ же?

— Хотѣла всенощную застать, гнала лошадей. Будете служить? Что же сестрица-то, присноблаженная, здорова?

— Здорова, благодарю васъ.

— Спать? Мажется?

И первая гостья, тяжело ступая по лѣстницѣ, прошла въ отведенную ей комнату умываться. На дворѣ вокругъ занесенной кибитки суетились закутанные люди.

VII.

Старую барышню рѣдко посѣщали гости, но раза два-три въ годъ съѣзжались всегда почти однѣ и тѣ же личности, иногда принося съ собою, пользуясь деревенскою простотою нравовъ, и своихъ гостей, вообще, людей, отъ которыхъ ждали или которымъ хотѣли доставить развлеченіе въ зимней глуши. Часто же привозили людей, нигдѣ не могущихъ доставить особеннаго удоволь-

ствія, просто такъ, «за компанію». Такъ и теперь, кромѣ отца Петра и мѣстной учительницы, гостей, такъ сказать, приходящихъ, пріѣхало четыре компаніи, которыя расположили какъ-то географически, то-есть, ближайшихъ по разстоянію—ближе къ спальнѣ, болѣе отдаленныхъ путниковъ—подалѣ. Впрочемъ, такъ какъ компаніи были смѣшаны въ смыслѣ пола и возраста, то, натурально, вышло вродѣ пасьянса, гдѣ въ концѣ всѣ короли оказываются въ одной кучкѣ, всѣ дамы—въ другой, вaletы—въ третьей. Въ комнатѣ Іосифа поселили двухъ сестеръ Гамбаковыхъ, Павлу и Зинаиду, очень ветхихъ старушекъ, бѣдныхъ сосѣдокъ древяго рода, имѣвшихъ на двоихъ одного мопса. Были онѣ до чрезвычайности похожи одна на другую, вѣчно зябли и о чемъ-то между собою ссорились.

Анна Матвѣевна, хотя и составляла одна всю компанію, но по-сестрински раздѣлила свое временное помѣщеніе съ фабричной Марьей Матвѣевной. Анна была младшая изъ трехъ Пардовыхъ и отличалась бѣльшимъ здравымъ смысломъ и полнымъ тѣлосложеніемъ, чѣмъ не мало гордилась. Жила она въ уѣздномъ городкѣ, часто ѣздя даже въ столицу по дѣламъ, такъ какъ была

родомъ стряпчаго. Какъ она вела дѣла, одному Богу было извѣстно, но была упорна, не боялась волокиты, каждое дѣло доводила до сената и на недостатокъ кліентовъ не жаловалась. Всегда была въ хлопотахъ, безконечно рассказывала всякому о своихъ дѣлахъ трубнымъ голосомъ; послѣднее время стала припадать, но ходила еще королею. Всегда жила одна и къ людямъ была строга; даже временно раздѣлить комнату съ сестрой Марьей согласилась съ оговорками. Марья Матвѣевна, пріѣхавшая съ фабрики впятеромъ—съ дочкой Соней, Екатериной Петровной Озеровой, ея сыномъ Викторомъ и мѣстнымъ дѣятелемъ Иваномъ Павловичемъ Іггеревымъ—была единственная изъ сестеръ Пардовыхъ, промѣнявшая свою древнюю фамилію на демократическое и притомъ не русское прозванье Дрейштукъ. Хотя ея мужъ, инженеръ Дрейштукъ, умеръ уже лѣтъ десять тому назадъ, проживъ лѣтъ двѣнадцать на фабрикѣ, вдова не захотѣла мѣнять насиженнаго мѣста и устроилась съ другой вдовой же, дочерью отца Петра Екатериной, кормя обѣдами безсемейныхъ и не слишкомъ солидно поставленныхъ служащихъ. При нихъ же находилась дочь одной, горбатая Соня, дѣвочка здоровая съ виду, кромѣ физиче-

скаго недочета, но страдавшая какими-то странными припадками, и сынъ второй Викторъ, пятнадцати лѣтъ, по шалостямъ и недѣтской злобѣ считавшійся наказаньемъ Божиимъ.

Прибывшій съ ними Ивагъ Павловичъ Егеревъ занималъ гораздо болѣе значительное мѣсто въ жизни фабричнаго общества, чѣмъ, казалось, могло ему давать его скромное служебное положеніе, никому въ опредѣленности неизвѣстное. Очень немногіе считали его несноснымъ болтуномъ, рассказывая на основаніи его же собственныхъ признаній, что, имѣя очень деспотическую бабушку, заставлявшую своихъ трепещущихъ внуковъ по три часа вести съ нею разговоры, во время которыхъ она щипала своихъ собесѣдниковъ, онъ съ дѣтства привыкъ имѣть языкъ болѣе чѣмъ развязанный и не смущающійся самыми неподходящими обстановками, — но большинство, искренно или по лѣности, считали его человѣкомъ умнымъ, съ большими организаторскими способностями и незамѣнимымъ устройтеlemъ всяческихъ обществъ, чтеній, кружковъ и т. п., безъ которыхъ большая фабрика наслѣдниковъ Исполатовыхъ, конечно, обойтись не считала современнымъ. Былъ онъ ско-

рѣе молодъ, имѣлъ бородку, благородный взглядъ, мелодическій голось и манеру употреблять отвлеченныя слова. Говорили про его интимность съ Екатериной Петровной, но провѣрено это не было и при томъ герой такъ занятъ былъ общественнымъ устройтельствомъ, что врядъ ли ему было достаточно времени для не отвлеченныхъ романовъ. Совершенно не терпѣли его два различныхъ другъ отъ друга ребенка: безпутный озорникъ Викторъ и тихая Соня.

Большую комнату, гдѣ помѣстились Озерова и Соня, раздѣляла съ ними Аделаида Платоновна Дмитревская съ дочерью Лелей, періодическія жительницы усадьбы, помѣщавшейся на полпути межъ фабрикой и деревней Александры Матвѣевны. Дама была прежде всего непомѣрно болтлива, при чемъ говорила съ равной быстротой и олотой о чемъ угодно, особенно о своихъ литературныхъ связяхъ и знакомствахъ, что мало кого ослѣпляло въ деревенской глуши. И правда, къ ней наѣзжали то тотъ то другой художникъ и писатель, которыхъ она таскала по знакомымъ, сама объясняя шопотомъ ихъ извѣстность, художественную или скандальную. Особенно много матеріала доставилъ ей сопутствующій теперь ея семью

писатель Адвентовъ, на котораго готовы были смотрѣть, какъ на нѣкое чудище, но онъ велъ себя, какъ всѣ, говорилъ мало и вѣжливо и держался больше со студентомъ Беззакатнымъ, жившимъ въ квартирѣ Лелинаго учителя у Дмитревскихъ. И въ домѣ тети Саши ихъ не разлучили, прибавивъ къ нимъ третьимъ господина Егерева. Иосифъ же легъ въ столовой съ отцомъ Петромъ и съ Викторомъ.

Снѣгъ, выпавшій второго ноября, держался прочно и твердо.

VIII.

Соня, выйдя изъ своей комнаты, тихо притворила дверь, сказавъ:

— Леля заснула.

— Она устала съ дороги? — спросилъ Иосифъ, стоявшій у окна, освѣщеннаго уже скосившимъ свои лучи солнцемъ.

— Я боюсь, что она больна.

— А что съ нею?

— Она часто бываетъ больна, это не опасно, но страшно.

— Чѣмъ страшно?

— Такъ.

Соня встала рядомъ съ Иосифомъ и на

запотѣломъ стеклѣ чертила пальчикомъ круги; ростомъ она была почти по локоть своему сосѣду.

— Кто же тамъ съ Лелей?

— Никого, она спитъ. Ты никому не говори, можетъ быть, ничего не будетъ.

— Отчего вы такъ дружны съ нею? Вы такъ рѣдко видите.

— Я ее очень люблю, я и тебя, Жозефъ, люблю, хоть мы и не видаемся.

— Ты очень добра, Соня.

— Я не добра, я очень мало кого люблю: Лелю, тебя, Виктора.

— А тетю Машу?

— Маму? Конечно, я и ее люблю, но не такъ, она не такая — нѣжная.

— А развѣ Витя нѣженъ? Онъ, кажется, большой шалунъ.

— Можетъ быть; я не знаю; онъ очень злой, но нѣжный.

— Ты совѣмъ какъ большая; это смѣшно.

— Это потому, что я—калѣка.

— Кто тебѣ это сказалъ? Никогда не говори этого, не думай объ этомъ. Кто тебѣ это сказалъ? Тетя, Катерина Петровна?

— Никто, потому что всѣ боятся, а я не боюсь и знаю. Меня никто полюбить не можетъ.

— Соня, замолчи ради Бога. Я развѣ не люблю тебя?

Она повернулась горбомъ къ окну и, тихонько разсмѣявшись, сказала:

— Какой ты глупый, Жозефъ! Развѣ я говорю объ этомъ? И еще вотъ что: ты не знаешь Адвентова? Тебѣ бы поговорить съ нимъ: онъ гораздо больше, чѣмъ я, чѣмъ всѣ, можетъ для тебя сдѣлать. А съ тобой теперь нужно что-то сдѣлать. Ты поговори съ нимъ; общаешься?

— Общаю, хорошо. Но для чего это нужно?

— Такъ; ты слушайся меня и его слушайся, хоть я его и не люблю.

— Соня, право, ты хочешь меня запутать.

— Нѣтъ, нѣтъ. Кто-то идетъ.

— Я не слышу.

— Услышишь,— нѣсколько раздраженно замѣтила горбунья. — Я пойду; я еще съ утра не выходила, вечеръ такой чудный, поброжу по деревнѣ.

— Я пройду съ тобою.

— Нѣтъ, нѣтъ, это идетъ Адвентовъ, поговори съ нимъ.

— Отчего ты думаешь, что это именно онъ? Ты просто видѣла его въ окно.

— Конечно, я видѣла его въ окно своимъ горбомъ. Если Леля позоветъ, сходи за мною, я буду ходить по улицѣ близко.

И она вышла надѣть шубку и теплый платокъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько секундъ Іосифъ услышалъ легкіе и быстрые шаги, и въ комнату, изъ внутреннихъ покоевъ, вошелъ человѣкъ, въ которомъ онъ скорѣе догадался, чѣмъ призналъ Адвентова.

Войдя, тотъ окликнулъ:

— Тутъ кто-то есть; это вы, Ссрежа?

— Нѣтъ, это я—Іосифъ.

— Что вы дѣлаете въ темнотѣ? И отчего такая пустота? Куда всѣ разбрелись? Или всѣ спятъ? Я не знаю здѣшнихъ обычаевъ.

— Я самъ не знаю, гдѣ всѣ, я видѣлъ только Соню

— Ахъ, Соню Дрейштукъ? Странная дѣвочка.

— Ей уже скоро восемнадцать лѣтъ.

— Ея недостатокъ дѣлаетъ ее ребенкомъ и болѣе чѣмъ взрослой.

Іосифъ зажегъ лампу и, смотря на смуглое и обычное лицо своего собесѣдника, думалъ, какъ начать обѣщанный разговоръ.

— Какъ вамъ нравится въ деревнѣ зимою?

— Относительно природы не можетъ быть вопроса, такъ она невѣроятно сказоч-

на зиму, жить же я живу, какъ самъ избралъ: много работаю, имѣю близкихъ друзей, всегда могу уѣхать.

— Да, Вы очень близки съ семейю Дмитре-
ревскихъ?

— Отчасти и съ ними.

— Вы очень дружны съ Сергѣемъ Пав-
ловичемъ,—я замѣтилъ.

Адвентовъ улыбнулся.

— Вы очень наблюдательны.

— Ла и Аделаида Платоновна сказывала.

— Ахъ, и Аделаида Платоновна говорила?

— Онъ очень милый, Сергѣй Павловичъ.

— Очень милый.

Соня тихо вошла въ шубкѣ и платкѣ, сказавъ:—Жозефъ, — простите, я васъ прерываю,—но ты долженъ идти со мною.

— Можетъ быть, и я могу васъ сопровождать?—виѣшался Адвентовъ.

Помолчавъ, Соня сказала:

— Нѣтъ, вы оставайтесь.

— Какъ прикажете. Но не знаете-ли куда всѣ дѣвались? Право, это похоже на дворецъ спящей красавицы.

— Спитъ только Леля; Сергѣй Павловичъ играетъ съ Викторомъ въ шашки, отецъ Петръ смотритъ, а господинъ Егоровъ улаживаетъ своимъ краснорѣчіемъ всѣхъ дамъ.

— Благодарю васъ. Вы очень освѣдомлены.

— Я всегда освѣдомлена, это моя специальность.

— Очень удобная для васъ.

— Выходить, что не только для меня. Ну, идемъ!—прибавила она уже одѣвшемуся Іосифу.

Соня быстро шла, волоча за собою Пардова по неровной еще снѣжной улицѣ. Войдя въ калитку, она остановилась у освѣщенного окна какой-то избы, шепнувъ: «смотри!» Въ избѣ передъ зажженной лампадой стоялъ Пармень, Арина и Ѳомка.

— Ты знаешь этихъ людей?—спросила Соня, вся дрожа.

— Тебѣ холодно? конечно, знаю.

— Отчего у нихъ горятъ лампы и свѣчи?

— Я не знаю. Завтра именины тетушки.

— Въ другихъ избахъ темно. Ты хорошо ихъ знаешь?

— Ну, еще бы!

— Смотри, что они дѣлаютъ.

Пармень положилъ къ образамъ какой-то предметъ, потомъ всѣ трое сдѣлали три земныхъ поклона; Арина сняла одну изъ иконъ; поочереди приложившись къ ней, опять ее поставили въ образникъ и другъ

другу поклонились въ ноги. Соня дрожала какъ въ лихорадкѣ.

— Это ужасно; я такъ боюсь, Жозефъ, ты не можешь представить.

— Я ничего не понимаю; чего ты боишься, Соня?

Они почти бѣжали по темной теперь улицѣ, молча, домой. Какая-то закутанная женщина окликнула:

— Баринъ, Иосифъ Григорьевичъ, это вы?

— Кто это?

— Это я, Домна. Баринъ, позвольте вамъ два слова молвить.

— Не теперь, не теперь.

— Выслушай ее, Жозефъ, прошу тебя.

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Странно.

— Баринъ, сдѣлайте милость, постоитъ минуту,—взывала дѣвка.

— Нѣтъ, нѣтъ, не теперь.

И они снова пустились въ свой бѣгъ. На ходу Соня, нависая на руку Иосифа, твердила:

— Миѣ страшно! Отчего ты ее не выслушалъ?

— Повѣрь, это былъ бы вздоръ. Ты ничего не знаешь. И Пармень, и Арина, и Домпа— это все нужно знать.

— Ну и что же?

— Но я не могу же тебѣ этого сказать!

— Отчего не можешь?

— Наконецъ, это касается не меня.

— Отлично. Если не мнѣ, то скажи отцу Петру: ты знаешь, какой это достойный человѣкъ. И сегодня же.

— Да, отцу Петру это можно.

— Это должно, а не можно.

Такъ они добѣжали, почти опоздавъ къ обѣду, тотчасъ послѣ котораго началась всенощная. Александра Матвѣевна, сославшись на мигрень, не присутствовала на службѣ, какъ предсказывалъ отецъ Петръ. Гости размѣстились свободно впереди, оставивъ глубину комнаты для крестьянъ и прислуги. Подавая кадило отцу Петру, Иосифъ шепнулъ:—Послѣ всенощной нужно поговорить съ вами.

Священникъ, взглянувъ съ удивленіемъ, промолвилъ:—Всегда радъ; тяготитъ что-нибудь?

— Вотъ именно.

Улыбнувшись, отецъ Петръ благословилъ Иосифа и съ бѣльшимъ противъ обычнаго велелѣпіемъ началъ свой возгласъ. Баринъ пѣлъ своимъ сладостнымъ голосомъ, едва замѣтивъ, какъ упала безъ чувствъ Леля Дмитревская, тотчасъ же унесенная въ свой

покойчикъ. Снявъ ризу, отецъ Петръ торопливо сталъ спрашивать Іосифа объ его тяжести, не дождавшись даже ухода Пармена, тушившаго свѣчи.

Клопя раскраснѣвшееся лицо, Іосифъ дѣлалъ свои признанія, не видя улыбки священника. Прослушавъ, тотъ молвилъ.

Прежде всего, не огорчайтесь слишкомъ, это—дѣла очень обыкновенныя и житейскія. Какъ священнослужитель, не могу васъ одобрить, но понимаю вашу слабость и если хотите, паденіе. Если сможете, бросьте, но главное, не огорчайтесь и не отчаивайтесь. Относительно же тетушки вашей, такъ скажу, что это—дѣло ея совѣсти, обратись онѣ сами ко мнѣ, я, можетъ быть, и нашель бы, что сказать, вамъ же только повторю, что это дѣло ихъ совѣсти и вамъ огорчаться тутъ нечѣмъ.

Про видѣнное въ избѣ у Пармена, ничего не сказалъ отецъ Петръ. Соня караулила Іосифа въ коридорѣ, но какъ-то разсѣянно выслушала его докладъ о бесѣдѣ съ отцомъ Петромъ. Добавила тихо:—Я думаю, Леля скоро опять ходить начнетъ.

— Какъ ходитъ?

Горбунья ничего ему не отвѣтила, безшумно пройдя въ комнату больной.

Соня ходила быстро по той же комнатѣ, идѣ вчера стояла съ Иосифомъ, взволнованно говоря сидѣвшему поодаль Адвентову:

— Да, я васъ не люблю, но знаю васъ больше, чѣмъ вы это думаете, и я прошу, прошу васъ помочь ему.

— Я очень радъ, повѣрьте, Софья Карловна, но отчего вы увѣрены, что я могу что-то сдѣлать. И откуда вы меня знаете?

— Читала же я васъ, Господи! Не въ томъ дѣло. Видите ли, ему необходима âme soeur; это смѣшное слово, но это—правда. Безъ сочувствія, безъ руководства, безъ любви онъ погибнетъ здѣсь. А Иосифъ—живая душа, которую грѣхъ бросать. Какъ это глупо выходитъ, что я говорю, но вы понимаете меня?

— Отчасти. Но вы сами не могли бы быть его помощникомъ?

— Конечно. Но я слаба и потому, хоть я и калѣка, я все-таки—женщина: это очень мѣшаетъ.

— Вы думаете? Что же я долженъ дѣлать?

— Найти слова. Слѣдить за нимъ буду я сама и откуда могу, пока не придетъ нужда, я не буду васъ беспокоить, но обѣ-

щайте, что на мой зовъ вы придете къ нему и скажите, сдѣлаете, что нужно. Развѣ можно напередъ знать, что будетъ нужно?

— Я думаю, вы прсувеличиваете и опасность и мое значеніе.

— Дай Богъ, но я не думаю этого. Простите, что я васъ впутываю сюда, совершенно незнакомаго. Я не люблю васъ, но вы лучше всѣхъ можете это сдѣлать. Что, я и сама покуда не знаю. Вы не сердитесь?

— Я вамъ крайне признателенъ, наоборотъ, Софья Карловна, и всегда приду, когда вы меня позовете. Іосифъ Григорьевичъ мнѣ самому очень симпатиченъ, я только не зналъ, что онъ въ такой опасности и что дѣло стоитъ такъ остро.

— Да, да. Его нужно толкнуть, какъ начинающаго плавать.

— Можетъ быть, если это нужно, то судьба распорядится послать помимо насъ толкающаго?

— Этого-то я и боюсь, чтобы его не толкнули въ воду съ камнемъ на шеѣ!

— Такъ что мы будемъ изображать вмѣстѣ и толкателей и охранителей?

— Вотъ именно. Согласитесь. Кромѣ добраго дѣла, это можетъ быть и занятно, — сказала Соня, пытаясь улыбнуться.

— Это можетъ быть и занятно,— согласился Адвентовъ.

Въ комнату съ шумомъ ворвалась Лизавета Петровна, держа за ухо Виктора, который вырывался; тетушка въ парадномъ платьѣ сгѣшила за ними, заливаясь беззвучнымъ смѣхомъ. Соня бросилась къ Лизаветѣ, крича:—Оставьте его! Какъ вы смѣете брать сго за ухо?

— Какая защитница! И смѣю, и всегда буду озорниковъ за уши драть, да и тѣхъ, кто за нихъ заступается!

— Нѣтъ, вы не смѣете!—кричала, вся красная, Соня.

Лизавета бросила, дернувъ напоследокъ больно Виктора, отошедшаго къ своей защитницѣ, и обратилась уже къ тетѣ Саашѣ, сѣвшей рядомъ съ Адвентовымъ и продолжавшей смѣяться.

— Что-жъ это будеть? Долго въ нашемъ домѣ будутъ меня оскорблять? Давайте мнѣ паспортъ, а то я безъ паспорта убѣгу.

— Но что случилось, если это не секретъ?—вмѣшался Адвентовъ.

— Ахъ, что случилось!—вымолвила тетушка, закрывъ дрожавшее отъ смѣха лицо платкомъ.

— Лизавета на курицу сѣла,— сказалъ Викторъ.

— Ты еще и рассказывать, паршивецъ!

— Но позвольте, какъ же Лизавета Петровна могла сѣсть на курицу?—недоумѣвалъ Адвентовъ. Тогда тетушка начала:

— Она пошла, она пошла... ну, въ такое мѣсто... и хотѣла сѣсть, а курица ее клюнула въ такое мѣсто... знаете, тамъ темно въ такомъ мѣстѣ... ахъ, она закричала... я бѣгу... оно заперто... кудахчетъ...—Александра Матвѣевна умолкла подъ смѣхъ Виктора и грозные взгляды Лизаветы.

— Но откуда же тамъ взялась курица, въ такомъ мѣстѣ?

— Курицу туда посадилъ я,—вставилъ Викторъ.

Тетушка, отеревъ слезы, сказала:

— Ну, Лизанька, не сердись на меня, какъ я на тебя не сержусь, и ради такого праздника помирись, не дуйся и не покидай меня.

— И не думаю.

— Я думаю, вамъ не слѣдуетъ покидать Александры Матвѣевны.

— Вы, сударь, не знаете всѣхъ обстоятельствъ.

— Я разсуждаю принципіально.

— Ну, Лизанька, не мрачи мнѣ дня: помирись для праздника.

Викторъ изъ-за Соли сказалъ громко:

— Нынче двойной праздникъ: тетушка именинница, и Лизавета на курицу съѣла,— киріепасха.—И бросился бѣжать, съ грохотомъ преслѣдуемый Лизаветой Петровной.

Слыша общій смѣхъ, Екатерина Петровна остановилась въ дверяхъ, имѣя на рукахъ мѣховую накидку.

— Да тутъ веселятся, а я пришла звать пройтись до обѣда.

— Подите, я васъ поцѣлую: утѣшена вашимъ сыномъ, какъ его: Викентій? — лепетала тетушка.

— Викторъ,— отозвалась гостя.— Опять наблудилъ что-нибудь?

— Лизавету на курицу посадилъ!—таинственно отвѣчала Александра Матвѣевна. Екатерина Петровна сдвинула брови, но промолчала, прибавивъ только:

— Что же, идемте пройтись.

— Не опоздайте къ обѣду!—крикнула вслѣдъ уходящимъ четвернымъ тетушка.

— Не опоздаемъ: тотчасъ воротимся!—уже въ дверяхъ отвѣчалъ Іосифъ.

Вдовушка, сразу раскраснѣвшаяся на холоду, казалась молодою, круглой и хорошенькою. Снѣгъ поскрипывалъ подъ ея твердой и быстрой походкой, хотя она и взяла Пардова подъ руку, увѣряя, что

скользко и трудно идти. Говорила весело и громко. Адвентовъ съ Соней шли слѣдомъ, о чемъ-то тихонько разговаривая. Солнце почти сѣло, разливъ розовый и лиловый свѣтъ по снѣгамъ; вдали на горѣ горѣли окна сосѣдней деревни. Возвращались уже въ темныхъ сумеркахъ, продолжая такъ же говорить, смѣясь и окликаясь. Проходя мимо овиновъ, Іосифъ замѣтилъ чело-вѣка на колѣняхъ, торопливо дѣлавашаго что-то. Отпустивъ Екатерину Петровну впередъ, онъ остановился.

— Хозяѣйскій глазъ — алмазъ! — пошутила та, догоняя шедшихъ теперь впереди Адвентова съ Соней.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? — крикнулъ хозяинъ поднявшемуся Ѳомкѣ. Тотъ ничего не отвѣчалъ и въ сумеркахъ даже блестялъ его глазъ. Іосифъ не зналъ, что дальше спрашивать, чѣмъ-то смущенный.

— А гдѣ Домна?

— Съѣхала.

— Куда съѣхала?

— Въ Раменье.

— Зачѣмъ?

— Что же ей здѣсь дѣлать?

— Ну смотри!

— Что миѣ смотрѣть?

Оглянувшись и видя Θомку все на томъ же мѣстѣ, Юсифъ снова крикнулъ:—А что ты дѣлаешь?

Издалека донеслось:—Къ празднику убираюсь.

Юсифъ не зналъ, зачѣмъ онъ и спрашивалъ о Домнѣ, думая только о вдовушкѣ.

Дома поднялось веселье, рѣдко посѣщавшее покой Александры Матвѣевны. Послѣ обѣда пѣли и играли, пѣлъ и Юсифъ, и отецъ Петръ, и Сережа Беззакатный, съ розовымъ лицомъ нѣсколько толстаго амура, изображалъ французскія шансонетки. Тетушка была безмѣрно утѣшена веселыми гостями и участвовала во всѣхъ забавахъ.

Въ фантахъ, рекрутахъ, Екатерина Пестровна все выбирала Юсифа, нѣжно смѣясь, и тотъ не замѣчалъ, какъ зорко слѣдятъ за нимъ три пары глазъ: Сони, Адвентова и Ивана Павловича Егерсва.

Послѣдній пробовалъ разыгрывать разныя настроенія: то былъ мраченъ, то веселъ, то язвителенъ, но видя, что никакого прока изъ этого не выходитъ, пошелъ закусывать въ столовую, гдѣ не снимались вино и деревенскія заѣдки. Аделаида Платоновна носилась какъ стрижъ, еще ускоряя темпъ своихъ непрерывныхъ рѣчей; Леля, блѣдная

и молчаливая, вышла все-таки изъ отведенной ей комнаты на общее веселье. Окончательно разшалившись, стали наряжаться и выходили то Екатерина Петровна въ видѣ студента подъ руку съ дамой, похожей на нѣсколько толстаго амура, то блѣдный мальчикъ съ озорной и курносой дѣвочкой, то Аделаида въ фантастическомъ нарядѣ, сопровождаемая Адвентовымъ въ полушубкѣ. Тетушка, пошептавшись съ Беззакатнымъ, удалилась и черезъ нѣсколько минутъ присутствующіе замерли на своихъ мѣстахъ при видѣ бѣлой, какъ мѣлъ, въ бѣломъ одѣяніи и покрывалѣ фигуры, неровно подвигавшейся съ безумной улыбкой.

— Тетя, что съ вами?—крикнула черезъ всю залу Соня.

— Безумная Жизель,—шепнулъ Сережа, сядя за рояль и начиная старый балетъ. Тетушка развела тощими руками, подняла ногу и махая бѣлымъ балахономъ, начала танцовать, то падая на колѣни, склонивъ голову, то снова вертась, разводя руками. Танецъ закончился совершенно неожиданно: Викторъ, фыркавшій въ руку, увертываясь отъ щипковъ сидѣвшей рядомъ съ нимъ Лизаветы Петровны, бросился черезъ всю залу и на пути спибъ вертѣвшуюся тетюшку.

Она быстро сѣла на полъ въ разъ съ послѣднимъ аккордомъ и, удивленно озираясь, проговорила:

— Tiens, я, кажется, упала? Чему вы смѣетесь?

Никто не смѣялся, а Иосифъ, самъ поблѣднѣвъ, поднялъ Алексапдру Матвѣевну со словами:

— Я провожу насъ пересодѣться.

Проходя къ ужину, вдова и Иосифъ оказались послѣдними. Задержавшись на минуту въ коридорѣ, Екатерина Петровна молча вдругъ поцѣловала своего каналера и больше до конца вечера съ нимъ не говорила. За ужиномъ тетюшка была молчалива и блѣдна, не посигѣвъ наложить свѣжихъ румянъ послѣ Жизели. Егеревъ говорилъ тостъ, которымъ обѣщаль захоладить три смѣны блюдъ, но, къ счастью, былъ прерванъ Викторомъ, забравшимся подъ столъ и ущипнувшимъ ту же Лизавету въ икру. И на это тетюшка только слабо улыбнулась. Въ дверяхъ слышалось перешептыванье и наконецъ горничная, подойдя къ Лизаветѣ, бушевавшей съ Викторомъ, сказала ей что-то на ухо.

— Еще что выдумалъ! — отвѣтила та вслухъ.

— Что она говоритъ? — спросила тетушка.

— Глупости она говоритъ. Поди прочь! — отозвалась Лизавета.

— Я хочу знать, что она говоритъ; что ты сказала? — обратилась тетушка прямо къ неуходящей все горничной.

— Пармень просится васъ поздравить, — пролепетала та.

— Пармень?

— Пьянъ онъ, навѣрное; не видѣли ваши гости пьяныхъ мужиковъ!

— Нѣтъ, отчего же? Это очень мило: такая патриархальность, — зашебетала Аделаида. — Пармень это кто: кучеръ?

— Кучеръ, — мрачно подтвердила Лизавета.

— Онъ не то, чтобы очень пьянъ, — замѣтила дѣвушка.

Всѣ засмѣялись и Пармень былъ допущенъ. Аделаида въ лорнетъ смотрѣла, какъ пришедшій покрестился на образа, принявъ налитую самую тетушкою рюмку, утерся и поцѣловалъ ручку. Волосья глаза держалъ опущенными. Появись, онъ началъ:

— Спасибо вамъ, барышня, Александра Матвѣевна, за всѣ ваши благодѣянія, сколько было пожито, попито, сладко поѣдено, на вашихъ мягкихъ перинахъ поспано.

Всѣ насторожились; тетушка, озираясь, шептала:

— Что онъ говоритъ, что онъ говоритъ? Парменъ продолжалъ.

— Прощайте, милая барышня, дай Богъ вамъ другихъ найти, чтобы съ такимъ же усердіемъ вмѣстѣ съ вами подушки перебивали.

— Да уйдешь ты, негодяй, или нѣтъ?— крикнула, не вытерпѣвъ, Лизавета.

— Уйду-съ, — молвилъ Парменъ и медленно удалился.

— Пьяная скотина!— заключила Лизавета Петровна.

— Нѣтъ, отчего же? Онъ довольно некстати, но очень мило цитировалъ изъ «Ваньки ключника»,— замѣтилъ Адвентовъ.

— И какой красивый типъ!— вздохнувъ прибавила Аделаида.

— Позвольте теперъ мнѣ цитировать себя самого, — предложилъ Адвентовъ и началъ читать:

Не къ Александрѣ ли Матвѣвнѣ,
Какъ къ нѣкой сказочной царевнѣ,
Въ ваповѣдной ея деревнѣ
Мы собрались?
Пора песеля--именины!
Забуты скорби и кручины.
О, съѣть неспосной паутины,
Порвись, порвись.

Мы сладко пили, сладко ѣли,
Мы пѣсни нѣжныя пропѣли,
Мы танецъ видѣли Живели
Возобновленъ.

Тотъ забывецъ, кто приголубить,
Равлука памяти не губить
И въ сердцѣ вѣчно тотъ, кто любитъ,
Изображенъ.

Расходясь ко сну, Адвентовъ остановилъ
Иосифа, спросивъ.

— Вы очень хотите спать?

— Да, я усталъ, а что?

— Хотѣлось бы побесѣдовать.

— Вы вѣдь еще останетесь? Вотъ завтра,
когда нѣкоторые уѣдутъ.

— Отлично. Спокойной ночи.

Но не спокойна была ночь Иосифу; мечты
все рисовали образъ круглой, веселой вдовушки, и храпъ отца Петра не прогонялъ ихъ нисколько. Долго не раздѣваясь, такъ лежалъ. Стукнули въ дверь. Сердце такъ и замерло: «она, она, я не понялъ ея обѣщанія».

— Это вы, Екатерина Петровна?

— Это я, Жозефъ, прости,—отвѣчалъ Сонинъ голосъ.—Ты еще не ложишься? Что дѣлается у васъ въ домѣ? Пойдемъ; зажги свѣчку. Отчего ты думалъ, что это—Екатерина Петровна?

— Не знаю,— еле произнесъ Іосифъ, слѣдуя за своей спутницей.

х.

— Бывають комнаты, гдѣ вспоминаешь или предчувствуешь преступленіе. Такъ въ спальнѣ Александры Малѣевны мнѣ представляется, что тамъ когда-то убила или убьетъ молодая жена старого мужа. Она будетъ боса и съ распущенными косами, онъ же дородень и сѣдъ; лампы будутъ горѣть, будетъ жарко натоплено и луна въ замерзшее окно,—говорила Соня, спокойно какъ-то идя именно къ тетушкиной спальнѣ.

— И теперь жарко натоплено и луна въ замерзшія окна,—повторилъ Іосифъ, покорно идя вслѣдъ за горбуньей. Осторожно шли по темному коридору. Наконецъ, Соня остановилась передъ полуоткрытой дверью, изъ-за которой лился розовый свѣтъ лампы, сказавъ:

— Кажется, тутъ.

— Но куда ты, Соня, ведешь меня?

Соня ничего не отвѣчала, но Іосифъ ясно теперь увидѣлъ, что это — спальня тети Саши; какая-то ясность къ нему подступала, сладкая и страшная, и въ глазахъ мелькали

нестерпимо яркія искры. Соня, будто почувствовала что-то, спросила:

— Что съ тобою, Жозефъ?

— Ничего,—задыхаясь, отвѣчалъ тотъ.

— Я думаю, она прошла сюда. Тетушка не испугается, если мы внезапно появимся? Но, пожалуйста, не окликай ее.

Дѣвушка говорила спокойно и разсудительно. Они открыли дверь; лампада ясно освѣщала спальню тети Саши и Лелю, стоявшую посреди комнаты. Кровать была пуста, было очень жарко натоплено и луна ударяла въ замерзшее окно. Іосифъ въ страхѣ воскликнулъ:

— Леля, гдѣ же тетюшка? Гдѣ она въ такое ночное время? Леля!

— Тише, Жозефъ, она проснется...—зашептала Соня, но Леля уже, глубоко вздохнувъ, мягко упала около кресла на полъ. Вновь пришедшая бросилась къ ней, разстегивая зачѣмъ-то лифъ, Іосифъ же твердилъ: «гдѣ тетюшка?», безпокойно поводя глазами по комнатѣ. Леля вздыхала, будто впавшая снова въ сонъ, закрывая глаза, плача.

— Зачѣмъ ты здѣсь?—вдругъ закричалъ Іосифъ, смотря въ уголъ у печки.

— Съ кѣмъ ты говоришь, Жозефъ? — шепотомъ спросила Соня, не поворачивая

головы и поддерживая больную. — Ты разбудишь тетю, которая спитъ въ креслѣ передъ туалетомъ; отъ меня видно.

— Въ креслѣ передъ туалетомъ? — переспросилъ тотъ, но сдѣлавъ шага два, вдругъ попятился, твердя: — Кто это сдѣлалъ? Это ты? Какая неумѣстная шутка!

— Жозефъ, что съ тобою? Ты меня пугаешь, а я не могу оставить Лели. Что ты нашелъ страннаго?

— Тетушка одѣта опять въ костюмъ Жизели и руки ея всѣ въ крови, кровь же и на бѣломъ переду платья.

— Я ничего не различаю въ зеркало, и я не могу встать изъ-за Лели.

Иосифъ, подошедъ вплотную къ креслу, гдѣ дремала Александра Матвѣевна, вдругъ страшно закричалъ: — Соня, смотри, какой ужасъ: тетя убита, у нея перерублена шея и все кресло залито кровью! Кто это могъ сдѣлать?

Соня, подбѣжавъ, зашептала:

— Молчи, молчи! Это могла сдѣлать она.

— Лея? какой ужасъ!

— Но я не думаю; ея платье—совершенно чисто.

Иосифъ задыхался; съ заблестѣвшими глазами онъ шарилъ что-то невидимое руками слегка хрипя. Наконецъ сказалъ:

— Соня, я тебя ненавижу; какъ можешь быть ты такъ спокойна, когда здѣсь такой ужасъ? А ты—будто слѣдователь.

— Я помогаю кому нужна моя помощь, тетушка же не нуждается въ ней больше.

— Но нельзя быть такой каменной.

— Ахъ, культъ эмоцій!

Шифоньерка, на которую опирался Іосифъ, затрещала и человѣкъ рухнулъ съ грохотомъ безъ крика, но изъ-за печки въ углу донесся сдавленный стонъ и кто-то, стеноя и корчась, поползъ къ тому мѣсту, гдѣ повергся Іосифъ.

— Іосифъ! Ты ушибся? Іосифъ! Іосифъ! Да придите же кто-нибудь сюда!

И Соня громко заплакала. Подползшее существо тихонько и быстро лопотало, наклоняясь надъ Іосифомъ:

— Это я, это я, баринъ... Богу мы помолились — не по злобѣ, не по ненависти, а жалѣючи мужа своего Пармена сдѣлала я это. Она говорить: «Арина, что у тебя глаза такъ блестятъ?» Я вижу ихъ въ зеркалѣ и себя вижу: блѣдна! Говорить: «дай мнѣ бѣлое платье!» а за печкою топоръ былъ спрятанъ. Говорить: «зачѣмъ ты все въ уголь ходишь?» не крикнула, не пикнула, какъ малый ребенокъ склонилась.

— Такъ что убили Александру Матвѣевну Пардову вы? — громко произнесъ надъ нею голосъ Ивана Павловича Егерева.

— Я; не отопрусь: я, — отвѣтила Арина, не подымаясь съ лежащаго недвижимо Юсифа. Поги его слегка сводила судорога, глаза были выкачены и слюна, какъ пѣна, пузырилась на углахъ рта. Арина разстегнула ему воротъ, продолжая причитать. Комната была уже полна народа, уже съѣздили за докторомъ, отецъ Петръ далъ уже глухую исповѣдь умершей, связали убійцу и ея сообщника, — какъ крики на дворѣ: «пожаръ! пожаръ!» всѣхъ еще болѣе взволновали. Въ окна вмѣсто синей луны ударяло алой розой зарено съ того мѣста, гдѣ находились овины. Адвентовъ и Беззакапный отправились съ Екатериной Петровной тушить все разгоравшееся пламя. Въ открытую форточку ясно былъ слышенъ шумъ далекаго огня и крики людей. Юсифа, пришедшаго въ себя, перевели въ сосѣдную комнату.

— Онъ не можетъ одинъ оставаться здѣсь. Я останусь съ нимъ и за домомъ присмотрѣть. Рѣ шацутъ все какъ разъ, та же Лизавета.

— Это очень хорошо, тетя Аня, по я думаю такъ: вы останьтсь, а Жозефъ пу-

скай ѣдетъ къ намъ или къ Дмитревскимъ,— рѣшила Соня.

— Я отвезу Іосифа Григорьевича,— вызвалась возвратившаяся Екатерина Петровна,— со мной надежно.

Ночью при свѣтѣ снѣга и скрытой луны быстро ѣхали они по полямъ; за ними бѣжала Домна, цѣпляясь за спинку саней; кучеръ хлесталъ ее кнутомъ, она отставала и снова бѣжала и падала по скользкимъ колеямъ. Обернувшись, Іосифъ видѣлъ, какъ какой-то мужчина догналъ ее и снова она побѣжала за санками, тотъ за нею, пока она не упала въ снѣгъ, не вставая долго. И снѣгъ казался розовымъ отъ далекаго зарева, будто пролили жидкую, вѣжную кровь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Зеленый чижъ, поднявъ голову слегка на бокъ, смотрѣлъ черными бисеринками, стараясь прочирикать то, что напѣвала Соня, казавшаяся еще болѣе маленькой отъ чернаго платья. Голубые глаза ея будто выцвѣли и черные блестяшіе волосы были плоско и гладко зачесаны.

Іосифъ, войдя, сказалъ:

— Я и не зналъ, что ты поешь, Соня.

— Я не пою.

— Что жъ ты дѣлаешь?

— Ничего. Что мнѣ дѣлать? Жду завтрака.

Она опустила шитье на колѣни и взглянула на Іосифа, похудѣвшаго послѣ болѣзни.

— Скоро и мнѣ можно будетъ выѣзжать.

— На Ооминой, я думаю, можно будетъ и тебѣ.

— Вчера мало было народа на кладбищѣ?

— Мало, почти только мы.

Комната была высокая, свѣтлая и уютная. Въ окнѣ виднѣлись безконечныя полѣнницы дровъ и прудъ передъ дорогой въ гору.

— Она добрая, Екатерина Петровна,— такъ за мною ходила, когда я былъ боленъ.

— Да, она ходила за тобою,—сдержанно отозвалась Соня.

— Ты близка съ ея кружкомъ.

— Тамъ есть и хорошіе и дурные люди; ко всѣмъ нельзя одинаково относиться только изъ-за того, что они въ одномъ кружкѣ.

— Я не знаю ихъ всѣхъ, но кого знаю, мнѣ не нравится.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, Иванъ Павловичъ.

— Онъ-то и мнѣ не нравится.

— Ты не скучаешь здѣсь?

— Я? Я же всегда живу здѣсь. Зачѣмъ мнѣ скучать? И потомъ эта зима была такая, что слава Богу, что она прошла. Несчастье

съ тетушкой, твоя болѣзнь, болѣзнь Лели— все не давало времени думать, скучаешь ты или нѣтъ.

— Какъ-то поведетъ дѣло тетя Аня!

— Дѣло, кажется, не сложное, но много хлопотъ. Должники покойной частью уже перемерли. Да и потомъ, кто же захочетъ платить долги, сдѣланные, Богъ знаетъ когда!

— Тамъ же честные люди.

— Считается, что это не очень мараеть честь не заплатить стараго долга.

— Какъ надоѣдастъ этотъ чижъ.

— Нужно его закрыть. Мы говоримъ—и онъ кричитъ. Ты сталъ раздражителенъ.— Соня сняла вязаный платокъ и накрыла клѣтку.

— Хочешь я сыграю что-нибудь?—предложила она, проходя въ сосѣдную комнату, такую же высокую и неуютную, но темнѣе.

— Пожалуйста, я люблю, какъ ты играешь.

— Ну, любить особенно нечего, я съ четырнадцати лѣтъ забросила музыку, и если двинулась съ тѣхъ поръ, то ужъ во всякомъ случаѣ не впередъ.

— Я не о техникѣ говорю.

— Ахъ, о чувствѣ!—Передернувъ плечиками, горбунья сѣла на высокій стулъ и заиграла суховато и серьезно.

— А гдѣ Екатерина Петровна?

Окончивъ пьесу, играющая повернулась на вертящемся стулѣ лицомъ къ собесѣднику и отвѣтила:

— Гдѣ Катя? Не знаю. Скоро будетъ свистокъ и все равно всѣ къ завтраку сойдутся.

— И Иванъ Павловичъ?

— И Иванъ Павловичъ.

— Не люблю я его.

— Слышала не разъ.— Посмотрѣвъ на свои ноги, не касавшіяся пола, она добавила съ улыбкой:

— Сегодня на горѣ я видѣла подси́жника.

— И я ихъ скоро увижу.

Во время завтрака Марья Матвѣевна подала распечатанное письмо племяннику со словами:

— Вотъ почитай самъ, что Анна пишетъ о твоихъ дѣлахъ. Путаешь, по-моему. Была у твоей матери сестра какая-нибудь?

— Не знаю, навѣрно; кажется, что была.

— Ну, такъ вотъ, будто она гдѣ-то умерла и какіе-то капиталы тебѣ могутъ достаться. Конечно, всѣ суды и банки будутъ всякія гадости дѣлать, но помечтать можешь.

Екатерина Петровна, накладывая Иосифу любимые куски на тарелку, внимательно слушала, улыбаясь. Оставшись вдвоемъ съ Егеревымъ, она продолжала молчать, убирая чашки.

— Что ты какая недовольная сегодня, Катя?—вымолвилъ тотъ, куря папиросу и смотря на круглыя, бѣлыя руки вдовы.

— Сколько разъ я просила васъ не говорить со мною на «ты». Привыкните и скажете при комъ-нибудь —будсть неловко.

— Развѣ я проговаривался когда-нибудь?

— Не проговаривались, но можете,

— Просто вамъ угодно придиратся ко мнѣ.

— Просто нужно быть еще осторожнѣе.

— Что же произошло?

— Что и должно было произойти.

— Загадки?

Екатерина Петровна, не отвѣчая, спрятала посуду въ буфетъ и, уже снова вернувшись, замѣтила:

— Вы сами знаете, Иванъ Павловичъ, что не всегда любовь бываетъ бесплодною.

— Чортъ знаетъ, что за пошлый лексиконъ у васъ! Что же вы ожидаете «тайный плодъ любви несчастной»?

— Въ такомъ родѣ.

— Это неприятно, но не такъ уже неизбежно.

— Ну нѣтъ, на это я не согласна идти.

— Глупо и несовременно!

— Какая есть.

— Что же вы намѣрены дѣлать?

— Васъ это интересуеть?

— Конечно, не чужая же вы мнѣ.

— Боже, вы доступны даже чувствамъ!—

Она приложила палецъ къ свосму лбу и сказала:

— Видите этотъ лобъ? Подъ нимъ зрѣтъ гениальный планъ, котораго я вамъ не открою. Вы только не мѣшайте мнѣ и не путайте. Довѣрьтесь мнѣ—и все будетъ прекрасно.

— Помяните и меня, когда сдѣлаетесь царицею.

— О, вы будете моимъ премьеръ-министромъ.

— Что же я долженъ дѣлать теперь?

— То же, что и прежде, или даже лучше имѣйте видъ полного пренебреженія ко мнѣ. Ступеньки, которыя я выбрала, не лишены наблюдательности.

— Но я долженъ сознаться, что я лишень всяческой наблюдательности, потому что не вижу въ вашей фигурѣ ничего угрожающаго.

— Лучше поздно, чѣмъ никогда.

— Что это?

— Сознаться въ своихъ недостаткахъ.

— Ахъ да, такъ. Но, милая Катя, вы не окончательно будете неглижировать мною?

Екатерина Петровна пожала плечами.

— Право, вы дѣлаетесь сантиментальнымъ; это—дурной признакъ.

— Признакъ чего?

— Старости.

— Однако въ васъ я не вижу избытка чувствительности.

— Неумѣстныя остроты!

Иванъ Павловичъ обнялъ талию вдовушки, но та ловко вывернувъ свой круглый станъ, замѣтила: «могутъ войти».

— Кого намъ бояться?

— О Боже, роль Ромсо не къ лицу вамъ. И вы еще хотите, чтобы я дѣлилась съ вами своими планами.

— Хотя бы отчасти. Да, бумаги я вамъ принесу завтра на храненіе; можетъ быть, это глупо—такъ отдавать себя въ руки, даже ваши.

Глаза Кати вспыхнули на минуту; она проговорила равнодушно:

— Бумаги же не именныя; рискуетъ только тотъ, у кого ихъ найдутъ.

— Есть и именныя.

Екатерина Петровна поцѣловала Егереву въ лобъ и сказала:

— Довѣріе за довѣріе: я вамъ открою главный мой козырь. И подойдя къ буфету, начертала на пыльной доскѣ І. Г. П.

— Что это за литеры? Іисусъ Назарянинъ Царь Іудейскій?

— Глупо. Іосифъ Григорьевичъ Пардовъ.

— Какъ, Жозефъ? *У pensez-vous?* Но онъ же глупъ.

— Онъ имѣетъ случай носить фамилію Пардова и потомъ... ну, это все равно, что потомъ. Екатерина Петровна Пардова сможетъ совершить побольше, чѣмъ Катя Озерова, поповна.

— Ты строишь даже матримоніальные планы?

Вдовушка кивнула головой утвердительно.

— Но вы торопитесь, такъ какъ скоро деньги будутъ ассигнованы, а бумаги долго лежать не могутъ.

— Миѣ и для себя самой слѣдуетъ торопиться.

— Такъ что наши интересы совпадаютъ?

— Какъ и всегда.

Екатерина Петровна протянула руку, ко-

тору Егерева почтительно поцѣловаль. Потомъ, хлопнувъ Озерову по плечу, замѣтилъ, смѣясь:

— Приучайся, приучайся, Катя!

— А вамъ бы я посовѣтовала отучаться, — сквозь зубы проговорила поповна.

II.

Викторъ былъ самъ на себя не похожъ съ приглаженными вихрами, въ новой курточкѣ, отмытый и папомажсанный. Екатерина Петровна сама завязывала ему галстукъ свободнымъ бантомъ; букетъ садовыхъ цвѣтовъ лежалъ приготовленнымъ на креслѣ.

— Что это — свадебная поѣздка? — сказала, входя, Марья Матвѣевна.

— Я ѣду къ Фонвизинымъ, — заявилъ Викторъ.

— А смотри, Катя, онъ выравнивается мы только не обращали вниманія на него а онъ совсѣмъ недурень! — продолжала вошедшая, осматривая круглое, курносое, очень розовое лицо мальчика съ нѣсколько раскосыми зелеными глазами.

— И какъ онъ выросъ!

— Ну, помнишь, Викторъ, наставленія? что тамъ нужно дѣлать: передашь это пись-

мо, постарайся, чтобы оставили завтракать, говори мало, больше съ Андреемъ Ивановичемъ, знаешь его?

— Ну, еще бы!

— Да что онъ, скорымъ гонцомъ что ли ѣдетъ?

Екатерина Петровна, кончивъ бантъ, отвѣчала неспѣшно:

— Да, некого послать съ фабрики надежнаго, пускай проѣдется.

— Да онъ-то надеженъ, что ли?

— Будьте спокойны, рады стараться!—посолдатски отвѣчалъ мальчикъ и, забравъ букетъ, налѣво кругомъ вышелъ изъ комнаты.

— Куда это ты собрался Витя?—спросилъ Иосифъ въ передней.

— Такъ что къ господамъ Фонвизинимъ,—сдѣлавъ подъ козырекъ, отвѣчалъ тотъ.

— Развѣ ты знакомъ съ ними?

— По младости лѣтъ неудостоенъ. Буду по порученію ея превосходительства.

— А!

Екатерина Петровна вышла на крыльцо и, жмурясь отъ утренняго солнца, прокричала звонкимъ голосомъ:

-- Не забудь, Викторъ.

— Есть, — уже изъ-за угла донесся отвѣтъ.

— Не простудитесь, Иосифъ Григорьевичъ, такъ выходить neodѣтымъ.

— Вы слишкомъ добры, Екатерина Петровна.

— При чемъ моя доброта? Я не считаю себя совершенно чужою вамъ и, кажется, доказывала это за время вашей болѣзни.

Иосифъ вспыхнулъ.

— Я этого и не хотѣлъ сказать, я—не неблагодарный!

— Въ благодарности ли дѣло? — опутивъ глаза, промолвила вдовушка и, помолчавъ приличное время, совсѣмъ другимъ голосомъ добавила:

— Чтобъ я не казалась несносной въ своихъ заботахъ о вашемъ здоровье, предлагаю завтра ѣхать на лодкѣ по озерамъ: теперь полая вода, тамъ чудно!

— Какая вы милая, Катя... ахъ простите!

— Пожалуйста.

— Знаете, заочно съ Соней, съ тетей Машей мы иногда васъ такъ называемъ, «Катя».

— Да ничего, хотя я не люблю своего уменьшительнаго.

Но очевидно она была довольна и Иосифъ

фомъ, и поѣздкой Виктора, и погодой, и больше всего самую собой. Она вошла въ домъ быстро и твердо, напѣвая что-то. Марья Матвѣевна сказала:

— Ты посвѣжѣлъ опять, Юсифъ.

— Теперь Юсифъ Григорьевичъ повеселѣетъ и будетъ быстро поправляться,— весело проговорила Катя, садясь за письменный столъ.

— Что это: пророчество?

— Нѣтъ, зачѣмъ? Похворалъ, погоревалъ— и будетъ. Завтра на лодкѣ поѣдемъ.

— Уже?

— Уже.

— Не рано ли?

— Нѣтъ, тетя, нѣтъ, теперь полая вода по озерамъ и рѣкамъ.

— Да хорошо-то, теперь хорошо, что говорить.

Изъ Екатерины Петровны эти дни лучилась какая-то дѣйственная сила бодрости, счастья и какъ будто милости. Подобрѣла ли она, или дѣла шли, какъ она хотѣла, но милостива была ко всѣмъ, даже до Виктора включительно. Онъ вернулся часа черезъ три, очевидно не оставленный завтракать. Екатерина Петровна заторопилась его спрашивать:

— Передалъ?

— Передалъ, — менѣ бойко, чѣмъ передъ отъѣздомъ, говорилъ Викторъ, снова по-растренавшійся.

— Съ кѣмъ же ты говорилъ больше всего?

— Съ Ванькой, ихъ лакеемъ — премилый человѣкъ.

Сдержавшись, мать спросила:

— А Андрея Ивановича не видалъ?

— Видалъ.

— Ну и что же онъ?

— Ничего; благодарить за букетъ.

Оставшись вдвоемъ съ Марьей Матвѣев-ной, Юсифъ спросилъ:

— Зачѣмъ это Екатерина Петровна посылала Виктора къ сосѣдямъ? Вы не знаете?

Вздохнувъ, тетюшка отвѣтила:

— Не знаю, а то, что думаю, боюсь сказать.

— Развѣ такъ страшно?

— Всегда страшно клеветать невольно на человѣка. Я полагаю такъ: Катя теперь какъ внѣ себя отъ бездѣйствія и недостатка мѣста, такъ сказать. Понимасишь, когда былъ живъ ея мужъ, она какъ въ котлѣ кипѣла, а если теперь и остались остатки кое-какого дѣла, то надолго ли? А она не можетъ безъ

дѣла—вотъ и мечется: то въ хозяйство, то въ общества, то въ знакомства.

— Что же тутъ обиднаго, что вы не хотѣли говорить?

— Смѣшно иногда. Ну зачѣмъ Виктора по фабричнымъ дѣламъ посылать къ незнакомымъ людямъ, да еще съ букетомъ? Къ тому же совѣтовать ему держаться Андрея Фонвизина, извѣстнаго негодяя.

— Я откуда-то слышалъ эту фамилію,—насторожившись, произнесъ Іосифъ.

— Можетъ быть, отъ Адвентова: это—его другъ.

— У Адвентова, что бы про него ни говорили, не можетъ быть друга негодяя; навѣрное въ Андреѣ есть что-нибудь кромѣ негодійства.—Это сказала Соня, неслышно подошедшая на разговоръ.

— Развѣ красота?

— И это — не малая заслуга,—добавила Соня, зардѣвшись.

— Богъ знаетъ, что ты говоришь, Соня, — произнесла тетя Маша, вставая сама отворить двери на звонокъ.

— Ты не имѣешь отъ него писемъ?—спросилъ Іосифъ.

— Отъ кого это?—разсѣянню и недовольно отвѣтила дѣвушка вопросомъ.

— Отъ Адвентова, — понизивъ голосъ, сказалъ Иосифъ.

Соня сказала зачѣмъ-то очень громко:

— Я ему еще не писала; еще не пришло время!

— А этого Андрея Фонвизина ты знаешь?

— Видѣла.

— Очень красивый?

— Очень.

— Ты чѣмъ-то недовольна сегодня, Соня: ты здорова?

— Конечно. Я ничего.

— Завтра поѣдемъ на озеро. Катя придумала.

— Какая Катя?

— Екатерина Петровна. Правда, мило съ ея стороны?

— Ей, вѣроятно, это пужно, или хочется самой.

— Какъ вы всѣ дурно къ ней относитесь! Она — само безкорыстіе!

Соня долго смотрѣла на Иосифа и, наконецъ, сказала:

— Ты думаешь? А что же, отъ тебя кланяться Адвентову, когда буду ему писать?

— Пожалуйста. Но ты же, кажется, не собиралась этого скоро дѣлать?

— Кто знаетъ? Однако собрались гости

къ Екатеринѣ Петровнѣ (такъ и сказала «къ Екатеринѣ Петровнѣ», а не «къ Катѣ»), неловко ихъ слишкомъ бойкотировать.

— Я и не думаю, но я никого не знаю.

— Узнаешь! — сказала, усмѣхнувшись, Соня.

— Право, Соня, ты какая-то странная. Можно подумать, что ты меня не любишь.

— Можешь думать, что тебѣ угодно, а кто кого любить и не любить покажутъ дѣла и ждать, вѣроятно, уже не долго.

Викторъ съ трескомъ распахнулъ двери и доложилъ:

— Ея превосходительство требуютъ Юсифа Григорьевича къ гостямъ.

— Ого, какъ дѣло поставлено! — сказала Соня покраснѣвшему Юсифу. Тотъ забормоталъ:

— Какъ вамъ не стыдно такъ шутить, Викторъ?

— Все-таки побрелъ, — замѣтилъ мальчикъ, когда Юсифъ скрылся. Соня обняла его и сказала:

— Какъ страшно, Витя, скоро настанетъ время.

Мальчикъ, кося глазами, отвѣтилъ:

— Ничего не будетъ, чего не должно быть. Ты не писала еще туда?

— Нѣтъ.

— Ну, тогда погоди еще немного. Я говорилъ съ Андреемъ.

— Да, ну что же? Что же?

— Все по-старому. Онъ согласенъ.

— Слава Богу!— проговорила Соня, закрывая глаза.

III.

Весенняя вода трепетно синѣла по узкимъ озерамъ отъ свѣжаго вѣтра. Лодку, гдѣ сидѣли наши путники, покачивало, но, кажется, кромѣ тети Маши, это никого не волновало, такъ какъ остальные были заняты или разговоромъ, или любовались на еще полупрозрачныя рощи по прибрежнымъ холмамъ. Лѣса смѣнялись усадьбами, усадьбы—полями, озера суживались въ быстрыя, зимою незамерзающія рѣчки, которыя снова бурливо бросались въ другое гладкое озеро. Иосифъ съ Викторомъ гребли, Егеревъ правилъ, а три дамы ютились посрединѣ лодки— Соня среднею для равновѣсія. Викторъ вдругъ заявилъ:

— Вонъ Андрей Фонвизинъ.

Дамы и Егеревъ обернулись, заколыхавъ лодку, назадъ. И дѣйствительно, за ними поспѣшала другая лодка съ двумя пассажирами.

— Развѣ Фонвизинъ— военный?— спросилъ Іосифъ шопотомъ.

— Какъ видите!— усмѣхнулся Иванъ Павловичъ.

— Но что это съ нимъ за старикъ?— всматривалась тетя Маша.

— Да это Пареевъ же!— вдругъ узнавъ, вскрикнулъ Іосифъ.

Старикъ въ широкомъ бѣломъ кафтанѣ взмахами веселъ все приближалъ къ одной лодкѣ другую, гдѣ сидѣлъ въ кителѣ молодой, казалось, очень молодой офицеръ. Лицо безъ румянца странно не подходило къ свѣтлымъ волосамъ, а огромные сѣрые глаза на правильномъ лицѣ поражали невидящею пристальностью взгляда. Перстни горѣли на длинныхъ пальцахъ. Онъ приложилъ блестящую на солнцѣ руку къ фуражкѣ, не улыбаясь. Соня и Викторъ закивали ему головами, даже Екатерина Петровна привѣтственно наклонилась. Іосифъ, чтобы разглядѣть получше Фонвизина, окликнулъ Пареева:

— Пареевъ, здравствуй!

Поднявъ голову, старикъ сказалъ глухимъ и громкимъ голосомъ:

— Ахъ, это вы, баринокъ? Будьте здоровы.

— А что Марина?

— Спасеть ее Спасъ, какъ Самъ знаетъ!

— Она въ Питерѣ?

— Въ Питерѣ.

И замолчанъ проѣхали; помолчали и наши путники. Соня опустила свою маленькую ручку въ воду, продолжая смотрѣть во слѣдъ уже почти скрывшейся изъ виду лодки.

— Куда это они отправились?—замѣтила Екатерина Петровна.

— Тутъ же ихъ усадьба на озерѣ.

— А Софья Карловна хоть и утверждаетъ, что она не долюбливаетъ господина Адвентова и «и иже съ нимъ», но очевидно на повѣрку выходитъ не совсѣмъ такъ. Встрѣча съ этимъ блестящимъ экземпляромъ повергла ее въ самую сладкую мечтательность.—Сказалъ это, конечно, Иванъ Павловичъ. Даже Екатерина Петровна глянула съ осужденіемъ на говорившаго. Соня ограничилась молчаніемъ; только долго спустя будто отвѣчая на этотъ вызовъ, она сказала:

— Лучше любить, говоря, что не любишь, чѣмъ наоборотъ.—И посмотрѣла на Екатерину Петровну. Та не моргнула.

Подъ сквозившими свѣжею зеленью бе-

резами желтели цветы на косогорѣ; сѣрья пашни высились налѣво за лѣсомъ. Развязали узелки съ провизіею на разостланномъ пледѣ. Катя, лежавшая навзничь, вдругъ встала, сказавъ.

— Пойдемте, Іосифъ Григорьевичъ, тутъ есть въ лѣсу святой ключъ и часовня.

— Да, я знаю это мѣсто. Идемте.

— Что же вы, Екатерина Петровна, единственно Іосифа Григорьевича выбираете въ спутники?—спросилъ Егеревъ.

— Да, единственно его.

— Новые обычаи?

— Не все же по-старому. я не старовѣрка!

— Во всемъ?

— Шокуда, въ выборѣ спутниковъ.

— Я тоже пойду съ вами,—вызвался Викторъ.

— Можешь оставаться!—закричала уже удалявшаяся въ чащу Екатерина Петровна. Птичій гомонъ оглушалъ Іосифа, едва ли не въ первый разъ попавшаго въ лѣсъ послѣ зимняго затвора. Небеса еще безъ лѣтней грубости потеряли блѣдную покорность и слѣпительно бѣлые облака гнались вѣтромъ въ буйномъ восторгѣ. Ручей, тонкой струей продолжавшійся изъ святого сруба, звонко

звучаль, стремясь подъ гору, споря съ крикомъ птицъ. Екатерина Петровна, молчавшая всю недолгую дорогу, молча же наклонилась зачерпнуть берестовымъ ковшикомъ свѣжей воды; молча послѣдовалъ ея примѣру и Юсифъ.

— Здѣсь еще лучше!—проговорила она.

— Я давно здѣсь не былъ; я очень люблю это мѣсто. Вы знаете, какая это птица кричитъ такъ звонко?

— Нѣтъ, а вы?

— И я не знаю.

Екатерина Петровна была по-лѣтнему въ свѣтлой кофтѣ, свѣжая и молодая. Они сидѣли рядомъ на толстомъ бревнѣ. Юсифъ сказалъ:

— Намъ будутъ искать.

— Неужели вы вѣрите имъ всѣмъ? Они такъ несправедливы ко мнѣ. Даже на лодкѣ—вы замѣтили, какъ Соня на меня посмотрѣла, когда говорила о тѣхъ, у кого любовь только на словахъ?

— Вы думаете, это какой-нибудь намекъ?

— Непремѣнно. Они не вѣрятъ, что я васъ люблю, что это—серьезно и искренно. И еще будь кто-нибудь, а то Соня, такая справедливая въ общемъ.

— Что вы говорите? Вы меня любите и Соня противъ этого?

— Не противъ, но она не вѣритъ.

— Позвольте, я тоже не вѣрю своимъ ушамъ. Вы меня любите?

— Ну, конечно; что тутъ страннаго?

— Но я этого не знаю.

— А что было бы, если бъ вы знали?

— Я не знаю.

— Ничего бы не могло быть. Я въ матери вамъ гожусь.

— Кто объ этомъ думаетъ? — сказала Иосифъ въ волненіи.

— Приходится думать.

— Да знаете, Катя, вотъ я смотрю на васъ — и нѣтъ никого моложе, добрѣе, красивѣе васъ для меня. Когда я еще видѣлъ васъ въ первый разъ у отца Петра, я подумалъ... — и онъ запнулся, что онъ подумалъ. Екатерина Петровна отвернулась, чтобы скрыть улыбку. Иосифъ пересѣлъ ближе къ ней и, взявъ за руку, началъ: — Я не умѣю говорить, но въ чемъ же дѣло? Вы меня любите, для меня нѣтъ никого желаннѣе васъ, — въ чемъ же дѣло? Зачѣмъ говорить о лѣтахъ, о Сонѣ, еще объ Иванѣ Павловичѣ, пожалуй?

— Дѣло въ томъ, что я-то развѣ знала, что и вы, Жозефъ, любите меня?

— Но вы теперь видите, знаете?

— Вижу, знаю!—И вловушка звонко его поцѣловала, обвинивъ шею руками. Ручей журчалъ, заглушая ихъ поцѣлуи и приличные положенью слова. Иосифъ всталъ.

— Но, Катя, если вы мнѣ любите, вы общаете мнѣ...

— Что?—Но во взглядѣ Екатерины Петровны было видно, что она поняла, что должна была обѣщать, и, не опуская глазъ, она сказала, безъ его отвѣта, твердо: Обѣщаю; завтра. Но и вы обѣщайте.

— Что?—Иосифъ же не зналъ, чего отъ него потребуетъ его дама.

— Это очень трудно, чего я потребую, но вы вѣдь на все готовы?

— На все,—не такъ твердо подтвердилъ Иосифъ, цѣлуя ея руку.

-- Ну, такъ вы уже дали обѣщанье, а какое, узнаете со временемъ.

— A discrétion.

— A discrétion. Убить кого-нибудь?

— О нѣтъ; мнѣ кровожадно. Пока прощайте, идите одни, я потомъ вернусь.

Оглядываясь не одинъ разъ, Иосифъ радостно удалился. Екатерина Петровна все сидѣла на томъ же бревнѣ, опершись обѣими ладонями и слегка болтая ногами. Но-

вый трескъ сухихъ вѣтокъ не заставилъ ее перемѣнить положенія. Не двинулась она и тогда, когда увидѣла вышедшаго съ другой стороны Егерева.

— Ну какъ дѣла, Катя? — спросилъ онъ развязно, садясь, гдѣ только что помѣщался Іосифъ. Екатерина Петровна молча убрала руку съ бревна, давая мѣсто.

— Какія дѣла? — недовольно она спросила.

— Да полно, Катя, хоть наединѣ-то не строй гримась.

— Я просила бы васъ измѣнить свой жаргонъ со мною.

— Фу ты, какая чопорность! Вѣрно, дѣла шли или слишкомъ хорошо, или изъ рукъ вонъ плохо.

— У меня не бываетъ «изъ рукъ вонъ плохо».

— Увѣренность — залогъ побѣды. Ты спрятала мои бумаги? Вскорѣ могутъ нагрянуть непрошенные гости.

— Спрятано, — нехотя отвѣчала Екатерина Петровна.

— Да что ты, Катя, будто деревянная сегодня. Такой день чудный: травка, муравка; только бы гулять да миловаться, а ты пось воротись. — И онъ поцѣловалъ ее въ

губы не сопротивляющуюся, но и не отвѣчающую на пощѣлуи. Найдя ласки слишкомъ страстными, она встала, сказавъ:

— Идемте ко всѣмъ: хватятся:

— Когда жсѣ

— Послѣ завтра.

— Отчего не завтра?

— Такъ; занята. — И пошли вмѣстѣ по дорогѣ къ берегу. Иванъ Павловичъ замѣтилъ:

— Ты сегодня не въ ударѣ, Катя.—Екатерина Петровна усмѣхнулась, но промолчала.

IV.

Съ утра не было видно Виктора, что никого не удивляло особенно, такъ какъ онъ пріучилъ домашнихъ къ неожиданнымъ исчезновеніямъ и столь же неожиданнымъ появленіямъ. Скорѣй было странно, что сегодня это волновало Соню, не находившую себѣ мѣста и переходившую безъ дѣла отъ окна къ окну, съ балкона на балконъ. Даже Марья Матвѣевна замѣтила состояніе своей дочери и тихо сказала Іосифу: — Соня сегодня ажитированная какая-то.

— Развѣ? Я не обратилъ вниманія.

— Повѣрь, это такъ.—И будто въ под-

твержденіе словъ матери, Соня стремглавъ пролетѣла черезъ комнату въ развѣвающуюся наикдѣ, похожая на подстрѣленную птицу.

— Соня, куда ты? — окликнулъ было ее Іосифъ, но отвѣта не послѣдовало.

Она сбѣжала съ лѣстницы на балконъ, въ садъ, черезъ лужайку, прямо къ дорожкѣ, гдѣ шелъ поспѣшно запленный Викторъ.

— Отвѣтилъ? — однимъ дыханіемъ произнесла Соня.

— Нѣтъ.

— Какъ, нѣтъ?

— Онъ самъ поговорить съ нимъ.

— Не можетъ быть! Но когда же? —

Она стала цѣловать Виктора, порывисто прижимая его къ своей маленькой груди.

— Онъ здѣсь за рощей; онъ пріѣхалъ со мною.

Соня, перекрестившись, молча опустилась на скамейку.

— Не могу собраться съ мыслями: Андрей Фонвизинъ пріѣхалъ самъ, и сейчасъ я буду говорить съ нимъ, потомъ Іосифъ его увидитъ? Боже, устрой самъ это, какъ ты знаешь! Идемъ, Витя.

— Куда?

— Къ нему же.

— Онъ самъ сейчасъ придетъ, онъ при-

вязывает лошадей, а я побѣжалъ впередъ.

— Но раньше, чѣмъ онъ увидитъ Юсифа, я должна говорить съ нимъ.

— Какъ знаешь.

По дорожкѣ ровно и быстро подвигался Фонвизинъ. Соня зажмурилась, крѣпко сжавъ руку мальчику.

— Здравствуйте!—будто издалека разда-лось, но увидѣла она его, открывъ глаза, совѣмъ близко. Виктора уже не было около нихъ.

— Простите, что я васъ беспокою, но, право...—начала было Соня, но Андрей прервалъ ее.

— Вы знаете сами положеніе дѣла; лицо, которымъ заинтересованы вы и Адвентовъ, должно что-нибудь значить, и не можетъ быть рѣчи о моемъ спокойствіи. Отъ Авдентова я получилъ письмо съ просьбой оказать вамъ всякое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Скажите мнѣ вкратцѣ все и что я могу сдѣлать?

— Только взгляните—и онъ будетъ исцѣ-ленъ. Что бы потомъ ни было, какъ бы онъ ни возвращался «какъ песь на свою блевотину», сѣмя взойдетъ.

— Что съ нимъ теперь?

— Эта женщина! Вчера я видѣла, какъ она вылѣзала ночью изъ его окна. Я не пуританка: имѣть можно хоть десять. Но она—не любая дѣвка, она его не отпуститъ, не погубивъ до конца. Вы ея не знаете. Она хочетъ женить его на себѣ, не знаю для чего, но во всякомъ случаѣ во зло ему. Она его спаиваетъ и не только развращаетъ (эти узы не трудно сбросить и носить легко), но привязываетъ къ себѣ ложною добротою.

— Она вамъ родственница?

— Нѣтъ, упаси Боже!

— Мы не отвѣчаемъ за родныхъ.

— Тогда бы я не могла вынести. А онъ—дитя благородное и нѣжное.

— Миѣ можно будетъ пройти незамѣченнымъ, или нужна официальность?...

— Лучше келейно. Я вамъ объясню: вотъ видите окно, подъ нимъ дверь,—окно изъ моей комнаты, дверь на верхъ, гдѣ первое—мое помѣщеніе. Я приведу сто къ себѣ, предупредивъ. Вы пока идите къ пруду тамъ есть никѣмъ не посѣщаемая старая бесѣдка, изъ которой видно мое окно. Знакъ—бѣлый платокъ. Благодарю васъ.—И раньше, чѣмъ офицеръ могъ помѣшать она быстро поцѣловала обѣ его руки и побѣжала въ раздувающейся накидкѣ, какъ птица.

Іосифъ сидѣлъ въ залѣ и пѣлъ, подыгрывая на фортепьяно; Екатерина Петровна стояла за нимъ, положивъ обѣ руки ему на плечи; его взоръ былъ сладокъ и нѣсколько растерянъ, какъ у слегка выпившаго человѣка. Подождавъ, когда онъ кончитъ пѣніе, Соня сказала:

— Жозефъ, пойдѣмъ ко мнѣ, мнѣ нужно съ тобою говорить.

— Что за спѣхъ? И отчего ты такая взволнованная, Соня?—спросила Екатерина Петровна, не спѣша снять своихъ рукъ съ плечъ Іосифа. Не отвѣчая, Соня повторила:

— Пойдемъ сейчасъ же, Жозефъ, очень нужно!

— Странно, такая экстренность!—продолжала свое Екатерина Петровна вслѣдъ безмолвно уходящему за Соней Іосифу. Не доходя еще до своей комнаты, горбунья пріостановившись, сказала:

— Сейчасъ съ тобою будетъ говорить Андрей Фонвизинъ.

— Андрей Фонвизинъ?—ничего не соображая, спросилъ Іосифъ,—откуда онъ возьмется?

— Онъ здѣсь, онъ сейчасъ придетъ къ тебѣ, жди. Умоляю тебя, если ты еще хоть сколько-нибудь любишь меня, выслушай его.

— Полно, Соня, Господь съ тобою! Но, право, ты меня куда-то путаешь.

— Я ли тебя путаю?—прищуривая голубые глаза, она сказала и улетѣла въ раздувающейся накидкѣ. Іосифъ тяжело опустился на диванъ и склонилъ голову на руки; ему хотѣлось не то спать, не то закричать дикимъ голосомъ, быстро поѣхать по зимней дорогѣ, разбить стекло, ударить кого-нибудь, но дремота преодолѣвала; онъ улыбнулся, вспомнивъ, какъ Соня заперла изнутри дверь, въ которую они вошли, взявъ ключъ съ собою; онъ подошелъ къ другой двери въ маленькую переднюю, которая оказалась запертою уже снаружи.

— Ловко!—сказалъ онъ громко, наклонясь къ замочному отверстию; въ эту минуту отверстию закрылось вставленнымъ ключомъ и не успѣлъ Іосифъ отступить на шагъ, какъ дверь впустила высокаго офицера, тотчасъ замкнувшись снова. Андрей остановился у самой двери, пристально смотря на безмолвно взираващаго Іосифа.

-- Андрей Фонвизинъ, — наконецъ проговорилъ вошедшій.

— Іосифъ Пардовъ, — отвѣтилъ другой, не двигаясь.

— Не будучи лично знакомъ съ вами

я такъ много о васъ слышалъ, что взялъ смѣлость прїѣхать къ вамъ первымъ и простите, если этотъ визитъ не поситъ достаточно официальной важности. Я прїѣхалъ исключительно къ вамъ; мнѣ говорила о васъ ваша кузина и Адвентовъ—аттестация такихъ цѣнныхъ мною людей не могла не возбудить во мнѣ вполне понятнаго желанія узнать васъ лично.

Иосифъ все молчалъ, пожирая глазами гостя. Такъ вотъ онъ этотъ легендарный, по словамъ однихъ, негодяй, по словамъ другихъ праведникъ! Но одно было несомнѣнно: что красота его была подлинно легендарна и думалось, что человѣкъ такого Божьяго дара не можетъ быть чудовищемъ, какимъ хотѣли его выставить нѣкоторые. Подождавъ минуту, гость продолжалъ:

— Можетъ быть, вы заняты и я пришелъ не во-время?

Иосифъ наконецъ промолвилъ:

Нѣтъ, я очень радъ. Спать немного хочется.

Гость не улыбнулся, продолжая:

— Къ тому же я слышалъ, что вы намѣрены покинуть эти мѣста, и я торопился прїйти къ вамъ, покуда вы еще здѣсь.

— Я никуда не собираюсь переѣзжать, — нѣсколько удивленно опровергалъ Иосифъ.

— Тѣмъ лучше. Вообще, — какъ-то измѣнить свой образъ жизни, такъ что труднѣе будетъ заводить сношенія съ вами. Знаете, въ провинціи всегда такъ все преувеличиваютъ...

— Я самъ ничего не знаю.

— И прекрасно. Миѣ кажется, теперь для васъ всякая переменѣна была бы только во вредъ. Простите, что я такъ говорю. Все это со словъ и по слухамъ все той же всезнающей деревни.

— Вы говорите дружески.

— Переменѣны, когда можно внутри себя сохранять неколебимый покой, какую-то «уготованную горницу», — не страшны. Дѣйствительныя же порождаются и сопровождаются такими переворотами, что можно пожелать всякому ихъ избѣгнуть или, по крайней мѣрѣ, легко ихъ вытерпѣть.

Иосифъ больше глядѣлъ, чѣмъ слушалъ гостя. Лицо безъ румянца, странно не подходящее къ свѣтлымъ волосамъ, и сѣрые огромные глаза затягивали, волну и наводя какую-то сладкую дремоту. Голосъ звучалъ какъ издали и только отдѣльные, будто случайныя слова вспыхивали въ умѣ слушающаго.

— Уготованная горница! Да, да.

Въ двери стукнули, и раздался голосъ Екатерины Петровны:

— Иосифъ Григорьевичъ, къ вамъ можно?

Такъ какъ оба молчали, стукъ, повторенный еще разъ, остался безъ отвѣта и Екатерина Петровна удалилась.

— Я иду, я увѣренъ, что мы встрѣтимся и друзьями. Не мѣняйтесь! — говорилъ Андрей, пристально глядя въ глаза, и вдругъ, нагнувшись, поцѣловалъ сидѣвшаго Иосифа.

— Да, да, — отвѣтилъ тотъ, не вставая.

— Я иду, до свиданья!

— Постойте... нѣтъ... приходите скорѣе... мнѣ это нужно...

— Я приду, и вы ко мнѣ придете, — отвѣтилъ Фонвизинъ, надѣвая фуражку.

— Не провожайте меня: васъ ждуть.

Въ комнату вошла Соня, пытливо оглядѣла обоихъ и пошла проводить офицера. Почти тотчасъ вслѣдъ за нею явилась и Екатерина Петровна, заявивъ, что сейчасъ начнется собраніе, на которомъ обязательно присутствовать будто бы и Иосифу.

— Что вамъ говорила Соня?

— Соня? Ничего; что она могла говорить?

— Странно: съ ней же вы бесѣдовали!

Засѣдающіе всѣ уже сидѣли вокругъ длиннаго чайнаго стола, когда вошли Екатерина Петровна съ Іосифомъ. Послѣдній мало кого зналъ, будучи въ первый разъ на собраніи, только тетюшка, учительница да Иванъ Павловичъ были ему извѣстны. Ораторъ на минуту прервалъ рѣчь, пока вновь прибывшіе не заняли своихъ мѣстъ подъ взглядами остальныхъ присутствующихъ. Велось засѣданіе общества бесплатныхъ чтеній для рабочихъ по всѣмъ обычнымъ правиламъ подобныхъ собраній. Хотя было всего человѣкъ двѣнадцать, желающіе говорить записывались, рѣчи смѣнялись рѣчами, были и правые, и лѣвые, и оппозиція. Екатерина Петровна предлагала не только выбрать Іосифа въ члены, но и предоставить ему отвѣтственную роль.

Иванъ Павловичъ, предсѣдательствующій на этомъ засѣданіи, заявилъ, что къ этому вопросу вернется послѣ очередныхъ дѣлъ. Марья Малѣевна, разливавшая чай, занесла щипчики съ сахаромъ, вопросительно глядя на Іосифа.

Тотъ заговорилъ:—Безъ, безъ...

— Что?—шептала тетюшка.

— Безъ сахару, не надо!—отвѣчалъ Іосифъ.

Предсѣдатель, позвонивъ, сказалъ:

— Предлагаю Иосифу Григорьевичу Пардову высказать свои мысли во всеуслышанье и записавшись.

Очередныя дѣла оказались вопросомъ, составить ли прежде списокъ нуждъ и потомъ просить ассигновки отъ хозяевъ, или, получивъ ее уже, распредѣлять по нуждамъ, хотя было извѣстно заранѣе и опредѣленно какую сумму ассигнуютъ хозяева, ни больше ни меньше. Голосовали; пять человѣкъ воздержались, не слышавъ вопроса, остальные раздѣлились поровну. Екатерина Петровна глянула на Иосифа и сказала:

— Повторяю свое предложеніе.

Егеревъ началъ длинную рѣчь, заканчивавшуюся словами: «мы не будемъ касаться побужденій, заставившихъ Екатерину Петровну Озерову сдѣлать ея предложеніе. Личныя отношенія къ кандидату пусть не дѣйствуютъ на избирателей».

— Что онъ болтаетъ про отношенія?— громко и недовольно отозвалась тетя Маша. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на Иосифа и Екатерину Петровну.

— Не угодно ли сказать вамъ что-нибудь, Иосифъ Григорьевичъ Пардовъ?

— Миѣ? — спросилъ будто дремлющій Иосифъ.

— Скажите что-нибудь,—шептала Екатерина Петровна рядомъ.

Иосифъ поднялся и сказалъ:

— Я скажу... я скажу, что Екатерина Петровна — моя невѣста.

Въ молчаньи было слышно, какъ выпала ложка изъ рукъ тети Маши.

V.

Былъ праздникъ и день былъ праздничный: такъ солнечно, ярко и тепло было въ саду и поляхъ. Соня ходила по дорожкѣ съ Иосифомъ и Викторомъ, теребя сорванную травинку въ рукѣ. Тѣнь отъ дѣвушки на красноватомъ пескѣ была ниже даже тѣни отъ Виктора. Глядя на густо-синее небо безъ облаковъ она, будто продолжая разговоръ, промолвила:

— Не правда ли?

— Да, я никогда не подумалъ бы, что человѣкъ можетъ такъ очаровывать.

— Не правда ли?

— Онъ говорилъ мнѣ...

— Иосифъ, не передавай его словъ никому, ни даже мнѣ. Это сохрани въ душѣ своей и думай про себя. Не правда ли,— снова она начала:— что казалось бы радостно всякое горе, несчастье, смерть даже за него?!

— Онъ имѣетъ большую силу.

— И потомъ его лицо!..

— Да, насчетъ наружности Андрей Ивановичъ можетъ поспорить съ кѣмъ угодно, — вмѣшался Викторъ.

— Когда онъ меня поцѣловалъ...

Соня остановилась:

— Онъ цѣловалъ тебя, Жозефъ? О! такъ поцѣлуй и ты меня! — прибавила она, зардѣвшись. Иосифъ наклонился къ поднявшейся на цыпочки дѣвушкѣ и звонко поцѣловалъ ее въ щеку.

— Не такъ, не такъ! — и она сама прикоснулась къ его устамъ.

— Ну ужъ и меня тоже за компанію! — попросилъ мальчикъ. Поцѣловались и эти.

— Какъ хорошо, Жозефъ, теперь мнѣ за тебя не страшно! Ты нашъ: насъ трое!

— И даже четверо, пятеро, — считалъ по пальцамъ Викторъ.

— Кто же еще? — спросилъ Иосифъ.

— Ихъ много; ты узнаешь, — серьезно отвѣтила Соня и снова заговорила объ Андрѣѣ. Повернувъ къ дому, она прибавила небрежно:

— Вечеромъ вчера ты поступилъ, конечно, очень благородно, но, разумѣется, это дѣло еще далеко не рѣшенное?

— То-есть въ какомъ смыслѣ?

— На счетъ твоей свадьбы...

— Отчего?

— Ну это тамъ видно будетъ, не завтра же подъ вѣнецъ?

— Конечно, не завтра.

Войдя въ комнату Екатерины Петровны, Іосифъ засталъ свою объявленную невѣсту за разборкой какихъ-то бумагъ. На столѣ и стульяхъ въ беспорядкѣ или, быть можетъ, ей одной извѣстномъ порядкѣ были разложены разнаго формата бумаги и письма, перевязанныя въ пачки и свободныя. У печки лежали приготовленными дрова.

— Что ты, Катя, дѣлаешь?

— Разбираю еще мужнины старья бумаги.

— А дрова зачѣмъ?

— Вчера съ вчеря что-то лихорадило, думала на ночь сама затопить.

— Помилуй Богъ! И безъ того жара невозможная.

Екатерина Петровна ничего не отвѣчала, кутаясь въ платокъ и поспѣшно завязывая бумаги, кромѣ двухъ, трехъ въ одну пачку. Услышавъ стукъ въ дверь, она быстро заговорила, выпроваживая жениха.

— Прости, пожалуйста: ко мнѣ хотѣли

прійти по дѣламъ, къ завтраку хотѣлось освободиться.

Несвязанныя бумаги она быстро сунула подъ скатерть на столѣ. Вошедшій Иванъ Павловичъ началъ такъ же, какъ и предыдущій посѣтитель: «что ты, Катя, дѣлаешь?», но отвѣтъ послѣдовалъ другой. Екатерина Петровна сбросила платокъ и, присѣвъ на полъ передъ печкой, стала подкладывать дрова.

— Что означаютъ эти приготовления?

— Вамъ извѣстно, что ожидаемая гости прибыла и не сегодня, завтра пожалуютъ ко мнѣ?

— Что же вы думаете дѣлать?

— Нужно бы ваши бумаги и отдать по принадлежности, но губить насъ я не желаю, тѣмъ менѣе подвергать себя опасности.

— И хотите устроить аутодафе?

— Вотъ именно, и надо очень торопиться, такъ какъ могутъ войти и застать насъ,— говорила Екатерина Петровна, раздувая пламя затрепавшихъ дровъ.

— Здѣсь всѣ бумаги?

— А что бы вы хотѣли сохранить на память?

— Наоборотъ, я боюсь, не забыли ли вы чего-нибудь?

— Я не знаю; какъ пачка была, такъ и осталась, я не любопытна, даже не развязывала ее.

— Но какъ вы узнали, что опасность близка?

— Узнала. Хоть вы меня и упрекаете увлеченіемъ личными дѣлами, но я оказалась дѣятельнѣе и освѣдомленнѣе васъ.

— Можетъ быть, это—ложная тревога.

— Можетъ быть. Только тогда потрудитесь взять назадъ свои бумаги, такъ какъ у меня, оказывается, вовсе не такое безопасное мѣсто, какъ мы предполагали.

— Отчего? Развѣ въ домѣ завелась измѣна?

— Не измѣна, а просто люди, не совпадающіе взглядами.

— Кто же?

— Хотя бы Соня Дрейштукъ; не даромъ она дружить съ Андреемъ Фонвизинимъ; знаете, отъ мундира нужно всегда подальше.

— Я думалъ, что Софья Карловна просто-напросто влюблена въ господина Фонвизина.

— Тѣмъ хуже. Ну, такъ рѣшайте скорѣе: печь растопилась.

Иванъ Павловичъ закрылъ глаза рукою и подумалъ минуту, межъ тѣмъ какъ Ека-

терина Петровна мѣшала уже разсыпавшіяся красныя полѣнья. Вздохнувъ, онъ сказалъ:

— Ну, куда ни шло, жгите.

— Я думаю, это—самое разумное.

И она всю пачку съ усиліемъ запихнула въ отверстіе печки. Поднялся сильный дымъ. Иванъ Павловичъ проговорилъ:

— Только дымъ! Отъ столькихъ лѣтъ жизни, работы, радости, заботъ о многихъ людяхъ—только дымъ!

— Будетъ и огонь!—усмѣхнувшись замѣтила вдовушка. Только не долговѣчный, и куча зола.

— Здѣсь всѣ бумаги?—спросилъ Егеревъ, указывая на пачку, объятую уже языками огня.

— Всѣ,—отвѣтила твердо Екатерина Петровна.—И идите скорѣе: нужно открыть окна, вывѣтрить и чтобы васъ здѣсь не видѣли.

Проводивъ и второго посѣтителя, Екатерина Петровна нащупала положенныя подъ скатерть бумаги и вышла къ завтраку.

Жаркій день привелъ къ быстро прошедшей грозѣ, шумѣвшей веселымъ дождемъ. Соня вошла въ старомодной шляпѣ и вѣчной своей накидкѣ, съ сумочкою въ рукахъ и сказала сидѣвшему Іосифу:

— Ну, Жозефъ, прощай, я ѣду.

— Какъ ѣдешь? Куда?

— Въ Петербургъ, къ Лелѣ, я получила письмо, а за тебя я покойна.

— Соня, какъ же мы будемъ безъ тебя?

— Ты теперь на вѣрномъ пути, я буду писать; когда будетъ нужно, вернусь. Андрей будетъ здѣсь.

— Я не могу представить, такъ вдругъ ты ѣдешь. Это не сонъ?

— Отнюдь. Вонъ уже и лошади готовы; дождь прошелъ.

Подойдя къ окну, оба остановились: огромная радуга, какъ блистающій семицвѣтный мостъ, перекинулась черезъ все небо, и солнце дробилось на мокрыхъ листьяхъ и травѣ.

— Молись, Жозефъ! Какое великолѣніе! — и она стучала своей ручкой радостно его по плечу, пока Іосифъ не перекрестился на чудесный мостъ въ небесахъ. Соня серьезно перекрестилась тоже и сказала: Теперь прощай. Ты не будешь брошенъ.

Когда Екатерина Петровна вернулась къ себѣ послѣ завтрака, бумага подъ скатертью стола не оказалось.

VI.

Со всѣхъ сторонъ была лѣсная чаща, такъ что Юсифъ не могъ рѣшить, куда идти ему, зашедши сюда, казалось, въ первый разъ. Ни дороги, ни тропы; только сосны по круглымъ, какъ нѣжныя груди, холмамъ, да скрытыя долины съ верескомъ и брусникою. Такъ тихо было, что страннымъ казалось бы запѣть, заговорить, даже шаги будто оскорбляли чѣмъ-то окрестное безмолвіе. Сѣвши на пень, онъ снялъ шляпу и такъ съ непокрытою головою смотрѣлъ, будто воочию видя, какъ солнце клонилось къ западу, ярко румяня голубую безлѣсную вершину высокаго холма. Изъ лѣсу вышелъ человѣкъ съ кузовомъ за спиною, въ рукахъ—длинная палка; онъ наклонялся, собирая что-то, останавливаясь въ раздумьи и снова медленно бредя. Бѣлая кудлатая собака залаяла на сидѣвшаго неподвижно Юсифа. Старикъ воззрился и наконецъ сказалъ:

— Здравствуйте, баринокъ!

— Ахъ, это ты, Пареевъ? Здравствуй.

— Какъ это вы забрели въ наши мѣста? Неужто пѣшкомъ?

— А развѣ близко ваша деревня?

— Наша-то версты три, а отъ фабрики вы верстъ десять отошли, если не больше. Заплутали что ли?

— Такъ шелъ, шелъ, да и зашелъ. Ты что, грибы собираешь?

— Грибы. Къ ужину; теперь Спожинки, постъ; дома Марина похлебку сварить.

— Развѣ она пріѣхала, Марина?

— Пріѣхала не надолго. А въ хорошес мѣсто васъ Богъ привелъ; хорошо тутъ, тихо; келью бы построить; жилья далеко нѣтъ, только лѣсъ да Господь.

— Да, уготованную горницу!

— Къ намъ милости просимъ, не хотите ли, грибовъ поклебать, а ввечеру я отвезу васъ на фабрику.

— Что-жъ, я очень радъ. А вы уже кончили ваши грибы?

— Набралъ достаточно, больше и класть некуда; все шапки, корешковъ не беру. И съ гордостью счастливаго охотника старикъ повернулъ къ Юсифу свой кузовъ, гдѣ были плотно наложены шапки бѣлыхъ грибовъ съ зеленоватыми и бѣлыми низами. Собака легла у ихъ ногъ, высунувъ языкъ; солнце, совсѣмъ низкое, свѣтилось черезъ вѣтки.

— Тутъ озеро лѣсное есть недалеко?

— Есть, съ полверсты, памъ мимо лтти.

— А куда это вы съ Фонвизиннымъ ѣздили на лодкѣ лѣтомъ; помните мы васъ встрѣтили?

— Не упомяю. Я много съ ними ѣздилъ; навѣрно такъ что на ихней пчельникъ.

— Развѣ его усадьба тутъ недалеско?

— А какъ же? На озерѣ и есть.

— Что, онъ хорошій человекъ?

— Очень правильный и добрый баринъ.

— Про него много дурного говорятъ.

— Про кого не говорятъ? Пусти уши въ мѣръ, такъ и не обрадуешься. Андрей Ивановичъ очень добрый и высокой жизни баринъ. Грѣхи его судить Богъ, а зла онъ никому не дѣлаетъ и на всякое добро поспѣшаетъ.

— Какіе его грѣхи?

— Кто знаетъ? Я не духовный его отецъ, на духу не пыталъ.

— Но что говорятъ?

— Глупости. Я—чужихъ вѣстей не передатчикъ, не слушаю даже ихъ, да мнѣ и не говорятъ, спасибо, ничего.

— Онъ очень красивый.

Парменъ, вздохнувъ, промолвилъ:

— Ну, это—пустое; конечно, Божій даръ но на зло можетъ навести.

— Ахъ нѣтъ, его лицо только на добро можетъ подвигнуть.

— Не лицо у нихъ, а ликъ—такъ скажу я вамъ.

Изба освѣщалась только лампадой и свѣ-
чей у Архангела, такъ что наступившіе су-
мерки дѣлали смутной фигуру Марины,
прямо стоявшей передъ иконами и изрѣдка
вдругъ падавшей въ безшумномъ земномъ
поклонѣ.

— Марина!—позвалъ ее тихо отецъ. Та,
не отвѣчая, сдѣлала заключительные поклоны
и, подойдя ближе къ вошедшимъ, сказала:

— Кого это ты привелъ?

— Павелъ!!—вдругъ звонко воскликнула
она, отступая.

— Что ты, Марина, Господь съ тобою?
это—баринъ, Іосифъ Григорьевичъ.

Марина стояла, вытянувъ впередъ лѣвую
руку съ висящею лѣстовкою.

— Зажги лампу, да свари намъ грибовъ,
я принесъ; баринъ съ нами будетъ ужинать:
достань новую чашку.

— Господи, Господи!—шептала Марина,
проходя въ другую половину.

— Что съ нею?—спросилъ Іосифъ, садясь
въ сумракъ къ окну, гдѣ видна была туск-
нѣвшая заря за озеромъ.

— Приняла васъ за покойнаго мужа: схожи вѣдь вы. Вы на нее не сердитесь.

— Какъ она теперь, не тоскуеть?

— Крѣшится, молится. Спасъ самъ знаетъ, какъ спасти ее!

Иосифъ повторилъ:

— Спасъ насъ спасетъ, какъ знаетъ.

Марина вошла съ лампой; она казалась не похудѣвшей, не поблѣднѣвшей, но глаза ея больше прежняго блестяли, вдругъ потухая.

— Здравствуй, Марина, не узнала меня?— спросилъ Иосифъ.

— Обозналась въ темнотѣ,—опуская глаза, сказала женщина.

Парфентъ вышелъ запрягать лошадь, Иосифъ молча доѣдалъ похлебку, межъ тѣмъ какъ Марина, положивъ ложку на столъ, смотрѣла не мигая прямо на огонь лампы. Наконецъ гость спросилъ:

— Ну, какъ въ Питерѣ пожила?

— Я-то? Да что же? Что здѣсь, что тамъ, не все ли равно, гдѣ Богу молиться?

— Такъ что уже не вернешься?

— Нѣтъ, вернусь, какъ только тятенька отпустятъ.

— Значитъ, не все равно.

— Да; пожалуй тамъ спокойнѣе.

— Привыкаешь?

— Чего это?—перевела она глаза на спрашивающаго.

— Забываешь?

Марина воскликнула:

— Не любили вы, Иосифъ Григорьевичъ, никогда, а то бы не пытали объ этомъ! Какъ забыть? Какъ привыкнуть? Молишь Господа, только бы до смерти дотянуть.

Она отвратила свое лицо отъ гостя, тихо молвила.

— Не могу я смотрѣть на васъ,—грѣхъ одинъ.

— Отчего?

— Вылитый Павелъ: и взглядъ и голосъ!— И она поднялась съ лавки и пошла, придерживаясь за стѣну. Лошадь была уже готова и при восходящей августовской лунѣ Иосифъ вернулся домой, гдѣ безпокоились его долгимъ отсутствіемъ. Екатерина Петровна сидѣла на крыльцѣ въ платкѣ и крикнула, услышавъ, что стукъ колесъ остановился въ тѣни деревьевъ у воротъ:

— Иосифъ Григорьевичъ, вы?

— Они самыя,—отозвался Пароень.

— Что съ вами? Куда вы пропали? Мы думали не вѣсть Богъ что.

— Цѣлы и невредимы, — раздался изъ мрака снова голосъ Парена.

Екатерина Петровна встрѣтила Юсифа на дорожкѣ и, взявъ подъ руку, тѣсно прижалась, говоря:

— Что за причуда такъ пропадать? Можно подумать, что вы избѣгаете домъ, меня...

— Простите, я просто, не замѣтивъ самъ того, ушелъ слишкомъ далеко и встрѣтилъ Парфена, который и привезъ меня домой.

— Вы хотите ѣсть, конечно, ужасно.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я ужиналъ у Парена.

— Ну, выпейте, послѣ дороги, это необходимо.

— Это можно.

Она поцѣловала его на темномъ крыльцѣ, шепча:

— Право, я даже соскучилась!

Екатерина Петровна была смутна за ужиномъ, и когда они остались вдвоемъ, она опустила голову на руки, будто плача. Юсифъ спросилъ, наливая самъ себѣ водки:

— Что съ тобою, Катя?

— Ничего, — изъ-за рукъ отозвалась она.

— Какъ ничего, когда ты плачешь! Тебя кто-нибудь обидѣлъ?

— Нѣтъ. Да развѣ вамъ это интересно?

— Значитъ интересно, разъ я спрашиваю.

Отнявъ руки, Екатерина Петровна промолвила твердо и спокойно:

— Я вамъ очень благодарна, Иосивъ Григорьевичъ, за вашъ благородный поступокъ, но имѣйте въ виду, что еще не поздно и слово ваше васъ отнюдь не связываетъ.

— Что вы говорите? Развѣ я соглашусь брать свои обѣщанія назадъ?

— Бываетъ, что обѣщанія не берутся назадъ, а возвращаются,—протянула Екатерина Петровна, глядя въ сторону, и продолжала:—Я васъ люблю, но ссорить васъ съ вашими родными и друзьями вовсе не желаю.

— Съ кѣмъ ссорить? Все старья химеры насчетъ Сони?

— Можетъ быть и не химеры, и не относительно одной Софьи Карловны.

— Да пойми же, что я хочу этого, и ты была не противъ; что же тутъ можетъ быть препятствіемъ?

— Во всякомъ случаѣ мой совѣтъ не торопиться, а подождать осени, я думаю еще можно ждать мѣсяца три!

— Что это значитъ?

— Это значитъ, что до осени я могу еще считаться только невѣстою, не позоря себя.

Юсифъ хотѣлъ подняться, но снова опустился и налилъ себѣ еще рюмку.

— И ты хотѣла позволить мнѣ взять свое предложеніе назадъ? Вотъ пройдетъ ночь и 16-го же будетъ наша свадьба!

Екатерина Петровна покраснѣла и, сказавъ: «жара какая!», разстегнула кофточку. Юсифъ выльзъ изъ-за переддипаннаго стола, и сѣвъ рядомъ съ невѣстой, обнялъ ее одной рукой, гладя другою по груди.

— Нужно будетъ вызвать тогда Соню, — сказала, смотря въ сторону, женщина.

— Да, да, — разсѣянно подтвердилъ Юсифъ, все тѣснѣе прижимая ее къ себѣ.

Екатерина Петровна, будто изнемогая, склонялась къ нему, говоря:

— Вы — настоящій мужчина теперь, не дитя.

— А помните ваше требованіе à discrétion? — вспомнилъ Юсифъ.

— Оно уже выполнено, — въ подѣлу въпрошептала Катя.

VII.

Эти дни Юсифъ проводилъ почти безвыходно дома, удерживаемый ловкостью и нѣжностью Екатерины Петровны и пріѣздомъ отца Петра, вызваннаго дочерью на

предстоящую свадьбу. Священникъ пріѣхалъ рано утромъ, когда еще половина дома спала. Встрѣтилъ его Іосифъ въ передней, дружески съ нимъ поцѣловавшись; отецъ Петръ былъ не веселъ: не то усталъ съ дороги, привыкшій ко всякимъ путямъ, не то его тяготила какая-то скрытая печаль. И поцѣловался онъ сожалительно, промолвивъ:

— Поздравляю, поздравляю, спасибо, что не забыли стараго батьку. Не слѣдовало бы мнѣ и пріѣзжать на бракосочетаніе, но сердце не вытерпѣло. Хоть дома попирую съ вами.

— А въ церковь не поѣдете?

-- Не полагается.

Катя вышла по домашнему въ капотѣ, не стѣсняясь жениха, съ небрежно сколотой косой, въ туфляхъ. И она поцѣловалась съ отцомъ и женихомъ, сказавъ первому:

— Вотъ ты и пріѣхалъ.

— Пріѣхалъ, пріѣхалъ.

— Умыться хочешь пройти?

— Я пойду распоряжусь, — вызвался Іосифъ, чтобы дать время отцу и дочери первой встрѣчи наединѣ.

— Поздравляю, дочка, вотъ и второй разъ вѣнецъ примешь.

— Да, не чаяла, не гадала.

— Часто случается; не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.

Оба замолкли; помолчавъ, отецъ Петръ произнесъ:

— Молодъ онъ, Іосифъ-то Григорьевичъ, для тебя немного.

— Да. Что же, это бываетъ; онъ меня любить.

— Не спорю, не любилъ бы, не женился бы. А ты его любишь, Катерина?

— Не любила бы, замужъ не шла бы.

— Твое дѣло другое.

И, подойдя близко къ Екатеринѣ Петровнѣ, онъ сказалъ тихо, беря ее за руку:

— Онъ — дитя, Катя, ты его не погуби; отвѣтишь Богу.

Екатерина Петровна остро глянула на отца и прошептала:

— Развѣ кто любить, можетъ губить?

— Ну, хорошо, хорошо. Ты не сердись, я такъ сказалъ.

— И такъ не нужно ни говорить, ни думать.

За завтракомъ отецъ Петръ спросилъ:

— А гдѣ же Софья Карловна и внукъ?

— Соня въ Петербургѣ и Викторъ туда же уѣхалъ учиться.

— Что же такъ не подождать?

— Вѣдь мы будемъ совсѣмъ тихо справлять свою свадьбу, а ученье не ждетъ, что ему зря болтаться? А Соня извѣщена, вѣроятно, придетъ.

— Да, такъ. А то неловко безъ самыхъ близкихъ такое большое дѣло дѣлать.

— Послѣ завтрака я съѣзжу, Катя, — сказалъ робко Іосифъ.

— Куда это? — недовольно спросила невеста.

— Къ Фонвизину.

— Ты его хочешь на свадьбу звать?

— Нѣтъ, чужихъ же, кромѣ шаферовъ, не будетъ.

— Конечно. Да если бы и были, я бы не хотѣла видѣть на свадьбѣ Андрея.

— Отчего?

— Имѣю причины.

— Да я и не думалъ его звать, я просто хотѣлъ его видѣть.

— Не сегодня; отецъ пріѣхалъ, и потомъ эти дни побудь дома, Жозефъ. Напиши ему письмо, если такъ необходимо.

— Хорошо, и сейчасъ же это сдѣлаю.

— Строгая будетъ у васъ жена, Іосифъ Григорьевичъ, — замѣтилъ, улыбаясь, отецъ Петръ.

Разговоръ безъ Іосифа плохо вязался, те-тушка молча вздыхала, Екатерина Петровна шумно убирала чашки, гость тоже хранилъ молчаніе.

— Что письмо послалъ? Даѣ, я пошлю; туда работникъ за цвѣтами кстати ѣдетъ,— сказала Екатерина Петровна, вставая.

Выйдя на черное крыльцо, около котораго на одноколкѣ ждалъ уже рабочій, она сказала:

— Вотъ списокъ цвѣтовъ, да еще письмо. Не потеряй роспись, смотри; письмо не такъ уже важно, дома не будетъ Андрея Ивановича, отдай кому-нибудь,—и дала ему рубль.

Работникъ глянулъ удивленно вороватыми глазами, но Екатерина Петровна, будто что вспомнивъ, добавила:

— Заѣзжай лучше за Иваномъ Павловичемъ, онъ цвѣты выберетъ и письмо отдастъ самъ; скажи, что очень просятъ не отказать.

Тщетно прождалъ отвѣта Іосифъ.

Свадьба дѣйствительно была справлена совѣмъ просто, безъ постороннихъ, даже безъ Виктора и Сони, почему-то не пріѣхавшей. Женихъ, будто не проспавшійся, былъ молчаливъ и сосредоточенъ; молчали-

ва была и невѣста, но тверда и спокойна. На обратномъ пути веселому поѣзду пересѣкла дорогу бричка съ Пароеномъ и Мариной. Старикъ пріостановилъ лошадь, снявъ шапку. Іосифъ крикнулъ:

— Здравствуйте. Куда Богъ несетъ?

— На станцію. Марину везу.

— Въ Питеръ?

— Въ Питеръ.

— Путь добрый!

Марина была въ черномъ, закутанная, и смотрѣла неподвижно, будто не видя.

Войдя въ домъ, встрѣчены были отцомъ Петромъ шумно и привѣтственно, но вскорѣ и онъ утишился, видя общую смуту и уныніе. И молодая была не разговорчива, напрасно иногда стараясь говорить весело и твердо. Молодой много пилъ и цѣловался со всѣми. Въ одну изъ нерѣдкихъ минутъ молчанія онъ вдругъ сказалъ: «къ намъ кто-то ѣдетъ». И всѣ, прислушавшись, ясно услышали все приближавшійся колокольчикъ. Потомъ онъ затихъ, хлопнула дверь и черезъ минуту въ комнатѣ очутилась небольшая, горбатая фигура въ старомодной шляпѣ, накидкѣ, съ ридикюлемъ въ рукѣ.

— Соня!—вскричалъ, вскакивая и роняя стулъ, Іосифъ.

— Я, какъ Чапкій, попадаю «съ корабля на балъ». Поздравляю тебя, Жозефъ, поздравляю тебя, Катя.

— Отчего ты не пріѣхала къ свадьбѣ?

— Я только сегодня получила телеграмму, — въ упоръ смотря на молодую, отвѣтила Соня.

— Она была послана шесть дней тому назадъ, не опуская глазъ, проговорила Екатерина Петровна.

— А получила я ее только сегодня, — спокойно замѣтила Соня — Вѣроятно, вы поручили послать ее кому-нибудь, кто соблаговолилъ исполнить это только сегодня, — съ усмѣшкой продолжала гостя, садясь по другую сторону Юсифа.

— Выпьешь?

— Охотно; немного холодно.

— Ты не удивилась? Не сердишься? — спрашивалъ тихо новобрачный сосѣдку.

— Не удивилась. А на что мнѣ сердиться? Ты, вѣроятно, не могъ иначе поступить.

— Какъ ты добра!

— Ну, полно. Я не трачу времени на сожалѣнье о свершившемся, а стараюсь сейчасъ дѣлать, что нужно въ данную минуту, и потому оставимъ это шушуканье. Горько! —

сказала она, отпивъ бокаль, и раздался поцѣлуй молодыхъ.

— Какъ это все невѣроятно!—говорила тетушка, ложась въ одной комнатѣ съ Соней.

— Вышло, что очень даже вѣроятно,— отвѣтила та, садясь за письменный столъ; долго она писала письмо за письмомъ, потомъ умылась, задула свѣчу, перекрестилась и стала на колѣни, опустивъ голову на постель.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Вскорѣ значительно опустѣли окрестности фабрики, такъ какъ молодые Пардовы съ Соней уѣхали въ Петербургъ, куда направился и Андрей Фонвизинъ; отбылъ вскорѣ и Иванъ Павловичъ Егеревъ. Октябрь сронилъ уже послѣдніе листья съ деревьевъ, и снова настала покорная тишина и ясность. Тетя Маша одна расхаживала по комнатамъ, изъ не очень частыхъ писемъ узнавая столичныя новости: что наслѣдство оказалось не мнѣомъ, что, противъ всѣхъ ожиданій, суды и банки не собираются ставить непреодолимыхъ преградъ и тетя Аня мечтаетъ къ Пасхѣ обернуть всѣ дѣла, что всѣ здоровы, что Екатерина Петровна сняла квартиру на Фурштатской, нѣсколько дорогую, по мнѣнію фабричной домоѣдки, что Вик-

торъ живеть съ ними, по прежнему огорчая и приводя въ негодование мать своимъ поведениемъ. Соня бываетъ часто и дружественна. Марья Матвѣевна тщетно старалась изъ этихъ фактическихъ сообщеній узнать то, что ее интересовало всего болѣе, — счастлива ли была улетѣвшая на сѣверъ пара.

Дѣйствительно, молодые устроились на Фурштатской нѣсколько шире, чѣмъ позволяло ихъ теперешнее положеніе, но объяснялось это дальнозоркостью Екатерины Петровны, которая рассчитывала свои дѣйствія не только до завтрашняго дня. Иосифу же Григорьевичу было все равно, лишь бы оставили его въ покоѣ, позволили видѣться съ друзьями, пѣть свои пѣсни, расхаживая по еще неустроеннымъ съ раскрытыми сундуками и запакованною мебелью комнатамъ. Соня бывала часто, такая же, какъ прежде, дружественная и хлопотливая, все въ той же накидкѣ и шляпѣ, съ ридикюлемъ въ рукахъ. Екатерина Петровна занялась своимъ гардеробомъ, подолгу совѣщаясь съ портнихою каждый день. Обсуждалось въ двадцатый разъ, какъ приличнѣе одѣть молодую Пардову. И въ этотъ полдень онѣ стояли передъ зеркаломъ, а портниха съ

булавками во рту у ся ногъ расправляла какія-то складки.

— Вы думаете, m-me, костюмъ tailleur? Это, конечно, не броско, но, можетъ быть, слишкомъ подчеркнуто.

— Въ такомъ случаѣ, просто англійскія блузы съ галстукомъ.

— Пожалуй, но подойдстъ ли это къ фигурѣ m-me? Что нибудь не яркое.

— Это можно, но теперь пришла мода на оттѣнки, теперь пошли все цвѣта.

За этимъ запятіемъ застала ихъ и Соня, присѣвшая въ шляпѣ на стулъ у дверей.

— Все хлопчешь? — спросила гостя, кивая головой на кучу модныхъ журналовъ.

— Да, приходится. А ты какъ, тоже все въ дѣлахъ?

— Да, это не фабрика, гдѣ и погулять, и помечтать, и поспать было достаточно времени.

— А я все съ квартирой да съ тряпками не могу справиться. Пониже эту складку, — обратилась она къ дѣвушкѣ на полу. — Давно ты не видѣла тетку Нелли?

— А сейчасъ только, она хотѣла заѣхать къ тебѣ.

— Сегодня?

— Да, и даже очень скоро; она рядомъ:
у Дмитревскихъ.

— Поторопигесь, милая.

— Сю минуто, п-те.

Но звонокъ уже звучалъ по всему корридорю, дернутый чьей-то энергичной рукою.

— Пожалуйста, Соня, выйди къ тетѣ на минуто, займи ее, покуда я примѣряю, извинись.

— Охотно!—молвила Соня, выходя на-встрѣчу полной дамѣ въ сѣдыхъ бубляхъ, которая тотчасъ заговорила:

— Ахъ, ты здѣсь, Софи, еще разъ здравствуй! А гдѣ же наша поповна?

— Просить извиненія, она сейчасъ выйдетъ, занята ненадолго.

— А я, знаешь, передъ Аделаидой была въ церкви и изъ окна вижу ѣдетъ графиня Лиза на чудныхъ рысакѣхъ, недавно завела, все не могу своей Настѣ лошадей добыть собратъся, а Иванъ Григорьевичъ такой рохля, ничего самъ не умѣетъ добиться. И, грѣшина, отвлеклась отъ службы, вдругъ слышу дьяконъ читаетъ: «ищите царствія Божія, и все приложится вамъ». Прямо, какое-то пророчество. Ину, Господи, ину—и лошади приложатся мнѣ.

Соня, улыбнувшись, сказала: — Въ чемъ же пророчество?

— Ты увидишь, стой. Заѣзжаю домой и помню, что сегодня что-то неприятное предстоитъ. Наконецъ вспомнила: по векселю большой кушъ платить. Ищу его въ «помози, Господи»...

— Стойте, что за «помози, Господи»?

— Ахъ, ты не знаешь этого. У меня — двѣ картонки съ оплаченными и неоплаченными счетами, на которыхъ я написала: — «благодарю, Господи» и «помози, Господи». Это меня отецъ Алексѣй научилъ: правда, мило?

— Какъ вамъ сказать...

— Ну, такъ вотъ. Смотрю въ «помози, Господи», — не оказывается, ищу вездѣ — и вдругъ онъ въ «благодарю, Господи». Сама забыла, какъ еще полгода заплатила, когда лѣсъ продала. Не правда ли, чудесно? — И вдругъ, переѣнивъ тонъ, добавила въ полголоса: — У тебя не бываетъ luttet?

— Чего?

— Luttet, борьбы. У меня всегда, какъ дойду до словъ: «да будетъ воля Твоя» — такъ начинается, — хочу, чтобы была моя воля. Но гдѣ же, однако, наша поповна?

Поповна какъ разъ входила въ это время

въ комнату и гостя бросилась къ ней болтая уже о другомъ. Соня встала, говоря:— Ну, Катя, я ухожу, желаю тебѣ успѣха. А гдѣ Жозефъ?

— У себя или у Виктора. Ты зайдешь?

— Не теперь. Я объѣдаю у васъ, ты помнишь?

— Еще бы. Значитъ, до скорого.

Женщины поцѣловались. Тетя Нелли спросила по уходѣ Софи:—Ну что же вы, крѣпки, не раздумали?

— Ахъ нѣтъ, что вы! я только и жажду, чтобы вступить.

— И вступите, вступите, какъ говорится: «стучащаго не изгоню вонъ».

По уходѣ и этой гостыи, Екатерина Петровна надписала на конвертѣ съ заготовленнымъ уже письмомъ «Ивану Павловичу Еггеву» и вплоть до завтрака проходила по комнатамъ, останавливаясь передъ представленными къ стѣнкѣ, не повѣшенными еще зеркалами, и что-то обдумывала.

Изъ внутреннихъ покоевъ донесся слабый голосъ поющего Юсифа. Нахмурившись, Катя прикрыла плотнѣе дверь и продолжала ходить, руки за спину.

II.

Викторъ ходилъ взадъ и впередъ по своей небольшой комнатѣ, гдѣ сидѣли у окна Соня и Юсифъ въ полусумракѣ, наступившемъ послѣ двухъ часовъ. Мальчикъ еще не достигъ роста отчима, но былъ высокъ и нескладенъ. Соня молчала и только голосъ Юсифа раздавался отъ окна. Говорилъ онъ медленно и жалобно, что жена недовольна его дружбой съ пасынкомъ, запрещаетъ ему ходить, куда хочется, даже не позволяетъ пѣть любезныя пѣсни.

— Она говоритъ: — стыдно передъ прислугою: будто маляръ или псаломщикъ.

— Сама-то она поповна! — восклицалъ Викторъ, поворачиваясь на каблукахъ. — И чортъ тебя дернулъ, Юсифъ, связаться съ нею!

— Ну, Богъ съ ней. Вотъ ты и Соня со мною, — примирительно говорилъ отчимъ.

— Положимъ, для этого не было такой необходимости жениться на Катѣ, — замѣтила, усмѣхнувшись, Соня.

— Вотъ я тебя еще познакомлю съ Сенькой мануфактурщикомъ; хочешь? — прекрасный и веселый человѣкъ.

— Мануфактурщикъ? — спросила Соня.

— Ну и что же?

— Да ничего. Конечно, не бѣда, что онъ — мануфактурщикъ, но онъ, кажется, хулиганъ какой-то отчаянный.

— А ты откуда это знаешь?

— Да изъ твоихъ же рассказовъ—откуда больше?

Въ двери съ шумомъ вошла Екатерина Петровна и сразу закричала:

— Я говорила тебѣ, Викторъ, что, разъ ты хочешь жить у насъ, ты долженъ отказаться отъ своихъ милыхъ друзей, или, по крайней мѣрѣ, чтобы они къ намъ не шлялись. Богъ знаетъ, что такое, еще обокрадутъ, убьютъ, да и въ полиціи нашъ домъ окажется на самомъ дурномъ счету: ты думаешь за ними не слѣдять?

— Ходитъ же къ намъ Иванъ Павловичъ..

— Что ты хочешь сказать?

— Только то, что за нимъ тоже могутъ слѣдить.

— Это совсѣмъ не то: не хулиганъ же онъ, не воръ.

— Можетъ быть еще похуже.

— Ну, объ этомъ мы послѣ поговоримъ. Вотъ я сказала, дѣлай, какъ хочешь. — И Екатерина Петровна шумно опустилась на стулъ.

— Катя, почему ты увѣрена, что всѣ приходящіе къ Виктору—воры, хулиганы и такъ далѣе?

— Потому что они бѣдно одѣты и ходятъ съ кухни,—виѣшалась Соня, до сихъ поръ молчавшая.

Катя вскинула на нее глазами, молвивъ сквозь зубы:—Ты, Соня,—святая душа и ничего въ этомъ не понимаешь.

— Это правда что я ничего не понимаю, но я думаю, что происходитъ это не отъ моей святости, а отъ чего-то другого. Да, наконецъ, по-моему, это касается скорѣе Жозефа.

— Жозефъ со мною согласенъ,—быстро возразила собесѣдница, поймавъ за руку ходившаго мужа и тихонько ее пожавъ.

— Да, Катя, конечно,—сказалъ тотъ, останавливаясь.

— Какъ вы мнѣ надоѣли, если бъ вы знали!—закричалъ пасынокъ, срываясь съ мѣста.

— Куда ты?—остановила его Соня.

— Я тебя не гоню, я только требую, чтобы къ намъ не шатались темныя личности.

— Да знаю, знаю! Рѣшайте тутъ безъ меня: приду еще!

— Какъ всѣ вы стали нервны,—сказала Соня, смотря на захопнутую вышедшимъ

Викторомъ дверь.—Рѣшительно, петербургскій воздухъ вамъ не въ пользу.

Екатерина Петровна промолчала, продолжая сидѣть и нѣжно мять оставленную въ ея рукѣ мужнину руку. Раннія сумерки начинали наполнять тѣнью углы комнаты: наступившая тишина казалась еще большею послѣ недавняго крика. Наконецъ, Соня, вставъ, сказала:

— Ну, пора, я иду, вечеромъ увидимся!

— Гдѣ?— будто изъ воды донесся голосъ Пардовой.

— На Мойкѣ же; сегодня собраніе. Не трудитесь провожать: я—своя. Ты, Катя, все-таки не обижай слишкомъ Виктора.

— Кто его думаетъ обижать? До свиданья.

Соня расцѣловалась съ сидѣвшей Екатериной Петровной и стоявшимъ около Жозефомъ.

— Зажги свѣтъ!—прошептала Катя, когда мужъ, наклонившись, сталъ быстро и легко цѣловать ея лицо и шею.

—Зачѣмъ? Такъ хорошо!— шопотомъ же говорилъ тотъ, не переставая цѣловать.

— Милый, зажги. Не сегодня, не сейчасъ!—и она сама прижалась къ нему.

— Но, Катя, вчера—«не сегодня», се-

годня—«не сегодня», завтра—«не сегодня»,
когда же?

— Не сердись, Жозефъ; ты знаешь, какъ
я люблю тебя, но прошу тебя, не сегодня.
Я скажу, когда. Не по-хорошему ты меня
любишь.

— Я люблю, какъ умѣю. Меня это огор-
чаетъ и удивляетъ.

— Все отлично, милый, все будетъ хорошо.
Ты вѣришь мнѣ?

— Вѣрю.

— Значитъ, все прекрасно.

Жозефъ въ темнотѣ вздохнулъ. Катя
прижалась къ нему, стоявшему на колѣняхъ,
и медленно поцѣлованъ, встала, сама повер-
нула кнопку и поправила платье и волосы.

— А что, Катя, твои опасенья?

— Насчетъ чего?

— Ну, насчетъ ребенка.

— Я была вчера у доктора; говоритъ:
нервное, ложная тревога.

— Да? Жалко.

— Конечно, жалко, но что же дѣлать? Я
не виновата.

— Я тебя и не виню.

Послѣ обѣда Екатерина Петровна въ скром-
номъ темномъ платьѣ поѣхала, сопровождае-
мая Иосифомъ, подъ туманомъ и мелкимъ

дождемъ. Въ длинномъ залѣ уже было человѣкъ пятнадцать незнакомыхъ и мало знакомыхъ лицъ; впрочемъ, Іосифъ здоровался направо и налѣво, подвигаясь къ хозяину и выдѣляясь большою, плотною фигурой. Подойдя къ небольшому изможденному человѣку, съ большимъ черепомъ и сѣрымъ лицомъ, онъ сказалъ:

— Вотъ, Петръ Павловичъ, моя жена, Екатерина Петровна, о которой вамъ говорила тетушка.

— Я такъ давно стремилась,—бормотала Пардова, беря худую руку, какъ у мощи.

— Очень радъ, что Господь постучался въ ваше сердце,—отозвался съ акцентомъ хозяинъ, отходя къ стѣнѣ, гдѣ въ равномъ разстояніи другъ отъ друга на толстомъ картонѣ были развѣшаны евангельскіе тексты на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ родѣ обязательныхъ запрещеній въ присутственныхъ мѣстахъ. Человѣкъ неопытный могъ бы подумать, что содержаніе этихъ таблицъ таково: «Не плевать на полъ», «Просятъ не курить», «По травѣ не ходить», «Не пейте сырой воды», но это были тексты. Оглядѣвшись, Екатерина Петровна радостно направилась къ Сонѣ, одиноко и будто сучая стоявшей у піанино, не вступая въ раз-

говоръ съ Лелей, Адвентовымъ и Беззакатнымъ, помѣщавшимся около нея.

— Насилу тебя нашла!—заговорила вновь прибывшая.

— Кажется, я стою на виду.

— Да, да. Ты будешь акомпанировать?

— Вѣроятно.

— Ахъ, это будетъ чудесно!

— Отчего? Тутъ обыкновенно поютъ очень плохія и неподходящія вещи.

Соня смотрѣла черезъ головы толпившихся въ дворяхъ людей, нѣсколько прищуривая свои голубые глаза.

— Я останусь около тебя, хорошо?—продолжала дама.

— Тутъ хотѣла Леля, кажется, сѣсть, спроси у нея.

— Она уступитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!...—взволнованно заговорила Дмитревская.

— Распредѣлимся всѣ тутъ: Елена Ивановна съ Софьей Карловной, я—съ Юсифомъ Григорьевичемъ, а вамъ указанія и разъясненія будетъ давать Сергѣй Павловичъ,—рѣшилъ Адвентовъ.

Высокій, бритый человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ, слегка протянулъ руку навстрѣчу Сониному взгляду и она, сѣвъ за пианино,

начала мелодію, въ родѣ Мендельсоновскихъ романсовъ и запѣла вмѣстѣ съ Лелеті; остальные чувствительно подиѣвали:

Господь, Ты — альфа и омега,
Ты — намъ спасенье и любовь!
Скажи — и стану чище снѣга:
Насъ всѣхъ спасла Святая кровь.

Бритый господинъ разогнулъ вынутос изъ кармана евангеліе и, прочитавъ по-англійски, сложилъ книжечку и сталъ говорить по-англійски же, громко выкрикивая нѣкоторыя слова. Присѣдавшая около него дѣвица въ очкахъ тотчасъ переводила его слова по-русски, не заботясь о синтаксисѣ. Дѣло шло о блудномъ сынѣ и возможности быть спасену въ любую минуту твердо увѣровавшему въ спасительность Христовыхъ страданій. Пропѣли еще. Екатеринѣ Петровнѣ было жарко и скучновато. Беззакатный рядомъ шепталъ:

— Смотрите, тетя Нелли сейчасъ заснетъ.

И дѣйствительно, толстая дама блаженно покачивала головой, выставивъ грудь въ блестящей кирасѣ лифа и полуоткрывъ ротъ. Хозяинъ всталъ со своего стула, что было сигналомъ подняться и остальнымъ.

— Что это будетъ? — шепнула Катя сосѣду.

— А вотъ услышите.

Петръ Павловичъ, опуcтясь на колѣни у стула, на которомъ только что сидѣлъ, сосредоточенно уткнулъ носъ въ облокоченныя руки и громко сказалъ: «Господи, внуши имущимъ вышнюю власть надъ нами благодать, милость и разумѣнiе, чтобы ихъ коснулся Твой свѣтъ и они не гнали вѣрныхъ Твоихъ слугъ».

Братья сказали: «аминь». И по очереди всѣ вставали на колѣни у своихъ стульевъ и объявляли свои просьбы. Молоденькая женщина въ шляпѣ съ наивнымъ и веселымъ лицомъ, краснѣя, пробормотала: «Господи, продли командировку моего мужа!» Леся строго посмотрѣла на улыбавагося студента и зашептала Екаторинѣ Петровнѣ:

— Не вводитеcь въ соблазнъ: эта женщина на вѣрномъ пути, ея мужъ еще внѣшнiй, непросвѣщенный человекъ; она—слаба и запутала свои сердечныя дѣла; если мужъ вернется раньше, чѣмъ она привсдетъ все въ порядокъ, могутъ случиться большiя несчастья. Аминь — вдругъ заключила она, сдѣлавъ сосредоточенное лицо, въ отвѣтъ на пропущенную молитву Адвентава.

Очерсдь была за Соней; опустившись у своего табурета и смотря на цвѣты, поста-

вленные на пианино, она громко проговорила: «Боже, дай миръ и любовь всему міру, дай миръ и любовь братьямъ и тѣмъ, кого я люблю, и тѣмъ, кто ходитъ во тьмѣ; дай, чтобы зло, посѣянное сегодня, заглохло завтра; пошли покой брату моему Іосифу и Виктору».

Екатерина Петровна тревожно оглядѣлась, но Соня спокойно поднялась и слушала Лелю, которая, вся красная, заикаясь, лепетала, чтобы ее полюбилъ тотъ, кого она любитъ.

— Что же мнѣ говорить? — спрашивала, краснѣя, Екатерина Петровна у Беззакатнаго.

— Что вамъ хочется: чтобы мужъ купилъ вамъ новую шляпу.

— Вы все шутите!

— Какъ вы трусливы! Ну, что-нибудь общес—что знаете.

Екатерина Петровна опустила отъ волнснїя даже спиной къ стулу и, опустивъ руки, начала: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей»,—и такъ до конца. Англичанинъ тихонько спрашивалъ у приспѣшной дѣвицы, почему у этой дамы такія длинныя желанья; та объясняла. Вся красная, отирая потъ, поднялась Пардова, не слыша,

какъ бойко отрапортовалъ Беззакатный свое желанье, чтобы Михаилу Александровичу Адвентову скорѣе прислали денегъ. Опять пѣли. Екатерина Петровна все не могла придти въ себя. Уже другой проповѣдникъ на этотъ разъ по-русски, говорилъ:

— Вы можете говорить: «нѣтъ Бога»,—а Онъ есть. Вы сидите въ комнатѣ и говоритъ: «дождь нѣтъ», а дождь самъ идетъ. Никто не понимаетъ минута. Вотъ дверь открытъ, я ее закрываю—и онъ закрытъ. Господь стучаеъ въ вашъ квартиру, и вы Его принимаете. Всякій сердце есть готовый квартиру: надо его мести и долой брать пыль. Итакъ, несите Господа въ вашъ квартиру и ждите часы.

Онъ поклонился и опять запѣли. Расходились. Часть гостей была приглашена пить чай; тетя Нелли говорила уѣзжавшему Иосифу:

— Нельзя же, братецъ, она бы еще всю псалтырь прочитала! Это хорошо, конечно; это—святая книга, но нельзя же, какъ говорится, до безчувствія! Все-таки поповская кровь заговорила; ты уйми свою жену.

Иосифъ цѣловалъ ручку, кланяясь и слыша какъ Соня, таща за рукавъ Адвентова, говорила:

— Ее нельзя упускать изъ виду: вы видите, въ какомъ она состояніи.

Тетя Нелли на всю переднюю сказала:

— А наша мать Софья о всѣхъ сохнетъ! — и спѣшно пошла на пригласительные знаки въ столовую.

III

— Что это? Ахъ, контрактъ; хорошо. — говорила Екатерина Петровна, оборачиваясь къ вошедшей горничной и рассматривая бумагу, продолжала къ сидѣвшему поодаль мужу: — Я сказала, чтобы квартиру записали на мое имя; вѣдь это все равно, а тебѣ меньше хлопотъ, да и потомъ въ этихъ дѣлахъ, можетъ быть, я распорядительнѣе тебя: тутъ нужно держать ухо востро.

— Конечно, конечно, — отозвался тотъ.

Горничная вступилась:

— И потомъ барина на кухню какой-то человѣкъ съ письмомъ просить.

— Кто такой, посланный?

— Не знаю-съ, — съ письмомъ, передать лично.

— Выйди, Жозефъ, паньрно какая-нибудь благотворительность: глухонѣмой, что-нибудь въ такомъ родѣ.

— Нѣтъ, онъ все слышитъ и говорить хорошо, — вставила горничная, засмѣявшись.

Въ кухнѣ на табуретѣ сидѣлъ высокій, бѣлокурый человекъ въ большихъ сапогахъ и картузѣ; при появленіи Іосифа онъ всталъ, снявъ фуражку и не окончивъ фразы, на которую громко смѣялась гремѣвшая кастрюлями кухарка.

— У васъ письмо ко мнѣ? — спросилъ, подходя, Пароль.

Не внимая конверта, парень спросилъ:

— Вы будете папашей Виктору Михайловичу?

— Какимъ папашей? У меня нѣтъ дѣтей.

— Не могу знать, только Викторъ Михайловичъ наказывали, чтобы письмо папашѣ отдать.

— Какой Викторъ Михайловичъ?—недоумѣвалъ Іосифъ.

— Да это, Іосифъ Григорьевичъ, молодой баринъ послали, — замѣтила кухарка.

— Ахъ, Викторъ! Да, я—его отчимъ.

— Что отчимъ, что папаша, это — все одно,—говорилъ посланный, весело поводя глазами и вытаскивая скомканную бумагу.— Вотъ,—сказалъ онъ, подавая и, понизивъ голосъ, прибавилъ: — а сегодня вечеромъ

очень просили въ «Дунай» придти, имъ нужно поговорить съ вами.

— Да, — для чего-то тоже шепотомъ, отвѣчалъ баринъ, — а гдѣ это — «Дунай»?

— На Ямской.

— Я приду.

— Приходите; не больно поздно, часовъ въ девять. Счастливо оставаться; Василій Кудрявцевъ, — заключилъ онъ звонко.

— Иосифъ Пардовъ, — промолвилъ другой, подавая руку.

— Пріятно слышать, — тряхнувъ волосами отвѣчалъ Василій.

Въ письмѣ уже четыре дня пропадавшаго Виктора говорилось, что онъ поселился у Броскина на Николаевской, просить прислать необходимые вещи, оставленные на ихъ квартирѣ и повторялось устно переданное Кудрявцевымъ приглашеніе на сегодняшній вечеръ Иосифъ не считъ возможнымъ утаить содержаніе письма отъ жены, которая говорила вполголоса съ только что пришедшей Соней. Скрылъ только, что въ «Дунай» пойдетъ.

— Не думаетъ Викторъ возвращаться? — спросила Соня.

— Ничего не пишетъ.

Катя молча ходила по комнатѣ; наконецъ, остановясь, объявила:

— Ты можешь думать, что угодно, Жозефъ, но я очень рада, что Викторъ не у насъ. Ему свободнѣе и намъ спокойнѣе; это мѣшало бы намъ, его жизнь—понимашь? Это для тебя. Но меня безпокоитъ, какъ онъ устроится: какъ бы онъ не пропалъ окончательно. Ты непременно ходи къ нему и наблюдай, Жозефъ; онъ тебя любить и тебѣ не такъ стѣснительно, какъ мнѣ, ходить, куда пошло. Ты сможешь его уберечь, а къ тебѣ, увѣрена, ничто не пристанетъ.

— Хорошо.

— Ты сдѣлаешь это для меня: какая ни на есть, но я—мать.

— Я сдѣлаю это и для себя самого.

— И для Виктора. Спасибо!—Она поцѣловала его, опустивъ глаза и какъ-то странно краснѣя.

Соия, обиравшая сухіе листья съ цвѣтовъ, не оборачиваясь, проговорила:

— Скажи ему отъ меня, чтобы онъ какъ можно чаще ходилъ ко мнѣ; безъ особой нужды не знаю, удобно ли мнѣ будетъ самой къ нему идти. Если будетъ необходимость, конечно, я пойду куда угодно.

— Я не ожидалъ этого отъ нея,—сказалъ Иосифъ, когда Катя ушла.

— Чего?

— Что она будетъ меня посылать къ нему.

— Мнѣ вообще крайне тягостна вся эта исторія!—сказала, поморщась, Соня, — еще Леля меня тревожитъ...

— А что съ нею?

— Она совсѣмъ больна и воображаетъ, что влюбилась въ Сергѣя Павловича...

— Можетъ быть, она и въ самомъ дѣлѣ влюбилась въ него?

— Не думаю, но это въ сущности все равно.

— А онъ что?

— Очень трудно судить о чужихъ чувствахъ, но если бъ онъ могъ, какъ бы кратковременно это ни было, любить ее,— Богъ съ ними, хотя бы для другихъ это было несчастіемъ.

— Для кого?

Соня молча вздохнула, продолжая обирать желтоватые сухіе листья съ цвѣтовъ.

— Очень тяжелыя времена наступили, Соня, не такую я думалъ новую жизнь въ Петербургѣ!

— Ну, не раскисай, Жозефъ; во всякомъ положеніи можно дѣлать, что нужно. Я тебя не оставлю. Вѣроятно, необходимо для чего-нибудь пройти это время.

— Ты уже ѣдешь? — спросилъ Іосифъ, видя, что Соня надѣваетъ шляпу.

— Пойду къ Лелѣ; ты сегодня увидишь Виктора?

— Можетъ быть.

— Не забудь ему передать, что я говорила.

— Ты блѣдна, Соня, ты здорова?

— Конечно. Такъ тебѣ показалось.

Нездоровье жены, лежавшей съ мигренью въ спальнѣ, дало возможность Іосифу безъ затрудненій отправиться въ далекій «Дунай». Взойдя по затоптаннымъ, обледенѣлымъ ступенямъ во второй этажъ на чистую половину, онъ былъ охваченъ запахомъ нагорѣлаго масла, дешевыхъ папиросъ, шипѣньемъ граммофона и нестройнымъ гуломъ голосовъ. Онъ не сразу замѣтилъ среди посѣтетелей у окна Виктора съ тремя какими-то молодыми людьми, съ виду приказчиками, изъ которыхъ въ одномъ онъ безъ труда узналъ Кудрявцева; другіе были одѣты въ нѣмецкое платье, одинъ, необыкновенно бѣленькій, со сморщеннымъ и помятымъ лицомъ, оказался Сенькой мануфактурщикомъ, другой, высокій, плотный, съ широкимъ какъ солнце лицомъ, большими сѣрыми, наглыми глазами, былъ Александромъ Броскинымъ,

теперешнимъ хозяиномъ Виктора. Новаго гостя встрѣтили непринужденно и радушно, очевидно предупрежденные. Мануфактурщикъ оканчивалъ свой разговоръ: «какихъ же вамъ еще, говорю, хулигановъ, надобно, когда вся Ивановская въ нашихъ рукахъ». Проходившія дѣвки въ шарфахъ и шляпахъ пѣхли цѣловали бѣлую голову рассказчика, говоря: «Сенька, Сеня, Сеничка, сметанная голова! Еще въ банѣ давно не былъ, а то совѣмъ какъ сметана!» и смѣялись, поглядывая на Іосифа.

— Садись съ нами, Линде!—сказалъ Броскинъ худому мальчику съ еврейскимъ лицомъ и яркимъ румянцемъ пятнами на скулахъ.

— Вы позволите? — спросилъ тотъ у Іосифа.

— Пожалуйста.

— Ты, Щурка, всѣхъ кавалеровъ на свой столъ перетянешь; или гостей залучаешь по трактирамъ — прокричала высокая женщина въ платкѣ, съ широкимъ, густо на румяненнымъ лицомъ, большимъ краснымъ ртомъ и сѣрыми, будто пьяными, томными глазами. Линде, отрекомендовавшійся типографщикомъ, тихо занималъ Іосифа разговоромъ, не обращая вниманія на выкрики

сосѣдѣй. Но Броскинъ, не подавая виду, оказывается, внимательно слѣдилъ за ходомъ ругательства, и, наконецъ, молча взявъ палку съ навѣрченной газстою, подошелъ къ другому столу и, ударивъ по спинѣ одного изъ мужчинъ, сказалъ: «домой пора, господинъ хорошій, — стерва-то давно въ постель ладить». Всѣ вскочили и сразу ничего стало нельзя разобрать въ общемъ шумѣ. Весь залъ принялъ участіе въ скандалѣ, по крайней мѣрѣ, крикомъ; женщина стояла уже держась за щеку, еще болѣе покраснѣвшую, между тѣмъ какъ небритый толстый слуга зывалъ: «господа, не скандалить, Александръ Алексѣевичъ, Иранда Дмитриевна, бросьте, не хорошо!»

— Гсбѣ, Шурка, это такъ не пройдетъ!

— Ладно, послѣ поговоришь; приходи завтра утромъ, давно бита не была!

— Зачѣмъ вы ее обижаете? — спрашивалъ Иосифъ, межъ тѣмъ какъ часть мужчинъ вступила въ рукопашную. Мануфактурщикъ, кого-то поколотившій, притворился мертвецки пьянымъ и его выносили ногами впередъ, тщетно напяливая смятый котелокъ.

Иосифъ не зналъ, какъ было поздно, когда они вышли на улицу. Давно не пивши, онъ былъ не трезвъ и какъ сквозь

сонъ вспоминалъ, что они были еще гдѣ-то, что онъ плакалъ и Викторъ его утѣшалъ, обнимая. Они шли подѣ руку пѣшкомъ съ Викторомъ; Василій и Броскинъ слѣдовали за ними, громко распѣвая, по мокрой, темной и пустой улицѣ.

— Ты непременно приходи завтра, — не совѣмъ твердо уговаривалъ Викторъ.

— Она не ругалась?пустила? Или ты спросилъ?

— Сама послала.

— Ну, тутъ подвохомъ пахнетъ; да у меня есть на нее средство, чтобы унять! Мнѣ много нужно сказать тебѣ, Жозефъ, ты не знаешь, какъ я люблю тебя. И ты не думай, что я — пропавшій человекъ. И что есть пропавшій человекъ? А ее я усмирю!

За ними, переставъ пѣть, уже вли разговоръ, какъ у Василя на Пасхѣ съ Владимірской колокольни свалилась шапка, при чемъ тотъ утверждалъ, что это случилось не съ нимъ, а съ Броскинымъ.

— Соя просила тебя заходить къ ней.

— Зайду.

— Такъ тяжело, Викторъ, если бѣ ты зналъ!

— Ничего, Жозефъ, ничего: мы не будемъ оставлены.

— Дай-то Богъ.

— Барышня, позвольте проводить, бросьте вашего папашу; къ чему такая суровость замѣчательная? — Это уже Василій ухищрялся за какою-то женщиной, вышедшей изъ калитки въ сопровожденіи высокаго старика. Она была въ купеческой шубкѣ и платкѣ; вышедши на улицу, они перекрестились три раза и все ускоряли шаги отъ веселыхъ ребятъ; тѣ не переставали, тоже поспѣвая за ними. Наконецъ, старикъ, обернувшись, сказалъ тихо: «или городского кликнуть?». Не слушая шутокъ, женщина тянула за рукавъ своего спутника, твердя: «бросьте, дядюшка, пришли уже». Они стояли у калитки же другого, близкаго къ ихъ, дома, изъ которой видѣлись мостки и рядъ деревянныхъ домиковъ съ лампадками въ окнахъ. Іосифъ, пріостановясь, замѣтилъ блѣдное лицо въ черномъ платкѣ съ будто незрящими глазами. Она, вздрогнувъ, прошептала прямо въ его наклонившееся лицо: «ты, Павелъ?», и скрылась за захлопнутой старикомъ калиткой.

— Пошли долгополые гнусавить! — сказалъ Василій.

— Викторъ, мнѣ показалось, это была Марина.

— Какая Марина?

— Пареенова.

— Можетъ быть: она гдѣ-то тутъ живетъ, — равнодушно отвѣчалъ тотъ — и заговорилъ о другомъ.

— Иосифъ молчалъ, разсѣянно слушая па- сына. Дождь прошелъ; вѣтеръ разогналъ тучи и при тяжелыхъ, розовѣющихъ зарею облакахъ смутно блестѣли плоскіе купола Влади- мѣрской церкви и колокольни, съ которой сле- тѣла на прошлой Пасхѣ Сенькина шапка.

IV.

Тюлевыя занавѣски скрывали противо- положную стѣну и промозглый дворъ вни- зу. Комната была такъ мала, что кровать и старый комодъ занимали ее почти всю; при свѣтѣ одной лампы тараканы медленно ползали по топленной печкѣ. Викторъ, сидя на принесенной изъ кухни табуреткѣ, гово- рилъ Иосифу, помѣщавшемуся на шаткомъ стулѣ у окна:

— Ты не очень удачно попалъ сегодня: у хозяевъ гости, можетъ быть, въ «Дунай» пойти?

— Все равно, посидимъ здѣсь.

— Будутъ звать къ себѣ, нсудобно от- казываться.

— Что же? Можно и выйти къ нимъ. Отчего ты ушелъ отъ насъ, Викторъ?

— Ну, что объ этомъ говорить, разъ ты самъ не понимаешь? Конечно, ты не можешь думать, что мнѣ очень нравится здѣсь, но пока это такъ нужно; мы, какъ странники, не все ли равно, гдѣ остановиться выпить чаю? И потомъ, люди здѣсь все-таки лучше Нелькинихъ уродовъ.

— Скажи, Викторъ, ты не видишь Фон-визина?

— Вѣдь онъ уѣхалъ, но скоро вернется до отъѣзда я видалъ его часто.

— Странный человѣкъ!

— Ты, Жозефъ, не моги о немъ говорить; нужно такъ хорошо его знать, чтобы понять, а лучше скажи, какъ у васъ тамъ: ты не ссоришься съ Екатериной Петровной, доволенъ, счастливъ?

— Да? Только мнѣ кажется, она какъ-то меньше меня любить.

— Да, а ты увѣренъ, что она тебя любила?

— Зачѣмъ же бы она шла за меня?

— Ну, это вопросъ совсѣмъ другой; тамъ больше рѣчь шла о твоей любви. Только вотъ что: если тебѣ станетъ практически очень тяжело, ты скажи мнѣ; кро-

мѣ помощи сердечной, какую можемъ я и Соня, и, особенно, Андрей Ивановичъ дать тебѣ, я лично могу найти еще и управу на твою жену.

— Ты, Викторъ?

— Да, я.

— Я думаю, не придется прибѣгать къ экстреннымъ мѣрамъ.

— Дай Богъ; только помни.

Въ двери сначала тихонько, потомъ все громче раздался стукъ и кто-то настойчиво твердилъ:

— Люба, Люба, отвори. Кто у тебя?

Викторъ, подойдя къ выходу, проговорилъ:

— Слѣдующая дверь.

— Мерсі,— отвѣчалъ хриплый голосъ и снова раздался уже удаленный тотъ же стукъ и слова: Люба, Люба.

— Кто это?—спросилъ Пардовъ.

— Гость къ сосѣдкѣ,—спокойно отвѣчалъ пасынокъ, закуривая папиросу.

Изъ-за стѣнки послышался высокій женскій голосъ, хриплый посѣтитель изрѣдка вступалъ басомъ. Постучавшись, вошелъ Броскинъ приглашать къ себѣ; отъ него пахло пивомъ, но въ полумракѣ лампы, гдѣ не замѣчалась помятость его широкаго какъ солнце лица, онъ казался моложе своихъ

26 лѣтъ. Онъ присѣлъ на кровать Виктора, продолжая уговаривать молодыхъ людей не отказать въ посѣщеніи.

Изъ разсказовъ пасынка Іосифъ зналъ хорошо исторію Броскина. Москвичъ, веселымъ и расторопнымъ мальчикомъ поступилъ онъ къ кушцу Жолтикову, торговавшему древними иконами и всяческой другой стариной. Вдовый хозяинъ, женившійся второй разъ, сѣдымъ ужъ, на молодой женщинѣ, бралъ въ свои дальнія поѣздки за стариной пригожаго Сашу и вскорѣ тотъ сдѣлался почти главнымъ помощникомъ, не считая косога Зыкова, старшаго приказчика. Ему даже сходили съ рукъ кутежи и гульба, на которыя неизвѣстно откуда добывались деньги. Даже когда старикъ Жолтиковъ умеръ и молодая вдова вышла за Зыкова, Броскинъ продолжалъ служить у нихъ по старой памяти, пока дѣло, поднятое родственниками покойнаго, не заставило его оставить темную лавку съ древностями. Молодая Зыкова оправдалась въ отравленіи мужа и мирно заторговала съ новымъ супругомъ, но Саша, бывший главнымъ свидѣтелемъ на судѣ, былъ уволенъ. Онъ тотчасъ женился на Марьѣ Ильиничнѣ, отдававшей комнаты не строгимъ дѣвицамъ и состояв-

шей ихъ руководительницею, переѣхалъ въ это тихое пристанище, продолжая, уже на свой страхъ, торговлю въ разность иконами по знакомымъ. За товаромъ отчасти онъ ѣздилъ самъ, отчасти продавалъ оставшійся какимъ-то образомъ у него на рукахъ, желтиковскій. Говорили кое-что про то время, когда лицо Саши еще не опухло отъ пьянства и женщинъ, когда любилъ его бездѣтный и скупой на ласки хозяинъ, но и рассказывать-то про то не хочется: мало ли чего со злобы наболтать можно.

Иосифъ вспоминалъ все это, смотря на безоблачный лобъ помѣщавшагося напротивъ него Броскина; самъ онъ сидѣлъ въ почетномъ углу съ Викторомъ, какимъ-то старичкомъ, глухимъ на одно ухо, и матерью Броскина, генеральскою пянькою. Остальные гости, кромѣ двухъ мальчиковъ, пріѣхавшихъ изъ Кронштадта, были извѣстны Пардову: Кудрявцевъ, Линде, мануфактурщикъ; Иранда возсѣдала среди нихъ, блистая широкимъ, ярко зарумяненнымъ лицомъ. Гости были уже не трезвы и говорили шумно и откровенно, и степенные рассказы генеральской няньки о дѣтствѣ Саши, о попугаѣ, хозяйскихъ дѣтяхъ, — доносились какъ сквозь воду. Уже брнчали балалайки

и востроносые мальчики, похожіе другъ на друга, плясали въ присядку, раздувая пламя низко повѣшенныхъ трехъ лампадокъ, — какъ Ирида закричала отъ печки:

— А гдѣ же твои дамы, Шурка, или всѣ заняты?

Марья Ильинична замалала было руками, поводя глазами на Юсифа, но Броскинъ прервалъ ее:

— Брось, Ильинична, гости не обезсудятъ! — И наклонясь черезъ столъ къ Парлову, продолжалъ — хоръ цыганокъ позвольте пригласить? Онѣ безобразничать не будутъ.

— Да, пожалуйста.

— Ну, мнѣ пора! — подобравъ губы заговорила нянька.

— Бросьте, мамаша, гости не обезсудятъ: все свои.

— Я ничего, веселитесь себѣ, мнѣ далеко — на островъ ѣхать.

За ней безмолвно поднялся и глухой старичокъ. Вошедшія три женщины были встрѣсны общими криками. Двѣ, толстыя, были въ капотахъ съ голыми руками, третья, гладко прилизанная въ темной юбкѣ и бѣлой блузочкѣ — барышней.

— Таня, Люба и Вѣрочка, прошу любить

и жаловать! — представлялъ Броскинъ вошедшихъ, скромно сѣвшихъ за столъ. Веселье увеличивалось и было тѣсно уже плясать, такъ какъ за столомъ у окна сѣли играть въ стуколку. Задѣвали за пустыя бутылки на полу и канарейки, разбуженные шумомъ затрещали, вытягивая шен.

Саша сѣлъ на низкій сундукъ рядомъ съ перемѣстившимся Іосифомъ и, полюбивъ его, завелъ разговоръ о своихъ поѣздкахъ. Запертыя накрѣпко двухъэтажныя избы, высокія лѣсныя горы, озера, рѣки, не замерзающія зимою, рѣдкіе города, Голвуї, Шуньга—рисовались затуманенному Іосифу.

— Иногда не знаешь, не гадаешь, какъ на рѣдкость набредешь. Разъ, на колокольнѣ окна были дивнымъ «страшнымъ судомъ» заставлены. Великороссійскіе попы развѣ въ этомъ что понимаютъ? За хламъ чтуть, а плакать надобно, какого высокаго письма, какіе «въ имя» попадаютъ! Править посылаемъ въ Москву на Преображенское...

— А развѣ здѣсь некому?

— Кому же? Только Тюлину, да Матвѣй-то глазами слабъ сталъ, да и смолоду-то не шибко аккуратенъ былъ...

Толстая Танька переставъ пить, вплотную подошла къ Пардову, говоря:

— Голубчикъ, отчего вы меня не поцѣлуете?

— Пошла, дрянь! Нашла съ кѣмъ цѣловаться? Знаешь ли, кто это?—закричалъ на нее Сапа и добанилъ, обнимая Юсифа:— Дайте я васъ лучше поцѣлую.

— Я очень радъ,—бормоталъ тотъ, когда Броскинъ, навалившись всѣмъ тѣломъ, поцѣловалъ его въ губы. Ираида, засмѣявшись дѣлanno и пронзительно, крикнула отъ картъ:

— Шурка, не замай! Это тебѣ не Жолтикомъ, ни съ чѣмъ, пожалуй, отъѣдешь!

— Ираида Дмитриевна, стучите, стучите!—приставали къ ней игроки. Броскинъ подошелъ, казалось, совершенно спокойно къ жепщинѣ и сказалъ внятно и раздѣльно:

— Если вы, Ираида Дмитриевна, сейчасъ не уйдете, пожалѣете!

Сощуривъ томные глаза, та промолвила:

— Задѣло, небось? Поганый ты, Шурка, вотъ что. До свиданія, господа— и вышла изъ комнаты.

Все какъ-то стихло: карты прекратились, допилось послѣднее пиво; барышни исчезли, поуходили и гости, и Викторъ куда-то пропалъ. Юсифъ сидѣлъ, не двигаясь на сундукъ и говорилъ:

— Саша, ты не знаешь, какъ я несчастливъ: я отъ сердца люблю свою жену, а она, а она...— и умолкъ.

— Не хочеть быть съ тобою, что ли?— ласково шепталъ тотъ. Пардовъ кивнулъ головою утвердительно и продолжалъ:

— Я такъ растерянъ; когда я жилъ у тетушки, я крѣпко зналъ все, а теперь какъ въ морѣ; Соня, Викторъ, Андрей Ивановичъ всѣ ушли куда-то, я одинъ, и жена моя не любитъ меня, а я не могу...

Не мигая, Саша зашепталъ:

— Что я скажу тебѣ: наплюй на нихъ! что я скажу тебѣ...

— Возьми меня въ Нижній, Повѣнецъ, въ скиты куда-нибудь, хоть на недѣлю, милый мой...

— Это можно, но, первое дѣло, пренебреги! Я тебя выведу, «изведу изъ темницы душу твою».

— Ахъ, хоть на недѣлю, прошу тебя!

Отъ Саши пахло пивомъ, онъ икалъ и готовъ былъ уснуть. Марія Ильинична вошла и заговорила сразу истерически:

— Вы простите, вы простите насъ. Вы для насъ—какъ Богъ, я руки ваши цѣлую (и она дѣйствительно ихъ поцѣловала), что вы, зная кто я, кто Шура, пришли къ

намъ. Я знаю, вы—скромный, вы—женатый, вы—дворянинъ и пришли къ намъ отъ души. Шурка тутъ не при чемъ, все я, все я, чтобы не зналъ горя мой Саня. Не на вѣкъ же это. Вотъ справимся, бросимъ эту квартиру, уѣдемъ въ провинцію, займемся торговлею, мы не пропадемъ, а пока простите насъ.

Саша вдругъ заснулъ, положивъ голову на колѣни сосѣда и скрежеща зубами. Женщина заволновалась:

— Саня, что ты? Лягъ на постель!

Не открывая глазъ, тотъ отвѣчалъ:

— Я не сплю, у меня гости—другъ мой Иосифъ Григорьевичъ.

— И онъ ляжетъ, лягъ, лягъ! Лягте—обратилась она уже къ Иосифу—на минуту: онъ сейчасъ совсѣмъ заснетъ.

Она проворно положила къ стѣнѣ двѣ изъ четырехъ висившихся подушекъ и Иосифъ легъ, будто сквозь дымъ видя, какъ взгромоздилъ Саша на кровать и свое ослабѣвшее, бѣлое, пьяное тѣло. Иосифову руку хозяинъ держалъ крѣпко и временами скрипѣлъ зубами. Въ кухнѣ кто-то шумѣлъ, ища свой кошелекъ. Ильинична поспѣшила туда и смутно слышала Иосифъ хлопанье дверьми, шаги, далекіе крики на дворѣ.

«Онъ ее зарѣзалъ на смерть! Она не дышитъ!» кричала прислуга по коридору. «Дворникъ, дворникъ!» опять хлопанье дверями, крики, возня. Саша спалъ, лампы пылали: черезъ дворъ въ окнѣ зажгли зеленую лампу и сѣли за столъ писать два человѣка. Тамъ тихо, спокойно, цѣломудренно! Хозяйка вернулась и, приставивъ стулья, взяла одну изъ подушекъ и легла по ту сторону мужа.

— Кого это у васъ зарѣзали? — спросилъ Иосифъ шепотомъ.

— Такъ, звѣвала Наташка, никого не зарѣзали. Повезло этой Танькѣ: то въ банѣ чуть не утопили, то мичманъ кортикомъ въ животъ кололъ, теперь нѣмецъ чуть не зарѣзалъ. Хорошій она человѣкъ, да къ мужчинамъ больно липка. Какъ она на Саньку зарилась, да какъ задала я ей рвань, что плѣшива ходитъ, такъ только рядомъ посидѣть смѣетъ...

И Марья Ильинична снова заговорила о своей любви къ мужу, какъ-то нелѣпо и задушевно; потомъ заснула. Лампы пылали, черезъ дворъ зеленѣла лампа. Какъ далеко ушли Соня, Леля, Адвентовъ, милая Катя, какъ она нѣжна была лѣтомъ, ея грудь, ея руки были такъ теплы! Иосифъ

привсталъ; рука Саши крѣпко держала его и была влажна и тепла. Пардовъ осторожно провелъ другой рукою по рукѣ и груди спящаго, онѣ были теплы, почти горячи подъ ситцевой рубахою. Лицо Броскина опустилось, лобъ въ испаринѣ, ротъ открытъ, пахнетъ пивомъ; Марья Ильинична посапываетъ. Какъ нестерпимы спящіе люди! Саша, проснувшись, прошепталъ, глядя въ открытые глаза Іосифа: «недреманное Око Господа Нашего Исуса!» и слова заснулъ. Когда Пардовъ хотѣлъ освободить свою руку, спящій его опарাপалъ и пытался укусить.

Вдругъ кто-то источнымъ голосомъ прокричалъ: «Андрей, Андрей!» и затихъ. Іосифъ свободною рукою разнялъ пальцы Броскина и, перескочивъ черезъ обоихъ спящихъ вышелъ въ кухню. Изъ коридора вошла Люба и, обратясь прямо къ Іосифу, сказала:

— Гдѣ Андрей Ивановичъ? Миѣ его до смерти нужно.

— Миѣ самому его нужно до смерти: онъ только и спасетъ насъ!

— Къ нему жена пріѣдетъ. Царица Небесная, сдѣлай, чтобы она не пріѣзжала!

Не слушая, Іосифъ восклицалъ:

— Онъ спасетъ насъ, Андрей Фонвинъ!

— Да, да, Варызинъ! Андриуша, милый!— потому прибавила просто: — въ горницѣ шва больше не осталось?

— Я не знаю.

— Что же мы будемъ дѣлать?!—горестно сказала Люба, опускаясь на табуретъ, и заплакала пьяными слезами.

V.

Осеннее солнце свѣтило съ утра, румяня красные стулья, но, казалось, Екатерина Петровна не замѣчала его, волнуемая разговоромъ съ тетей Нелли и Петромъ Павловичемъ. Посѣтители тоже были нѣсколько взволнованы, хотя и меньше и по другому, нежели хозяйка: они были встрѣвожены словами говорящей, оставившими спокойною самое Екатерину Петровну, которую мучила какая-то невысказываемая мысль. Солнце ровно ложилось мимо лица на красную обивку, дробясь вдали на граненой рамѣ зеркала, маня на воздухъ. Екатерина Петровна такъ говорила, будто что-то жгло ей губы и произносились совѣмъ другія слова. Нелли держала прямо свою

высокую затянутую грудь, а Петръ Павловичъ, какъ-то еще болѣе изможденный за это время, сидѣлъ разгнѣженно и умиленно. Склонивъ свое лицо въ перовныхъ красныхъ пятнахъ, Пардова продолжала:

— Я не знаю; я боюсь ошибиться, но судите сами: послѣ перваго собранія мужъ не былъ на нихъ; я замѣчаю какое-то очерствѣнiе въ немъ—вы простите, онъ родственникъ вамъ, но вѣдь и мнѣ онъ не чужой.

— Вы думаете, онъ охладѣлъ, погасъ?

— Ахъ, если только это, но и горѣлъ ли онъ? Вы не повѣрите, какъ я скорблю, я такъ предана, не принято говорить про себя, но это такъ; у меня сердце разрывается!..— и она приложила руку съ лѣвой стороны тугого чернаго лифа.

— Бѣдная! — сочувственно прошепталъ Петръ Павловичъ.

— Тѣмъ болѣе, что я сама отчасти виновата въ этомъ...

— Вы, ма chère? полноте, вы наговариваете на себя!

— Нѣтъ, нѣтъ. Вы знаете, у меня сынъ Викторъ.

— Да, да: такой странный мальчикъ.

— Совершенно погибшее существо. Я

отдѣлила его, чтобы предохранить Іосифа, и боюсь, не испортила ли этимъ, такъ какъ Жозефъ теперь пропадаетъ у него и я не знаю, какъ они тамъ проводятъ время. Я же не могу слѣдить, вы понимаете?

— Вы поступили очень неосмотрительно.

— Я ужъ и сама вижу, что неосмотрительно.

Петръ Павловичъ умиленно заговорилъ:

— Но, можетъ быть, возможно еще не только вернуть вашего супруга, но и обратиться блуднаго сына?

Пардова покачала головою сомнительно.

— Едва ли! Сдѣлаю послѣднюю попытку. Знаете, я, кажется, готова на какія угодно жертвы для братьевъ; если бъ у меня были деньги, я всѣ бы ихъ отдала обществу.

Нелли, вопросительно глядя на умолкнувшую Катю, нѣсколько сухо замѣтила:

— Это дѣлаетъ честь вашему усердію.

— Хорошо бы, если бы это было исполнимо, такъ какъ многіе члены очень, очень нуждаются!—проговорилъ Петръ Павловичъ особенно благочестиво.

Быстро взглянувъ на собесѣдника, хозяйка сказала:

— Но что объ этомъ говорить? Вы знаете,

что у меня лично нѣтъ ни гроша. Но я боюсь еще одного. Это—болѣзнь Жозефа (вамъ, конечно, извѣстно), она все усиливается, и я боюсь...

— Что онъ не выдержитъ? Вы, конечно, обращались къ врачамъ?

— Разумѣется. Все въ рукѣ Божіей: еси мнѣ суждено овдовѣть, это будетъ испытаніе, большое испытаніе, но я его вынесу. Я боюсь худшаго.—И она поднесла свой платокъ къ глазамъ, какъ бы удерживая слезы. Посѣтители встревоженно переглянулись и Петръ Павловичъ произнесъ ободряюще:

— Мужайтесь, дорогая Екатерина Петровна: для христіанки ничего не можетъ быть, что бы ввергало въ отчаянье!

— Но чего Вы боитесь, милая?—спросила подвигаясь къ хозяйкѣ Нелли.

Не отнимая платка, та заговорила прерывисто:

— Я боюсь что, оставаясь въ живыхъ, Жозефъ будетъ исключенъ изъ числа мыслящихъ здраво!..

— Вы боитесь за его разсудокъ?

— Вотъ именно, я думаю, даже не поврежденъ ли онъ слегка уже теперь.

Всколыхнувшись всѣмъ бюстомъ, тетя Нелли воскликнула:

— Богъ милостивъ! Не думайте объ этомъ.

— Рада бы не думать, да приходится.

— И потомъ не тревожьтесь, мы все устроимъ и не покинемъ васъ.

Хозяйка даже не благодарила гостей за сочувствіе, имѣя видъ очень разстроенный.

Освѣживши лицо и надѣвши скромное платье и шляпу съ большимъ вуалемъ, Екатерина Петровна готова была уже выйти, какъ прислуга доложила ей о приходѣ барышни Дмитревской. Вошедшая тотчасъ вслѣдъ за горничной была блѣднѣе обычнаго и казалась разстроенной.

— Ахъ, Катя, ты выходишь, а мнѣ бы такъ нужно было поговорить съ тобою!

— Пожалуйста, Леля, для тебя у меня всегда найдется время.

Хозяйка глянула на крошечные часики съ тройной цѣпью и прибавила дѣловито:

— До половины шестого, до пяти я къ твоимъ услугамъ, но чтобы не терять солнца поѣдемъ покуда хотя бы въ Лѣтній садъ, тамъ намъ никто не помѣшаетъ. Или, можешь быть, ты хочешь чаю?

— Нѣтъ, чаю я не хочу, поѣдемъ.

Еще на извозникѣ барышня заговорила:

— Тебя не удивляетъ, что я обращаюсь

не къ Сонѣ, не къ кому нибудь другому, а къ тебѣ?

— Нѣтъ, развѣ я тебѣ не такой же другъ?

Леля, прижавши локоть къ груди своей сосѣдки, снова начала:

— Ты должна мнѣ помочь и въ моемъ затрудненіи и въ признаніи.

— Да, да.

— Ты слышала, можетъ быть, отъ Сонни обо мнѣ и о Сергѣѣ Павловичѣ?

— Очень глухо, но все равно, я понимаю.

Сойдя съ извозчика и видя, что дѣвушка ей не продолжаетъ своихъ признаній, Катя начала, медленно идя по пустынной дорожкѣ сада:

— Ты, Леля, должна сказать мнѣ все разъ ты хочешь отъ меня помощи.

— Да, не спасенья, а помощи, не святости, а счастья, понимаешь, счастья? Потому я и обратилась къ тебѣ.

Леля сѣла на скамейку и умолкла приклонившись къ плечу Екатерины Петровны, будто сомлѣла. Тогда та начала исповѣдь, осторожными перстами касаясь дѣвичьихъ ранъ:

— Ты очень любишь его?

— Да, да, да! — горестно воскликнула
Леля.

— А онъ?

— Что онъ?

— Любитъ тебя?

— Не знаю — клоня голову, слс слышно
отвѣчала барышня.

— Какъ не-знаешь, онъ не говорилъ тебѣ,
не намекалъ?

— Наменялъ.

— Онъ цѣловалъ тебя?

— Нѣтъ, не цѣловалъ! Нѣтъ, нѣтъ!

— Но ты чувствуешь, думаешь, что онъ
любитъ тебя?

— Не знаю, я ничего не знаю, пойми,
Катя.

— Леля, ты не сердись, я буду говорить
очень опредѣленно, тебѣ можетъ показаться
грубымъ то, что я скажу, но это потому,
что я дѣйствительно хочу тебѣ помочь, а
не успокаивать разсужденьями.

— Да, да, это такъ... говори, говори...

— Я буду спрашивать и говорить только,
когда ты не сможешь сама отвѣтить. Чего
бы ты хотѣла? Чтобы онъ сталъ твоимъ,
весь твоимъ, чтобы не томилась ревностью,
была увѣрена и владѣла имъ.

Леля, не отвѣчая, молчала.

— Или это не такъ? Безъ ревности, безъ желанья властвовать ты хочешь только, чтобы онъ тебя любилъ и чтобы ты знала это?

— Это похоже, но и это не совѣмъ такъ.

— Но во всякомъ случаѣ ты желасшь не только духовнаго общенья съ нимъ?

— Да,— сле слышно пролетѣтала дѣвушка.

— Ты вѣришь мнѣ? — спросила строго старшая собесѣдница.

— Иначе зачѣмъ же бы я тебѣ говорила все это? Я вѣрю, что ты можешь это сдѣлать и прошу только захотѣть.

Катя вздохнула.

— Ты обижаешь меня, Леля! Неужели ты думаешь, что я могла бы не захотѣть тебѣ пользы? Полно, полно. Ты вѣришь мнѣ, такъ вотъ я тебѣ говорю, — все будетъ хорошо, все будетъ, какъ ты и я хотимъ!

Она поцѣловала все еще склоненную Лелю и встала, будто кончая бесѣду.

Выйдя къ Пантселеймоновскому мосту, она посмотрѣла на часики, сказавъ:

— Теперь я тебя покину, завтра утромъ приду къ тебѣ, намъ нужно еще многое обсудить...

Она остановилась, чувствуя какъ Леля, опи-

равшаяся на ея руку, вся затрепетала и выпрямилась какъ струна. Вытянувъ впередъ руку, барышня вскричала:

— Нѣтъ, ничего не будетъ, ничего не будетъ!

Къ Марсовому полю удалялась пролетка, гдѣ видно было въ полуоборотѣ смуглое лицо Адвентова рядомъ съ широкой и плоской студенческой фуражкой. Пардова быстро оглядѣвшись по сторонамъ, зашептала:

— Тише, тише, Леля, успокойся, завтра я у тебя буду.

Леля только плакала; такъ плачущую и посадила ее Екатерина Петровна на извозчика, записала номеръ и, давъ отѣхать, наняла другого куда-то въ Новый переулочъ. По дорогѣ она нѣсколько разъ смотрѣла на часы и торопила кучера; тѣмъ болѣе могло показаться страннымъ, что доѣхавъ до мѣста, она не соскочила, отдавая на ходу деньги, не побѣжала по лѣстницѣ, уже разстегивая пальто, но не спѣша расплатилась, вынула листокъ бумаги и сличила написанный тамъ номеръ дома съ такимъ же на воротахъ, сложила вдвое и безъ того густой вуаль, прошла два до недалекаго угла, и только тогда увѣренно нажала звонокъ къ швейцару сосѣдняго дома. Это

быль грязноватый подвѣздъ темной гостипицы. Лѣнивый и плутоватый малый въ поддевкѣ вопросительно глядѣлъ на посетительницу; она спросила тихо:

— Господинъ въ 37 номеръ пріѣхали?

— Такъ точно; они ожидаютъ васъ, пожалуйста.

И онъ побѣжалъ впередъ по темному коридору съ коптящей лампой, стараясь разглядѣть сквозь плотную вуаль лицо гостя. На стукъ раздалось: «пожалуйте». У круглаго стола стоялъ человекъ съ широкимъ, какъ солнце, бѣлымъ, слегка помятымъ лицомъ. Мы безъ труда узнали бы въ немъ Броскина, но Екатерина Петровна или не знала, или не признала его, такъ какъ ступивъ нѣсколько шаговъ къ нему вымолвила вопросительно:

— Броскинъ, Александръ Алексѣевичъ?

— Онъ самый—быстро отвѣтилъ тотъ.

Екатерина Петровна сняла перчатки и пальто, которое Броскинъ живо повѣсилъ на вѣшалку, но оставила шляпу даже не приподнявъ вуаль.

— Сядемъ, — сказала она опускаясь на диванъ, — никто не войдетъ?

Сама, улыбнувшись, повернулъ ключъ въ дверяхъ и вернувшись, сѣлъ на диванъ

же совсѣмъ близко къ Екатеринѣ Петровнѣ.

— Вамъ нѣтъ надобности знать кто я и видѣть мое лицо. Я вамъ скажу, чего мнѣ отъ васъ нужно и увѣрена, что мы поймемъ другъ друга. Дѣло это выгодно для обоихъ.

Саша молчалъ, глядя на гостью во всѣ глаза. Та продолжала ровнымъ голосомъ.

— То, что я скажу вамъ, касается не меня и не васъ, но лица, къ которому вы относитесь не плохо и въ судьбѣ котораго заинтересованы близкіе мнѣ люди. Я говорю о Викторѣ Михайловичѣ Озеровѣ, котораго вы знаете хорошо. Видите ли, у него есть бумаги, могущія его погубить. Это не его бумаги, но лицъ, не заслуживающихъ никакого снисхожденія, ничтожныхъ и можетъ-быть преступныхъ. Они не остановятся, чтобы при случаѣ выдать Озерова и вообще онъ въ ихъ рукахъ, благодаря этимъ документамъ.

— Отчего же онъ ихъ не уничтожить, не отдастъ обратно?

— Они даны ему на храненіе и онъ не хочетъ казаться трусомъ.

— Такъ-съ. Чего же вы отъ меня желаете?..

— Я бы хотѣла, чтобы Викторъ Михайловичъ былъ въ безопасности отъ шантажистовъ и, съ другой стороны, отъ полиціи.

— То-есть, вы желаете чтобы этихъ бумагъ у него не было?

— Вотъ именно, вы совершенно вѣрно угадали мою мысль.

— Я, мадамъ, буду просто говорить: вамъ хочется, чтобы я укралъ эти бумаги отъ Виктора Михайловича и передалъ ихъ вамъ?

— Зачѣмъ такъ выражаться! Но въ сущности, разумѣется, хотѣлось бы, чтобы эти бумаги были у меня, или по крайней мѣрѣ я бы знала, гдѣ онѣ находятся.

— Но онѣ у Виктора Михайловича, вы сами сказали.

— Да, но гдѣ у него: держать ли онѣ ихъ при себѣ, или же онѣ спрятаны гдѣ?

Саша, пытливо поглядѣвъ, промолвилъ:

— Это очень трудное дѣло, мадамъ.

— То-есть вы хотите большую плату? Скажите на чистоту, сколько?

Броскинъ сказалъ:

— Ну, послушайте, думайте о томъ, что вы говорите. Это неслыханная сумма. Я могла бы это узнать и помимо васъ, я думала, что черезъ васъ будетъ легче.

Катя даже встала и стала ходить по истертому ковру.

— Что же вы разсердились, Екатерина Петровна, спрось не грѣхъ.

Дама приостановилась:

— Это вы мнѣ говорите, откуда вы взяли вашу Екатерину Петровну?

— Зачѣмъ лукавить? Вы же маменька Виктора Михайловича?

Подъ вуалью незамѣтно было вдругъ наступившей блѣдности Пардовой, она улыбнулась и, будто рѣзваясь, сказала:

— Вы мнѣ не льстите! Неужели вы меня считаете такой старой? Но успокойтесь, я вовсе не Пардова и даже не знаю ее. Меня послала къ вамъ Софья Карловна Дрейштукъ; можетъ быть, вамъ не безъизвѣстно и это имя?

Саша промолчалъ. Екатерина Петровна снова сѣла и, положивъ руку безъ перчатки на рукавъ своего собесѣдника, начала:

— Станемъ говорить серьезно. Люди, которымъ важно это дѣло, не могутъ вамъ дать требуемой вами суммы. Но мнѣ такъ хочется имъ помочь, что я со своей стороны могла бы вамъ что-нибудь предложить. Ну, что-нибудь. Не деньги, конечно, откуда мнѣ ихъ взять. Похлопотать гдѣ-нибудь за васъ, что я знаю?

Она придвинулась къ нему ближе и смотрѣла, недвусмысленно улыбаясь. Саша глазами показалъ на электричество. Катя слегка кивнула головой и черезъ секунду было темно. Но Пардова зашептала все-таки обнимавшему ее кавалеру:

— Что вы дѣлаете, пустите, я не за этимъ пришла сюда, — и не шевелилась.

Броскинъ молчалъ, тяжело дыша, такъ что даже Катенька оказалась словоохотливѣе, вставляя временами между вздохами:

— Милый Саша, милый мой.

Уже при свѣтѣ, стоя у двери съ папирозой въ зубахъ, Броскинъ спросилъ, улыбаясь:

— Такъ вы не маменька будете Виктору Михайловичу?

Катя промолчала, поправляя шляпу передъ испорченнымъ зеркаломъ. Саша продолжалъ:

— Вѣдь намъ-то что, маменька или не маменька, намъ все одно! Счастливо—и вышелъ за дверь.

VI.

Черезъ нѣсколько дней Екатерина Петровна съ таинственнымъ посланцемъ получила не менѣе таинственную записку, состо-

ившую всего изъ трехъ словъ: «всегда съ тобою», на что отвѣтила такъ же кратко: «черезъ недѣлю». Но не только эти слова были одинаково понятны писавшимъ ихъ, но, казалось, и чувства, одушевлявшія авторовъ при писаніи, были одни и тѣ же, такъ какъ одинаковыя улыбки людей, дѣлающихъ ловкое и рискованное дѣло, гуляли на ихъ широкихъ и не глупыхъ лицахъ. Ни одинъ не считалъ себя обманутымъ, но совѣмъ наоборотъ, и эта увѣренность еще болѣе роднила ихъ.

Виктора не удивляло, что Броскинъ сталъ еще дружественнѣе, чаще заходилъ въ его коридорчикъ, ласково обнималъ, будто что нащупывая. Такъ какъ Іосифъ днями сидѣлъ у пасынка, то эта ласковость распространялась и на него, хотя нѣсколько и по другому. Саша подолгу смотрѣлъ на гости будто обезумѣвшими отъ пьянства глазами, не моргая, и тихо говорилъ что-нибудь сильнымъ голосомъ, потомъ вдругъ, трянувъ еще не порѣдѣвшими кудрями, вставалъ и уходилъ къ себѣ. Со стороны могли показаться достаточно странными эти три лица, соединенныя чѣмъ-то: курносое, съ раскосыми зелеными глазами между рыжихъ вихровъ, солнечный ликъ нѣсколько застарѣвшаго

рынды и добрая, растерянная, породистая физиономія третьяго.

Однажды Саша сказалъ:

— Не можете ли, Викторъ Михайловичъ, оказать мнѣ небольшую услугу?

— Охотно; что именно?

— Не сходите ли вы къ Зыковымъ посмотрѣть одну икону, и если хороша, вымѣнять ее? Денегъ я вамъ дамъ.

Викторъ, улыбнувшись отвѣчалъ:

— Я привыкъ васъ считать разсудительнымъ человѣкомъ, Александръ Алексѣевичъ; ну что я пойму въ вашей иконѣ? Я знаю, что вамъ неудобно самимъ идти къ Зыковымъ, но неужели не можетъ сходить кто-нибудь изъ понимающихъ дѣло?

— Да, чтобы они высмотрѣли и перебили у меня покупку? Я вовсе не такъ лишенъ разсужденія, какъ вы полагаете. Вещь эта у нихъ не въ лавкѣ—въ лавкѣ все дрянъ,—а въ домѣ, и я ее хорошо знаю: «Неопалимая Купина». Только дѣло въ томъ, что у нихъ два одинаковыхъ «во имя»: восьмивершковое и шестивершковое, такъ вы ладьте меньшую, ббльшей—грошъ цѣна. Для прилику все пересмотрите, торгуйтесь, не горячьтесь, будто вамъ не очень нужно; согъ до пяти идти можно. Вы вѣдь знаете?

« Неопалимая » — та, что съ лѣсенкой пишется.

— Да у насъ была, у тетушки, я знаю. Хочешь, пойдёмъ вмѣстѣ? — вызвался Юсифъ.

— Вотъ и отлично. На что лучше? — обрадовался Саша.

Черезъ нѣсколько дней наши молодые люди звонились у дверей, лишенныхъ всякаго обозначенія живущихъ, по скромной лѣстницѣ. Только послѣ третьяго звонка изнутри раздался опросъ посѣтителемъ, дверь полуоткрылась, придерживаемая цѣпью, выпустилъ запахъ постнаго масла, такъ какъ была среда, и снова захлопнулась.

— Кажется, не намѣрены насъ пускать, — нетерпѣливо замѣтилъ Викторъ.

— Подождемъ немного, кажется идутъ. — Дѣйствительно, шаги снова приблизились и на этотъ разъ гостей впустилъ въ жаркую прихожую босой молодецъ. Не снимая съ нихъ пальто, онъ провелъ ихъ въ комнату, сказавъ: — Ольга Ивановна сейчасъ выйдутъ, онѣ ждали васъ.

— Новое дѣло! Кто это насъ ждалъ здѣсь? — сказалъ Викторъ, оглядывая красную бархатную мебель, олеографіи по стѣнамъ и дорожки по всему блестящему полу. Двѣ двери были плотно закрыты и ручки

ярко блестя, вычищенные. За стѣной тикали громко нѣсколько часовъ, и наконецъ, не въ разъ раздалось различныхъ три звона.

— Что у нихъ часовой магазинъ, что ли? Мнѣ это начинаетъ надоѣдать! Послушайте, да хозяева дома или нѣтъ?

Молодецъ, тотчасъ высунувши голову въ дверь, будто онъ все время тутъ близко и караулилъ, сказалъ шопотомъ:

— Обождите, онѣ сейчасъ выйдутъ,— и снова безшумно скрылся. Въ ту же минуту изъ другой двери вышла высокая, полная женщина въ открытомъ капотѣ; на плечахъ она придерживала небольшой красный шелковый платочекъ, который все сползалъ, оставляя шею и часть груди обнаженной. Она тотчасъ заговорила тихо и параспѣвъ:

— Здравствуйте, господа, а мы васъ вчера поджидали; Феклуша мнѣ давно сказывала, я все ждала, а сегодня ужъ не чаяла, соснула малость. Ну какъ вы съѣздили? Здравствуй, Андрюша, милый... Ахъ!—вдругъ вскрикнула она, подойдя вплотную къ Иосифу и поднявъ на него выпуклые близорукіе глаза...—Что же это такое?.. Кто же вы?.. Господи Иусе! Степанъ! Степанъ!

Красный платочекъ совсѣмъ упалъ на полъ, такъ что женщина уже полными руками только закрывала шю и грудь.

— Простите, вы припимаете насъ за кого-то другого, а мы просто пришли къ вамъ по дѣлу, хотѣли купить икону, но, кажется, пришли не во-время. Простите, мы придемъ въ другой разъ, когда господинъ Зыковъ будетъ дома.

Ольга Ивановна уже подобрала платочекъ, отчаянно и неумѣло вопрошая глазами снова появившагося босого молодца, что дѣлать.

— Какую икону?.. это въ лавкѣ... къ Якову Захарычу... Я ничего не знаю...

— Насчетъ иконъ это на Загородный пожалуйста,—твердилъ и молодецъ.

— Нѣтъ, намъ сказали, что на дому, именно, а не въ лавкѣ.

— Кто же это вамъ сказалъ, позвольте полюбопытствовать.

— Да ужъ кто бы ни сказалъ, да сказалъ.

Изъ-за другой двери послышалось шипѣнье, но не часовъ ужс. Ольга Ивановна, прислушавшись, спросила:

— Тебѣ Захарычъ говорилъ? Я ничего не знаю... да кто же вы-то будете? въ себя придти не могу... кто васъ послалъ?

— Наши фамиліи: Озеровъ и Пардовъ а зовутъ насъ: Викторъ Михайловичъ и Іосифъ Григорьевичъ,—проговорилъ Іосифъ.

Женщина повторила, будто что вспоминая:

— Пардовъ... Пардовъ... Боже мой, гдѣ же я это слышала?—потомъ, вскинувъ глазами, спросила съ запинкой:—Простите, это не вашу тетушку убили годъ тому назадъ?

— Да, это у насъ случилось несчастье.

Какъ-то некстати просіявъ, хозяйка воскликнула:

— Вотъ какъ отлично! Вотъ какъ чудесно! Значить, мы съ вами знакомы, я много о васъ слышала.

— Отъ кого же?

— Отъ Парсеновой Марины, помните? Какъ бы она рада была васъ видѣть, поговорить съ вами! Изъ однихъ вы мѣстъ, тамъ и у нее случилось несчастье...

— А гдѣ она? Я самъ бы охотно увидѣлся съ нею.

Улыбнувшись весело, Ольга Ивановна сказала:

— Гдѣ она? Марина! Маринушка! выдѣ сюда: здѣсь свой! — и, обратясь къ Іосифу, продолжала:—Она у насъ живетъ, Парсень-то мнѣ братомъ будетъ, а Марина племянницей, вотъ и знакомство будетъ. Выпейте

чаю, обождите; какъ молодцы придуть за обѣдомъ, накажу имъ, чтобы Якова Захарыча извѣстили, онъ живо явится, вы и поговорите съ нимъ о дѣлѣ, а пока съ нами побесѣдуйте, право. Да гдѣ же Марина-то? Степанъ, ладь чай скорѣе!

— Готовлю,—отозвался Степановъ голосъ изъ кухни.

Въ двери, подпрыгивая и сѣменя ногами, вошло небольшое существо въ яркомъ платьѣ и платкѣ поверхъ кокетливо растрепанной прически, оно шипѣло и дѣлало привѣтственные жесты маленькими ручками, не то танцуя, не то присѣдая.

— Неужели Марина такъ измѣнилась?— подумалъ Пардовъ, но хозяйка персбила его мысли, заявивъ:

— А вотъ Осклуша, родственница наша, будьте знакомы. Иди, мать, готовь закуски, гости останутся. Мадеры не забудь выставить.

Осклуша, ослабившись, что-то прошипѣла, на что Ольга Ивановна отвѣтила:

— Послѣ поспѣемъ, ничего.

— Она—нѣмая?—спросилъ Юсифъ, когда Осклуша ушла.

— Нѣмая? Нѣтъ; дырочка въ нѣбѣ съ чего-то у нея сдѣлалась, вотъ шипѣ по-

шелъ и половины буквъ не выговариваетъ; мы ее понимаемъ; докторъ говоритъ, можно вылѣчить и тогда тотчасъ въ Москву замужъ ее отдадимъ, женихъ ужъ припасенъ.

Викторъ вдругъ громко разсмѣялся; отчимъ глянулъ было на него строго, но хозяйка сама, раскатившись дробнымъ и высокимъ смѣшкомъ, проговорила:

— Смѣйтесь, смѣйтесь! Еще сами не вздумайте ее у жениха отбивать; это просто, а Феклуша—невѣста богатая,—и снова залилась. Смолкнувъ, она встала, и чинно поклонясь, сказала:—Милости просимъ закусить, и чайку откушать!

— Напрасно, право, вы беспокоитесь, — началъ было Юсифъ, но та, снова кланяясь, повторила:—Милости просимъ, не обидьте.

Въ столовой было еще не все готово, и Фекла со Степаномъ суетились, разставляя бутылки и тарелки съ селедками, грибами, пастилой и пряниками. Окинувъ взоромъ столъ, Ольга Ивановна, обратилась къ гостямъ, прося ихъ сѣсть, потомъ велѣла молодцу позвать Марину. За столомъ пили и ѣли, хозяйка подливала вина гостямъ и Феклушѣ, не забывая и себя, смѣясь и болтая. Ей было лѣтъ 35; черты ея очень бѣлаго, безъ кровинки, лица были неправиль-

ны, но прїятны; три родники, темные влажные глаза, красный ротъ и черные, какъ смоль волосы еще усиливали блѣдность лица, надъ которой не были властны даже вышата мадера и жара въ горницѣ; бѣлыми, пухлыми руками она сжеминутно поправляла все сползавшій красный платочекъ. Нечленораздѣльное шипѣнье Феклуши становилось болѣе понятнымъ обвыкшимъ нѣсколько гостямъ. Говорили и смѣялись о какихъ-то людяхъ, приключенїяхъ, уловкахъ, случаяхъ, забывая, что новымъ посѣтителемъ мало извѣстны всѣ обстоятельства, дѣлавшія положенїя смѣшными. Почти не замѣтили, какъ вошла Марина; покосившись на столъ, она прямо подошла къ Іосифу съ Викторомъ и сказала:

— Вотъ кого не чаяла встрѣтить! Богъ привелъ. — Помолчавъ, прибавила: — Какъ супруга ваша, Екатерина Петровна, тетушка и барышня Софья Карловна?

— Ничего, благодарю васъ, — отвѣчала Іосифъ, смотря безъ улыбки на Марину, мало измѣнившуюся. Марина не вступала въ общій разговоръ, а только пила, чашку за чашкой, чай съ вареньемъ; больше ничего не пила и не ѣла. Вернувшійся хозяинъ съ шуриномъ нѣсколько удивился, увидя такое ожи-

вленіе у себя въ домѣ. Зыковъ былъ рыжъ, косилъ на одинъ глазъ, былъ суетливъ и любезенъ; въ братѣ же Ольги Ивановны, молча прошедшемъ во внутренніе покои, Іосифъ узналъ высокаго старика, съ которымъ встрѣтилъ тогда ночью Марину. О дѣлѣ поговорили мелькомъ; посмотрѣли иконы и обѣщали придти еще разъ. Хозяева усипенно приглашали, Марина все молчала, но вышла на лѣстницу и, остановивъ Іосифа, сказала:

— Не легко вамъ, голубчикъ!—Видя, что тотъ не отвѣчаетъ, она продолжала.—Не отпирайтесь! Мнѣ и самой трудно, а приходите къ намъ чаще, будетъ легче и вамъ и мнѣ.—Помолчавъ она еще сказала:— Спасъ Самъ спасетъ насъ, а я скоро умру. Приходите, Павелъ Григорьевичъ.

Лицо и голосъ ея были спокойны и сама она мало чѣмъ измѣнилась, но слова звучали убѣдительною, не отъ нихъ зависящею.

Когда они рассказывали Броскину о своемъ визитѣ и Викторъ хвалилъ Зыкову, Саша молвилъ:

— Хороша-то она хороша, а все-таки мужа на тотъ свѣтъ спроводила.

— Ее же оправдали, можетъ быть такъ, подозрѣніе одно.

Саша повель глазами и не спѣша прибавилъ: «повѣрьте».

VII.

Давно уже была куплена «Неопалимая Купина» и продана съ барышомъ дальше, давно уже наступили зимніе дни, а Іосифъ все ходилъ къ Зыковымъ, прилѣплясь къ нимъ душою, ища «куда бы голову склонить». И къ нему привыкали, не стѣснялись; Яковъ Захарычъ повѣрялъ ему свои торговныя дѣла, запутанныя и не весьма благопріятныя; Ольга Ивановна и Феклуша безъ утайки рассказывали о своихъ тайныхъ выѣздахъ и пирушкахъ, иногда во-влекая и его, молодцы ему жаловались на хозяевъ и другъ на друга, хозяева — на нихъ, и даже высокій старикъ уже не такъ строго взглядывалъ на него и иногда говорилъ «отъ божества». Іосифъ бывалъ и въ магазинѣ, ходилъ ко всенощной въ молельную, игралъ въ стуколку, пѣлъ, пилъ, скучая, когда долго не бывалъ въ ихъ скромной квартирѣ съ половиками и лампадами. Какъ это ни странно, Марина менѣе другихъ бывала съ Пардовымъ, не всегда даже выходя изъ заднихъ комнатъ. Говорила она мало и слова все обычныя, но все

Большая жалость и грустная нѣжность сквозили въ нихъ и Иосифа чѣмъ-то безпокоили. Онъ и вообще чувствовалъ себя непокойно, но старался не думать объ этомъ. Дома онъ только почевалъ, да и то не всегда, Соню даже, Богъ знаетъ, какъ давно не видѣлъ; ходилъ только къ Зыковымъ, къ Броскину, да по трактирамъ. Лицо его опухло и измялось, подъ сердцемъ сосало, и временами трсвога дѣлалась испереносною. Зима значилась только въ календарѣ, а на дѣлѣ былъ дождь, темнота и сырое тепло.

Въ одинъ особенно сырой и темный день встала Екатерина Петровна, очевидно, съ лѣвой ноги, — такъ все ссредило ее и раздражало. Впрочемъ, еще наканунѣ, вернувшись откуда-то, она была на себя не похожа, даже все лицо пошло пятнами; не обѣдая, она просидѣла за столомъ, пока приносили и уносили блюда не тропузыми, не отвѣтила на разспросы горничной о здоровьѣ, написала сколько-то писемъ, сама ихъ отдала посыльному и заперлась у себя въ спальнѣ съ десяти часовъ. Утромъ встала еще мрачнѣе, одѣлась какъ для выхода, но осталась дома ходить по длинному ряду комнатъ. Раздавшійся звонокъ остановилъ ее прогулку; она не пошла въ переднюю, а до-

ждалась, когда сама Леля вошла къ ней. Пардова, быстро подошла къ гостьѣ и почти не здороваясь, увлекла ее въ дальній уголъ на диванъ и сразу заговорила вполголоса:

— Леля, собери всѣ свои силы; я вчера все выяснила; я видѣла послѣ тебя Сергѣя Павловича, я не знаю, кто изъ васъ больше любить, но для него тебѣ должно быть готовой на рѣшительный шагъ.

Дѣвушка будто не слушала дальше; вся вспыхнувъ, она повторяла только:

— Онъ меня любить! Онъ меня любить! Можетъ ли это быть?

— Успокойся и слушай дальше: ты должна будешь бѣжать съ нимъ на время, покуда все не уладится. Ты это сдѣлаешь для него: понимаешь? Я готова вамъ помочь въ этомъ. Согласна ли ты?

— Да, да! Онъ меня любить, Боже мой!

— Но, Леля, услуга за услугу: вчера у тебя ничего не было, помнишь? Ничего не произошло.

Леля сразу потухла и, глядя на пристальный Катинъ взоръ, повторила: «ничего не произошло».

— Ничего не произошло. У тебя была я, былъ Викторъ, былъ Иванъ Павловичъ, но

ничего не произошло. Виктора вызвала я, не желая принимать его у себя на квартирѣ, мы поговорили, и больше ничего.

— Больше ничего,—какъ это отозвалась слушавшая.

— Леля, я говорю серьезно,—не спуская глазъ съ гостыи, продолжала Пардова,—вчера ничего не было. Я могу и оставить насъ въ покоѣ съ Сергѣемъ Павловичемъ: дѣлайте, какъ знаете.

— Какъ! нѣтъ! нѣтъ: что мы можемъ одни! Вчера ничего не было,—прибавила она съ заминкой.

— Помни.

— Помню.

— Кто-то идетъ,—проговорила Пардова выходя въ переднюю на новый звонокъ. Долго пробывъ тамъ, она вернулась съ Егеревымъ; казалось, онъ былъ не тѣмъ гостемъ, для котораго Екатерина Петровна надѣла выходное платье. Входя, они кончили начатый, очевидно, въ передней разговоръ.

— Вы думаете, ничего не выйдеть?—спрашивалъ кавалеръ.

— Конечно, никто же не видѣлъ!

— А Леля?

Катя ничего не отвѣтила, только промол-

чавъ, прибавила:—Меня больше беспокоитъ, что ничего не вышло, чѣмъ то, что выйдетъ.

— Все-таки я не понимаю, какъ онѣ очутились у Виктора, когда вы ихъ сожгли?

— Онѣ взялъ ихъ раньше; я вамъ говорила.

Теперь уже собесѣдникъ промолчалъ. Леся сидѣла вся красная неподвижно, обѣими руками стараясь удержать бьющееся сердце. Почему-то безъ звонка явился Гюсифъ, онъ былъ въ видимомъ волненіи и, наскоро поздоровавшись съ гостями, громко сказалъ женѣ.

— Катя, мнѣ необходимо поговорить съ тобою.

— Подожди, найдемъ время.

Но тотъ настаивалъ.

— Меня это слишкомъ тревожитъ, чтобы откладывать; если можно, сейчасъ.

Лицо его было вздуто, глаза, блуждая, не хорошо блестѣли.

Иванъ Павловичъ сказалъ:

— Екатерина Петровна, вы не стѣсняйтесь; мы съ Еленой Ивановной вѣкъ подождемъ.

— Какой вздоръ! Я знаю, что не къ спѣху.

Иосифъ, задыхаясь, проговорилъ:

— Катя, я тебя прошу сейчасъ же отвѣтить мнѣ.

Но та его перебила, вдругъ возвысивъ голосъ.

— Это мнѣ надоѣло! Вы шлетесь Богъ знаетъ гдѣ, пропадаете дни и ночи и являетесь только, чтобы дѣлать сцены при постороннихъ.

— Если я не бываю дома, то потому, что мнѣ невозможно терпѣть больше! Всякій въ правѣ желать покоя и ласки.

— Ну, и ищите ихъ, гдѣ хотите, если дома вамъ ихъ недостаточно.

— Катя, перестань, прошу тебя, и дай мнѣ полчаса поговорить съ тобою.

— Идти.

Если вступилась было, но тотчасъ смолкла. Тогда Пардовъ, обведя глазами стѣны, сказалъ:

— Ну, тѣмъ лучше: я здѣсь спрошу васъ всѣхъ, что произошло вчера у Дмитревскихъ?

— Ничего, — быстро отвѣтила Пардова, скидывая глаза въ упоръ на мужа.

— Ничего?

Усмѣхнувшись, Катя сказала.

— Я вызвала туда Виктора, не желая его принимать здѣсь и говорила съ нимъ;

случайно зашелъ Иванъ Павловичъ, дома была только Леля, вотъ и все.

Съ несвойственной ему какой-то яростью Иосифъ подхватилъ:

— Вотъ и все? Ты говоришь, все? А не ты ли хотѣла силой отнять у Виктора какія-то бумаги, нарочно заманя въ мышеловку, и вдвоемъ чуть не придушили его? Сознайся!

— Выдумка, — спокойно отвѣтила Катя, будто не замѣчая волненія мужа.

— Вамъ дали не совсѣмъ точныя свѣдѣнія, — замѣтилъ и Егеревъ.

Тогда Иосифъ бросился къ Лелѣ, все сидѣвшей на диванѣ, и, опустясь на полъ, отвелъ ея руки отъ бьющагося сердца и, задыхаясь, спросилъ.

— Ты, Леля, ты не солжешь. Развяжи меня, скажи, какъ было дѣло, вѣдь ты была тамъ, ты должна знать.

Леля, смотря въ потолокъ мимо глазъ Иосифа, съ трудомъ заговорила.

— Я не знаю, я не помню, я умираю — оставь меня Жозефъ.

— Какъ не поминишь? Это же было только вчера. Вспомни.

— Катя только говорила съ Викторомъ, больше ничего не было.

— Ты даешь слово?

— Больше ничего не было, — повторил
Леля и закрыла глаза.

Не вставая, Иосифъ обратился къ вошедшей Сонѣ.

— Соня, что дѣлають со мною! Такъ низко поступивъ съ Викторомъ, хотятъ еще его оклеветать, поссорить со мною!

Легкою поступью подойдя къ нему, Соня прошептала.

— Не вѣрь. Викторъ здѣсь. Я все знаю, но самъ ты, что съ тобою, Жозефъ?

Иосифа уже начинало ломать и корчить; Екатерина Петровна закричала:

— Кто позволилъ Виктору приходить сюда? Это домъ мой! Я не могу выносить больше! Меня оскорбляютъ и приходятъ сюда только, чтобы разыгрывать разныя сцены!

Иосифъ выкрикивалъ съ хрипомъ.

— Я самъ не могу! Катя! Вернись, не будь зла! Ахъ, Андрей!..

Онъ вдругъ закричалъ какимъ-то не своимъ, но, казалось, настоящимъ голосомъ и съ пѣной у рта упалъ совсѣмъ на полъ. Леля вскочила было, но, не рѣшаясь перешагнуть черезъ бившагося Иосифа, снова опустилась на диванъ, подбирая ноги. Въ

двери вошелъ Викторъ, и его лицо подергивалось.

Мать закричала:

— Вонъ! Еще бѣсноватый! Кто тебя звалъ? Это прямо сумасшедшій домъ!

Викторъ, подойдя къ Екатеринѣ Петровнѣ, вынулъ бумаги и показалъ, крѣпко держа.

— Эти?—спросилъ онъ вполголоса.

— Ахъ, почему я знаю?—вскричала Пардова, все-таки кинувъ взглядъ на листки. Викторъ молча сталъ рвать ихъ на мелкіе куски и понесъ къ топящейся печкѣ. Не сразу отворивъ ее, онъ выронилъ два-три куска; Иванъ Павловичъ, спѣшно нагнувшись и посмотрѣвъ сказалъ: «онѣ самыя». Всѣ молча смотрѣли, какъ горѣла легкая бумага, свертываясь въ черныя трубки съ сѣрыми строчками. Соня растегивала воротъ Іосифу, накрывъ лицо его платкомъ. Поднявшись, Викторъ прибавилъ:

— Да, Броскинъ ждетъ отъ тебя денегъ.

— Онъ не исполнилъ своего обѣщанія.

— Онъ сказалъ правду, я только сегодня не взялъ бумагъ съ собою по его совѣту.

— Подлецъ!—прошептала Катя.

— Прощайте; надѣюсь, вы меня оставите теперь въ покоѣ?—сказалъ Викторъ, берясь за дверную ручку.

— Съ Богомъ!—отвѣтила мать.

Соня, молчавшая все время, обратилась къ хозяйкѣ:

— Пошлите за докторомъ, и потомъ Жозефъ не можетъ больше оставаться здѣсь, вы понимаете?

— Я сама этого не хочу; мнѣ невыносимо.

Соня, глянувъ на нее, сказала:

— Онъ переѣдетъ пока ко мнѣ, потомъ подумаемъ.

Раздался новый звонокъ; вошли Нелли и Петръ Павловичъ. Катя молча и горестно указала на лежавшаго Юсифа, на Соню около него, и склонилась на плечо дамѣ, горько плача. Леля же все смотрѣла на бѣлый платокъ, покрывавшій лицо лежавшаго, одной рукой держась за ноги, чтобы онѣ не опустились на полъ, другою проводя по лбу, будто обирая невидимую паутину или что вспоминая. Прислуга, не получивъ отвѣта на стукъ, сказала черезъ дверь:

— Бариня, кушать подано.

Но всѣ оставались въ прежнихъ позиціяхъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Вернувшаяся на этотъ разъ съ особенною силою болѣзнь Юсифа продержала его дольше, чѣмъ онъ и Соня предполагали, соединясь еще съ простудою и родомъ горячки. Такъ что до самаго поста онъ жилъ въ небольшой квартирѣ своей кузины, что его очень стѣсняло, и откуда онъ рвался, несмотря на увѣренія Сони. Наконецъ она уступила, и Юсифъ, не совсѣмъ еще оправившійся, переѣхалъ къ Зыковымъ, имѣвшимъ свободную комнату Оеклуши, уѣхавшей въ Москву, хотя и съ непоправленнымъ нѣбомъ. Соня нѣсколько разъ заходила къ Зыковымъ, заботясь все, удобно ли и спокойно ли будетъ тамъ Юсифу. Не совсѣмъ, кажется, убѣдившись въ этомъ, она тѣмъ не менѣе согласилась перевести туда

Большого, проводя большую часть времени у него. Съ Ольгой Ивановной Соня какъ-то сошлась, но Марина держалась въ сторонѣ, хотя и ходила часто во время болѣзни Юсифа въ Сонины три маленькія комнатки. Теперь и Соня отдѣлилась ото всѣхъ, только изрѣдка и черезъ третьи руки узнавая новости. Новостей было не очень много, но все же были. Леся скрылась куда-то и, приславъ письмо изъ Германіи, просила ее не искать и адреса своего не сообщила; уѣхалъ и Адвентовъ; зато вернулся Андрей Фонвизинъ, но зашелъ къ Юсифу только разъ, посидѣвъ съ полчаса и сказавъ на прощанье: «Вы не тревожьтесь, все идетъ такъ, какъ нужно», больше не приходилъ. Говорили, вообще, что онъ нигдѣ не бываетъ, кромѣ какъ въ полку, а все сидитъ дома и читаетъ духовныя старыя книги. Но Екатерина Петровна — та вездѣ, гдѣ могла, бывала, была дѣятельна и оживленна, храня оскорбленный и серьезный видъ; особенное рясніе выказывала къ дѣламъ Неллины общества и, вообще, съ тетушкой ихъ стало водой не разлитъ. Дѣло о наслѣдствѣ привелось къ окончательному совершенію, такъ что не сегодня, завтра Юсифъ могъ бы получить его, но другое дѣло, затѣян-

ное уже Екатериною Петровною, тоже быстро шло впередъ, хотя ни Соня, ни Пардовъ не знали точно, въ чемъ оно заключается. Иосифъ, вообще, какъ-то измѣнился, ничѣмъ не интересовался, все больше лежалъ, глядя на красный огонь лампадки и часто не отвѣчая на вопросы; но былъ тихъ, не спорилъ, о женѣ не вспоминалъ, или говорилъ спокойно, игръ — тоже не пѣлъ. Викторъ даже скучать сталъ, глядя на отчима, а Соня часто взглядывала опасно на Иосифа, когда онъ, руки подъ голову, глядѣлъ, не моргая, на старый Спасовъ окладъ.

— Ты что? — спросилъ онъ, поймавъ взоръ на себѣ и улыбаясь ласково.

— Я ничего: тебѣ скучно, Жозефъ? Хочешь я тебѣ почитаю?

— Почитай, только мнѣ не скучно, хорошо; посиди лучше такъ.

Когда Марина случайно входила и видѣла Иосифа въ такомъ положеніи, она молча и радостно крестилась и неслышно уходила, не выдавая, что была. Каждый день часовъ въ пять Марина приносила «Прологъ» съ застѣжками и нараспѣвъ читала житія слѣдующаго дня, не спрашивая, хочетъ ли Иосифъ слушать и не заботясь

о томъ, слушаетъ ли онъ. Хотя онъ часто и лежалъ не двигаясь и безучастно, но вдругъ черезъ нѣсколько иногда дней заданный вопросъ показывалъ, что онъ все слушаетъ и все помнитъ. Въ эти часы Соня рѣдко бывала, но когда бывала, то Марина все равно читала при ней. Иногда приходилъ старикъ, Ольга Ивановна или кто изъ молодцовъ. Дѣлать это Марина не пропускала никогда, хотя она сама была все менѣе и менѣе здорова, такъ что только видая ее каждый день, можно было не замѣчать, какъ она измѣнилась. Длинные постные службы еще болѣе брали ея силы; наконецъ, она совсѣмъ расхворалась и позванный, несмотря на протесты больной, докторъ велѣлъ ей сидѣть дома, прибавивъ, что недѣли черезъ двѣ все пройдетъ. По его уходѣ Марина тихонько, разсмѣявшись, сказала:

— Чудно, дяденька, говоритъ онъ, что недѣли черезъ двѣ все пройдетъ, а не видить того, что все равно, выходя или не выходя, я до Пасхи протяну, а тамъ помру.

Старикъ отвѣтилъ:

— Это никому неизвѣстно.

— Помни мое слово,—молвила Марина и отвернулась къ стѣнкѣ, не то заснула, не то заплакала.

Въ пять часовъ зашелъ къ ней Іосифъ и сталъ говорить что-то, топчась на мѣстѣ. Послушавъ нѣкоторое время, больная улыбнулась и спросала:

— «Прологъ» почитать, что ли?

— А вамъ нетрудно будетъ?

— Стоитъ ли говорить объ этомъ! Достаньте съ сундука.

— Какъ у васъ славно тутъ!—проговорилъ Іосифъ, въ первый разъ войдя въ ся комнату, куда были помѣщены всѣ большіе, слишкомъ громоздкіе для парадныхъ горницъ иконы и сундуки.

— Чѣмъ не келья?— отвѣтила Марина и, сѣвши на постель, начала чтеніе. Окончивъ, она спросила:—Скучно было безъ книги?

— Да, привыкъ я, знаете ли, и потомъ это успокаиваетъ.

— Не то вы говорите, Іосифъ Григорьевичъ! если бъ я говорить умѣла... но, можетъ, вы такъ поймете. Возьмемъ монастырь: службы всѣ въ одно время, встаютъ тоже, работаютъ, трапезуютъ тоже — и жизнь дѣлается легка и красна, какъ въ раю. Или нашихъ стариковъ—не то же ли? И вы—не одни. Усердіе въ молитвѣ у всѣхъ разное, сколько людей, столько душъ, всѣ—

отличны, а слова, оказательство и время— одно, всѣ вмѣстѣ крѣпко стоятъ и самъ себя не теряешь; такъ и во всемъ. Не дивно ли? А захочешь самъ помолиться, уйди къ себѣ, или при всѣхъ сидя, ходя, въ пути, за работой про себя воздохни, но это— совсѣмъ другое и одного этого мало. А гдѣ уже двое или трое во имя Мое, тамъ и Я посреди нихъ.

Марина устала съ непривычки такъ долго говорить и умолкла; помолчалъ и Юсифъ, потомъ прибавилъ съ трудомъ:

— Я ищу, я ищу, гдѣ бы найти крѣпость, а то какъ соломинка, что вѣтеръ носить. Трудно, Марина Парѣеновна! Прежде легче было... Я не о женѣ говорю, а о жизни.

— Да и о женѣ тоже много чего можно сказать... конечно, трудно, а тамъ легко все и радостно.

— Марина, какъ вы молитесь?

— Что это?

— Ну, какъ вы стоите, какъ руки держите, какія молитвы читаете?

— Ахъ, это! Ну, постойте я вамъ покажу.

Такъ какъ она лежала одѣтою, она поднялась, взяла лѣстовку, бросила подручникъ и, вполголоса зачитавъ молитвы, стала скло-

няться въ легкихъ безшумныхъ поклонахъ, будто не касаясь земли. Иосифъ тихо спросилъ:

— Такъ?—и, взявъ изъ Марининыхъ рукъ лѣстовку, сталъ самъ класть поклоны; та смотрѣла серьезно, иногда поправляя:

— Обѣими колѣнами заразъ надо... не стучайтесь объ полъ... такъ... такъ...

Когда онъ всталъ въ испаринѣ, Марина сказала:

— Уморились? Это съ непривычки; если положить поклоновъ сорокъ, пожалуй, спина заболитъ сначала, а потомъ тѣло станетъ легкимъ и чувствовать себя забудете, будто окрылитесь.

Тутъ вышла Соня, всегда, будто умышленно, пропускавшая чтеніе «Пролога»; она удивилась, увидя Марину на ногахъ, но та выходя сказала:

— Пойду по хозяйству, безъ Оеклуши трудно Ольгѣ Ивановнѣ одной справляться; завтра надо кресты печь.

Дѣйствительно, съ отъѣздомъ шипящей Оеклы, Ольгѣ Ивановнѣ во многихъ отношеніяхъ было труднѣе, но если дома ей помогала Марина, то въ увеселительныхъ вылазкахъ почти вполнѣ замѣнила прежнюю наперстницу нѣкая Капа, или Капитолина Оедоровна, жена одного изъ сосѣдей Зы-

кова по магазину. Разница была только та, что теперь Ольга Ивановна чаще отлучалась изъ дому, такъ какъ Капа не всегда могла сама обрѣтаться у нея.

Однажды, когда Іосифъ не лежалъ на кровати, а сидѣлъ, читая данный ему Мариною «Домашній Уставъ», къ нему вошла, очевидно, только что вернувшаяся съ прогулки, Зыкова. Войдя уже, спросила:

— Можно?

— Пожалуйста, — отвѣтилъ Іосифъ и подвинулся на диванъ, будто приглашая посетительницу сѣсть.

Она и сѣла и заговорила нараспѣвъ:

— Что вы все дома сидите, Іосифъ Григорьевичъ? Бывало ѣздили съ нами, а теперь никогда.

— Вы сами знаете, Ольга Ивановна, я былъ боленъ, потомъ, вообще такія неприятности! До веселья ли?

— Да полноте, плюньте на всѣ эти неприятности! вотъ невидаль! И стоитъ изъ-за этого такому молодцу дома кваситься? Я бы на вашемъ мѣстѣ такъ разгулялась бы! Человѣкъ вы въ родѣ какъ свободный. А?

— Не то у меня на умѣ, Ольга Ивановна, и мнѣ не скучно.

— Повѣрила я! Ну какъ не скучно весь

день одному на кровати лежать, да со старыми дѣвками бесѣдовать?

— Съ какими старыми дѣвками?

— Съ Софьей Карловной да съ нашей Мариной.

— Соня не старая, а Марина Паресновна—вдова, а не дѣвушка.

— Все равно: обѣ — Боговы, вы меня извините, я выпила немного.

— Ничего, пожалуйста.

— А какъ мнѣ жалко васъ, если бы вы знали! Была бы моя воля...

— Ну что же бы вы сдѣлали?

— Это ужъ я знаю, что бы я сдѣлала.

Они помолчали, Ольга Ивановна долго смотрѣла на лампу, прищуривая темные безъ блеска глаза и, наконецъ, сердито проговорила:

— Вы думаете, что монахомъ живете, такъ о васъ говорить не будутъ? Вотъ про покойнаго мужа чего только не плели!

— Все вздоръ плели?—спросилъ Юсифъ, вдругъ остро взглянувъ на Ольгу Ивановну, но та только повторила.

— Чего только не плели! И про васъ тоже будутъ.

— Да мнѣ все равно, говорятъ ли про меня и что говорить.

Гостыя встала, прошла немного и, снова подойдя къ оставшемуся сидѣть Іосифу, сказала:

— Голубчикъ, поѣдемте завтра погулять.

— Развѣ вамъ не съ кѣмъ ѣхать?

— Да васъ-то очень жалко, ну поѣдемъ, милыи; вы и пить-то что-то перестали, шнокъ, чистый шнокъ!

И она, разсмѣявшись, вдругъ обвила его за шею и поцѣловала въ губы. Слегка отстранивъ ее, Іосифъ сказалъ:

— Не надо, Ольга Ивановна.

Та походила еще и, круто повернувшись на каблукахъ, остановилась, спрашивая:

— Вы, Іосифъ Григорьевичъ, все еще свою жену любите?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ спокойно.

Ольга Ивановна спокойно проговорила:

— Какъ же тогда? Я ничего не пойму кого же вы любите?

— Никого,—былъ отвѣтъ.

Ольга Ивановна разсмѣялась, говоря:

— Вотъ новости! Не скажетъ никто этого, глядя на васъ!

Іосифъ серьезно замѣтилъ:

— Мнѣ опять-таки все равно, что обо мнѣ скажутъ и чего не скажутъ.

Гостыя, присмирѣвъ, сказала на прощанье:

— Ну, какъ хотите, я пожалѣть васъ хотѣла, не обезсудьте.

— Ничего, Ольга Ивановна, ничего; спокойной ночи,— сказалъ Иосифъ и снова принялся за книгу.

II.

Соня, Иосифъ и всѣ Зыковы сидѣли за чаемъ, мирно бесѣдуя, когда съ шумомъ, не снявъ пальто и шапки, въ комнату вошелъ Викторъ и взволнованно объявилъ:

— Господа, знаете, Адвентовъ застрѣлился.

Старикъ замѣтилъ:

— Шапочку бы сняли, — указывая на образа.

Викторъ фыркнулъ, но смялъ.

Иосифъ, будто не разслышавъ, переспросилъ:

— Ради Бога, что ты говоришь, Викторъ: Адвентовъ застрѣлился? Гдѣ? Когда?

— Я прочиталъ въ газетахъ; не думаю, чтобы это было вранье.

— Это правда,—тихо подтвердила Соня.

— Мы газетъ не читаемъ,— опять замѣтилъ старикъ.

— Да, да, что-то въ «Листкѣ» сегодня

было; они писатель были, за границей это случилось—вступился Яковъ Захарычъ.

— Не можетъ быть, не можетъ быть! Не вѣрю,—бормоталъ Юсифъ.

— Нѣтъ, Жозефъ, это правда, я знаю, я скажу тебѣ потомъ,—твердила Соня.

— Что же ты мнѣ не сказала?

— Не хотѣла тебя сразу тревожить.

— Сродственниковъ вамъ былъ?—спрашивала Ольга Ивановна.

— Нѣтъ, но хорошій знакомый.

— Что же они нездоровы были или разстройство какое получили?—не унималась Ольга Ивановна.

— Да, разстройство. Онъ вообще былъ очень несчастный человѣкъ,—отвѣчала Соня.

— Вѣтка, вихремъ носимая!—прошептала Марина.

— Жаль, жаль. Если не Господь хранить домъ, напрасно стражъ бодрствуетъ,—произнесъ старикъ.

— Онъ былъ вѣрующій и по-своему набожный человѣкъ,—отвѣчала Соня.

— А церкви какой онъ былъ?

— Православной.

— Мы всѣ православные,—улыбнувшись, замѣтилъ дядя и продолжалъ: — Неужто же онъ не нашелъ никакого священника,

котораго бы онъ чтилъ и который бы запретилъ ему малодушничать?

— Я не знаю; вѣроятно, нѣтъ; онъ былъ за границей и ему было слишкомъ тяжело.

— Простите, барышня, это просто трусость и большой грѣхъ—такъ поступать.

— Трудно другихъ судить, — какъ-то стыдясь, замѣтила Соня.

— Конечно, одинъ Богъ ему судья, вы простите меня.

— Вы говорили, какъ должно: въ чемъ же мнѣ васъ прощать?

— Жозефъ, пройдемъ къ тебѣ, если можно.

— Я не могу въ себя придти!—твердила Иосифъ, вставая.

— Навѣрно, бабочка какая-нибудь напортила вашему знакомому!—сказала имъ вслѣдъ Ольга Ивановна.

— По себѣ судите? — откликнулся Викторъ.

Какъ только они остались втроемъ, Иосифъ бросился спрашивать Сою о причинахъ смерти Адвента.

— Я знала это; это было вѣдь дней пять тому назадъ, на-дняхъ его привезутъ сюда.

— И ты могла молчать? Грѣхъ тебѣ, Соня!

Не останавливаясь, та продолжала:

— Онъ писалъ мнѣ передъ своимъ... передъ тѣмъ, какъ хотѣлъ это сдѣлать. Онъ говорилъ, что очень обманулся въ томъ, на чемъ хотѣлъ построить свою дальнѣйшую жизнь, свое счастье, и что ему ничего нѣтъ въ будущемъ; что этимъ обманомъ вычеркнуто и все прошлое.

— Но что же это? Что же это?—воскликнулъ Иосифъ,—а его искусство? И потомъ, не старикъ же онъ.

— Да, онъ не старъ, но и не такъ уже молодъ, и потомъ, онъ свою личную жизнь ставилъ ближе къ себѣ, чѣмъ искусство; онъ былъ очень одинокъ послѣднее время. Я его не оправдываю, но понимаю. Представь себѣ, что ты бы любилъ кого-нибудь и строилъ на этомъ чувствѣ будущее, а потомъ бы оказалось, что тебя не только не любятъ и не любили, но и не могли любить?

— Соня, Соня, замолчи, что ты говоришь мнѣ?

— Прости, Жозефъ, я вовсе не о тебѣ думала и развѣ твое положеніе таково же?

— Просто, Михаилъ Александровичъ оказался слабѣе, чѣмъ мы думали,—рѣшилъ Викторъ.

— Что ты, Викторъ, объ этомъ знаешь? Одного не было у него, безъ чего всѣ мы погибнемъ,—сказаль Іосифъ.

— Вѣры? — подхватила Соня, — да, вѣра спасетъ и сохранить насъ!

— Тебя, Соня, вѣра спасетъ и сохранить, потому что ты—силачъ, а мнѣ ея мало, мнѣ для счастья, для спасенія нужно еще...

— Что? — тихо спросила Соня.

— Не знаю, какъ назвать... что-то объятное, что меня бы держало и что бы я могъ держать... и что лежить не во мнѣ...

— Церковь? —спросила еще тише Соня.

— Можетъ быть, —согласился Іосифъ.

Соня умолкла, только Викторъ метался изъ угла въ уголь. Потомъ дѣвушка сказала задумчиво:

— Можетъ быть, ты и мои силы преувеличивашь, Жозефъ?

— Я былъ бы очень радъ.

— Чему?

— Мы были бы равнѣе, ближе.

Соня только поцѣловала его, улыбувшись. Іосифъ былъ слишкомъ разстроены, чтобы оставаться дома. Хотя онъ не выражалъ своего волненія, но вышелъ съ пасынкомъ къ Сашѣ. По дорогѣ онъ робко спросилъ:

— Ты, Викторъ не знаешь: Сергѣй Павло-

вичъ былъ не при чемъ въ этомъ несчастіи съ Адвентовымъ?

— Какъ не при чемъ? Я только при Сонѣ говорить не хотѣлъ, хотя, конечно, она и сама это отлично знаетъ. Адвентовъ же жилъ съ Беззакатнымъ, а потомъ, оказалось, что твоя жена его сосватала съ Дмитревской и устроила побѣгъ.

— Они же любили другъ друга...

— Ахъ, оставь, пожалуйста! Не знаю я Сережу Беззакатнаго! Какъ Михаила Александровича онъ нисколько не любилъ, такъ и Лелю не любить.

— Кого же онъ любитъ?

— Дѣвокъ!

— Значить, лучше вышло, что часть правды открылась?

— На что лучше?

— Я ничего не понимаю.

— Одурѣлъ ты совсѣмъ со своими ми-роносицами.

Такъ какъ они дошли уже до дверей Броскина, то разговоръ прекратился. У Броскиныхъ было какое-то волненіе, повидимому, скорѣе пріятное.

— Что случилось?—освѣдомился Викторъ.

Саша промолчалъ, но Марья Ильинична изъ сосѣдней комнаты заговорила:

— Ужъ такія дѣла случились! Васю, Липде, Ссню и Ираидку забрали, наврядъ выпутаются: придется на казенной квартирѣ посидѣть, а то и прогуляться по столбовой дорожкѣ.

— Въ чемъ же ихъ уличили?

— Въ хорошихъ дѣлахъ значить.

— Обворовали они одного барчука,— добавилъ Саша.

— Давно ихъ взяли?

— Только сегодня утромъ.

— Трудно оправдаться? — спросилъ изъ вѣжливости Юсифъ.

— Никакъ невозможно,— радостно подтвердилъ Броскинъ.

— Вы-то чему радуетесь? — спросилъ Викторъ сердито.

— Я не радуюсь; смѣшно очень на ихъ глупость.

— Вы очень умны!

— А что жс?

— Все же вамъ Екатерина Петровна денегъ не заплатила.

— Заплатить,—увѣренно сказалъ Саша.

Жена добавила, будто, чтобы прекратить пререканія:

— Вася-то, пожалуй, освободится.

— Почему?

- Потому—союзникъ.
- Ну, это, матушка, теперь не защита.
- Все-таки.
- А вы, Александръ Алексѣевичъ, союзникъ?—спросилъ Юсифъ.
- Союзникъ,—отвѣчалъ тотъ.
- Отчего, для безопасности?
- Нѣтъ, напрасно вы такъ думаете. Я вамъ объясню, почему я—союзникъ.
- Пожалуйста.
- Потому что я желаю себѣ свободы и нахожу, что жить при старомъ порядкѣ, при крѣпкомъ, гораздо вольнѣе и свободнѣе.
- Я васъ не понимаю...
- Да вздоръ, гдѣ же понять?—отозвался Викторъ.
- Это очень долго объяснять, а я знаю. Если вы имѣете паспортъ и особенно не безобразите, васъ никто не трогаетъ и не желаетъ противъ вашей воли ничего съ вами дѣлать.
- Ну а при повомъ, что же?
- Теперь еще ничего, а если все будетъ, какъ они хотятъ, то всѣхъ подъ одинъ калибръ подведутъ, какъ стертые гроши, и шагу безъ опеки ступить не дадутъ. Только этого не будетъ. Если же кто умнѣе или чѣмъ отличается, его уничтожатъ.

— Какъ же, часто руководятъ люди выдающіеся?

— Такъ это до поры до времени, или они сами хитрятъ: отъ одной власти освобождаютъ, чтобы самимъ еще худшую забрать.

— Заврались вы, Александръ Алексѣевичъ; пойдемъ, Жозефъ, лучше въ «Дунай»...

— Постой. Что же вы и жидовъ бьете?

— Почему же и не бить, если за это не достанется. Это мы всегда готовы, все равно кого!

Викторъ все тянулъ въ «Дунай», хотя хозяинъ и уговаривалъ ихъ остаться здѣсь; наконецъ, сговорились съ тѣмъ, чтобы больше не говорить о политикѣ. Живо достали вина и закусокъ, и Іосифъ, долго говѣвшій, скоро охмелѣлъ. Вышла и Люба, Іосифъ спросилъ:

— Ну, что же, вашъ Варызинъ какъ поживаетъ?

Та не отвѣчала, а Саша тихонько шепнулъ:

— Не спрашивайте; къ нему жена приѣхала, совсѣмъ ходить къ намъ бросилъ.

Марья Ильинична щелкала орѣхи и все ругала Зыковыхъ; Іосифъ спросилъ у Саши:

— А вы Марину не знаете?

— Въ лицо знаю, а такъ не знакомъ; она, что, безпоповка тоже?

— Кажется.

— Зачѣмъ же я ее у единовѣрскаго попа видѣлъ?

— Обознались, навѣрно.

— Нѣтъ, ужъ это будьте покойны.

Иосифъ все паливалъ себѣ, стараясь былымъ хмелемъ отогнать мысли о смерти Адвентова, о Катѣ и многомъ другомъ, что мучило его послѣдніе дни, но вмѣсто веселаго забвенья ему только захотѣлось спать. Броскины оставляли его у себя, но онъ заупрямился и пошелъ на разсвѣтъ домой пѣшкомъ. Двери отворила ему Марина. Онъ конфузливо снялъ пальто, отворачиваясь, но Марина молчала, такъ что заговорилъ все-таки первымъ онъ:

— Что вы такъ долго не спите?

— Я уже встала, гѣсто готовлю.

— А гдѣ же?—неслѣпо спросилъ Иосифъ.

— Въ кухнѣ, — отвѣтила Марина, не улыбувшись.

Иосифъ присѣлъ на стулъ въ передней и продолжалъ:

— Вы, Марина Пароеновна, вѣдь по безпоповскому согласу?

— Да. А что?

— Какъ же вы живете безъ причастія? Вѣдь это нехорошо!

— Что же дѣлать!—молвила Марина, вся вспыхнувъ.—Только, Юсифъ Григорьевичъ, идите теперъ спать, мы объ этомъ послѣ поговоримъ.

— Спать-то я пойду, только и потомъ повторю, что это—нехорошо.

III.

Похороны Адвентова были совсѣмъ весеннимъ утромъ.

Веселый вѣтеръ гналъ по густо-синему небу ярко-бѣлыя облака, раздувалъ облаченія священниковъ и попоны лошадей, трепалъ вуали и волосы. Было очень мало народу, кое-кто изъ писателей, какіе-то вдругъ оказавшіеся дальніе родственники и близкіе знакомые. Соня и Юсифъ шли вдвоемъ, тогда какъ Екатерина Петровна, тетя Нелли, Дмитревскіе и еще кто-то двигались большой плотной кучей, разговаривая; родственники шли впереди, ни съ кѣмъ не знакомые, а Андрей Фонвизинъ былъ совсѣмъ одинъ; прямой и высокій, онъ, казалось, сталъ еще красивѣе и моложе. Въ церкви еще прибавились какіе-то старушки, охотницы до

всякихъ погребеній, случайно попавшіе простолудины и няньки съ дѣтьми. Никто не плакалъ, было чинно и суховато; въ маленькую церковь проникало только солнце, но ни вѣтеръ, ни холодъ, и можно было подумать, что на дворѣ настоящая весна: трава, ручьи, птицы.

Когда всѣ уже простились, расталкивая умиленныхъ старушекъ, вошелъ какой-то молодой человѣкъ небольшого роста, толстоватый и розовый; штатское платье не позволило тотчасъ узнать въ немъ Беззакатнаго. Выдвинувшись на свободное пространство, онъ сталъ на колѣни, мелко крестясь, и лицо его морщилось, такъ что пенсия съ легкимъ звономъ упало на каменный полъ. Потомъ онъ отошелъ къ шепчущейся публикѣ, ни съ кѣмъ не здороваясь; всѣ отодвинулись и шопотъ готовъ былъ перейти уже въ довольно громкій говоръ, какъ вдругъ затихъ совершенно, когда Фонвизинъ съ другой стороны церкви подошелъ къ вновь прибывшему, обнялъ его и поцѣловалъ, межъ тѣмъ какъ тотъ окончательно расплакался; офицеръ увелъ его къ солнечному окну и, казалось, утѣшалъ, тихо говоря; такъ вмѣстѣ уже и пробыли они до конца похоронъ. Екатерина Пет-

ровна, выбравъ удобную минуту, подошла къ Беззакатному и тихо спросила.

— А гдѣ же Леля?

— Она осталась тамъ.

— Какъ осталась тамъ?

— Осталась тамъ,—повторилъ Сережа.

— Но, конечно, она скоро приѣдетъ?

— Не знаю.

Екатерина Петровна пожала плечами, проговоривъ:

— Странно! Она здорова, по крайней мѣрѣ?

— О, да, безусловно.

— Мнѣ это не нравится, Сергѣй Павловичъ; вы, конечно, не откажетесь прийти ко мнѣ и рассказать все подробно?

— Благодарю васъ, но это время я буду очень занятъ.

Пардова отошла снова къ Дмитревскимъ, сейчасъ же приступившимъ къ допросу, а Соня и Юсифъ стали говорить съ Беззакатнымъ. Вблизи можно было замѣтить въ немъ перемѣну: розовое лицо его было далеко не такъ розово, пожелтѣло, несмотря на небрежно положенную пудру, слегка обрюзгло и было какъ-то растерянно, глаза ѳгали, походка была неувѣренна и тяжела вмѣстѣ съ тѣмъ.

— Вы измѣнились, Сергѣй Павловичъ; вы здоровы?

— Да, да, я совершенно здоровъ; отчего вы думаете?—какъ-то заволновался тотъ.

— Ну, и слава Богу; вѣрно, съ дороги устали? Вы когда пріѣхали?

— Сегодня утромъ, прямо съ вокзала.

О Лелѣ Соня ничего не спросила. Вѣтеръ не стихъ и такъ же весело гналъ облака, срывая шляпы съ прохожихъ. Нашихъ путниковъ обогналъ Андрей, блистая парадной формой; сойдя съ экипажа, онъ спросилъ у Иосифа, не можетъ ли тотъ принять его дня черезъ три.

— Вѣдь, вы уѣдете скоро?—прибавилъ онъ.

— Куда? Я никуда не собираюсь.

— Развѣ? Вы, вѣроятно, забыли, а, можетъ быть, я и путаю.

— Не знаю, я никуда не собираюсь.

— Во всякомъ случаѣ, я въ субботу у васъ буду, если позволите.

— Пожалуйста.

Пройдя еще немного времени, Иосифъ замѣтилъ:

— Чѣмъ-то измѣнился Андрей Ивановичъ.

— А что?—встрепенулась Соня.

— Какой-то важный сталъ.

— Нѣтъ, это не такъ, Жозефъ; онъ еще больше отдѣленъ сталъ какимъ-то свѣтомъ.

— А это хорошо, что онъ сегодня такъ подошелъ къ Беззакатному.

— Да, очень красиво. Андрей не можетъ сдѣлать некрасиваго поступка, а потому и нехорошаго; вѣдь безнравственность въ томъ и есть, что мы какую-то гармонию нарушаемъ.

— Но холодомъ отъ него такъ и вѣетъ.

— Нѣтъ, онъ добрый.

— Я не говорю, что онъ золъ, но любить ли онъ кого-нибудь?

— Андрей?! Онъ всѣхъ любитъ, всѣхъ.

— Я не про то, Соня, говорю; а такъ любить ли онъ?

Соня смутилась и, краснѣя, проговорила.

— Я не знаю этого, Жозефъ; не все ли равно, развѣ это важно?

— Очень важно, Соня; какъ ты не понимаешь? Центрально важно! Какъ жить безъ любви? Все будетъ мертво и вѣра мертва.

— Ты что-то новое для меня говоришь.

Иосифъ, не возражая, заговорилъ о другомъ. У Сони они обрѣли Виктора, ждавшаго ихъ.

— Отчего ты, Викторъ, не былъ на похоронахъ,---спросилъ Иосифъ.

— Такъ, не хотѣлъ Екатеринѣ Петровнѣ на глаза показываться. Андрей былъ?

— Былъ. Беззакатный тоже былъ.

— Этотъ откуда взялся?

— Приѣхалъ.

— А Леля была?

— Нѣтъ; она, говорятъ, осталась.

Викторъ свистнулъ и сказалъ.

— Не говорилъ ли я тебѣ, Жозефъ? Все такъ и вышло; не знаю я Серджи Беззакатнаго!

— Да, Катя что-то напутала съ этимъ побѣгомъ,—проговорила Соня.

— При чемъ тутъ Катя?

— Да вѣдь она все это устроила.

— Устроилось бы и безъ нея.

Соня была разсѣянна за часомъ и мало говорила, барабаня по чайнику и смотря въ окно, въ которое вливалось солнце, будто была настоящая весна.

— Куда это мнѣ путь пророчилъ Андрей Ивановичъ?

Соня перевела глаза на говорящаго, серьезно посмотрѣла и промолчала.

— А тебѣ очень недурно было бы куда-нибудь съѣздить, Жозефъ, освѣжиться,—произнесъ Викторъ.

— Куда жъ?

— Мало ли куда; ты вотъ все собирався съ Броскинымъ отправляться куда-то.

— Ну, это компанія не изъ важныхъ,— замѣтила Соня.

— Нельзя быть такой разборчивой; Саша Жозефа любить, и съ нимъ въ дорогѣ не пропадешь; по нашимъ берлогамъ онъ — незамѣнимый спутникъ. Да, вотъ еще что, Жозефъ, получалъ бы ты скорѣе свои деньги, а то я очень подозрѣваю, что твоя жена что-то замышляетъ опять.

— Тамъ еще нужны нѣкоторыя формальности,— замѣтила Соня.

— А что же Екатерина Петровна замышляетъ?—спросилъ Юсифъ.

— Я не знаю навѣрно, но слышалъ такъ, будто она хочетъ тебя выставить со-всѣмъ полоумнымъ, хлопотать объ опека и, разумѣется, забрать твои деньги.

— Что ты, Викторъ, какъ тебѣ не грѣхъ!—воскликнулъ отчимъ.

— А что же? Это похоже на правду,— подтвердила и Соня.

— Да что ты все еще любишь Екатерину Петровну или вѣришь въ ся любовь?—спросилъ Викторъ.

— Нѣтъ, но я не сомнѣмъ извѣрился въ людей!

— Да, жди пошады!

— Перестанемъ говорить объ этомъ.

— Съ тобой не стоитъ и говорить объ этомъ, но мы съ Соней будемъ насторожь.

— Какъ хотите.

Назадъ шли молча, только въ концѣ дороги Іосифъ спросилъ, будто оканчивая свои размышленія:

— Викторъ, какъ ты думаешь, Фонвинъ любить кого-нибудь плотски?

Тотъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Іосифа.

— Что тебѣ вздумалось объ этомъ спрашивать?

— Нѣтъ, какъ ты думаешь? — настаивалъ Пардовъ.

— Я не думаю, а знаю, что онъ дѣвственъ.

— Это вѣрно?

— Вѣрно.

Черезъ нѣкоторое время Іосифъ снова началъ.

— А если бы онъ не былъ дѣвственъ, какой бы онъ былъ?

— Послушай, Жозефъ, ты совсѣмъ одурѣлъ: ну, почему я знаю?

— Я не такъ выразился... если бъ онъ не былъ лишенъ чувственности, онъ былъ бы лучше, добрѣе и святѣе.

Викторъ даже остановился.

— Жозефъ, можно подумать, что это твоя покойная тетушка говорить, а не ты. Ты смотри, своимъ Христовымъ невѣстамъ этого не вздумай проповѣдывать.

— Кому жъ любовь и знать, какъ не невѣстамъ?... Но я еще хотѣлъ спросить, не былъ ли бы тогда Андрей Ивановичъ какъ Адвентовъ?

— Я не знаю, Жозефъ. Что ты присталь?

— Жозефъ, да будетъ тебѣ изводить меня!

Совсѣмъ прощаясь, Викторъ сказалъ тихо:

— Можетъ быть, ты, Жозефъ, и правъ; можетъ быть, Андрей такой, какъ Адвентовъ, оттого и дѣвственъ, и вообще все, что ты говорилъ, не такъ глупо: ты прости меня.

— Я вѣдь высказываться не умѣю,—виновато оправдывался Иосифъ.

Всѣ эти дни онъ волновался, ожидая обѣщаннаго визита; въ пятницу еще у него вымыли комнату, всталъ онъ рано, зажегъ лампы, особенно тщательно вымылся, одѣлся, поправилъ книги и мелкія вещи и сталъ ходить не куря. Впрочемъ, куренье у Зыковыхъ не очень допускалось и Жозефъ даже отвыкъ, скучая бѣгать съ папиросами на лѣстницу или запирается на ключъ.

Къ нему вошла Марина, держа руки за спиною, въ бѣломъ платкѣ и розовомъ платьѣ, какая-то свѣтящаяся и радостная.

— Богъ милости прислалъ!—сказала она на порогѣ и, подавая большую розу, прибавила:—а это вамъ.

— Откуда такая прелесть?—спросилъ Иосифъ, разглядывая крупные, влажные, розовые лепестки.

— Отъ меня подарокъ. Сегодня великъ день! Вамъ скажу: не выдавайте меня,—оглянувшись, Марина быстро подошла къ Иосифу и сказала ему на ухо:—я причастилась Тѣла и Крови Господней.

И потомъ, забывшись, вся сама порозовѣвъ, воскликнула съ удареніемъ:

— Ахъ! Тѣла, Тѣла и Крови Господней!

Иосифъ спросилъ шопотомъ, смотря на цвѣтокъ:—Гдѣ же!

— На Николасвской.

— Въ сдиновѣрческой?

— Да.

— Поздравляю васъ; я радъ.

— А я-то какъ рада, какъ радостна: сподобилась!

Иосифъ съ удивленіемъ, замѣтилъ какъ, несмотря на худобу, похорошѣла и помолодѣла въ это утро Марина.

— Ну, прощайте; гостя ждете?

— Рано еще.

— Да, еще, — остановившись у порога, промолвила Марина, — все равно умирать... скажу вамъ сегодня для такого дня. Я люблю васъ, Іосифъ Григорьевичъ, крѣпко люблю, не какъ брата, а какъ бы мужа, если бъ онъ живъ былъ, любила. Не говорите ничего, не отвѣчайте: не надо, а поликуемтесь, какъ иноки.

И она трижды со щеки на щеку прикоснулась легко къ Іосифу и ушла летучей походкою, будто по воздуху, оставя запахъ ладана и розъ.

Іосифъ долго стоялъ неподвижно, потомъ поставилъ розу въ стаканъ на окно и сталъ ждать сидя; съ утра онъ не ѣлъ и не пилъ, не замѣчая этого. Услыша звонокъ, онъ хотѣлъ вскочить, подбѣжать, но ноги, какъ бы пораженный параличомъ, не повиновались и онъ остался сидѣть, только рукою сдерживая бьющееся сердце. Слышно было, какъ спрашиваютъ, дома ли господинъ Пардовъ, какъ медлятъ въ передней, какъ проходятъ гостинною, какъ слегка стучать въ двери, какъ тихо спрашиваютъ: «можно войти?» — и еще разъ, — языкъ тоже не повиновался; наконецъ, съ трудомъ превозмогая

внезапную нѣмоту, Іосифъ громко и хрипло крикнулъ:

— Войдите!

Вошелъ Фонвизинъ.

— Вы, кажется, не ожидали меня и испугались?—спросилъ гость.

— Нѣтъ, я васъ ждалъ... видите...

— Какая дивная роза. У васъ пахнетъ ладономъ: вы были въ церкви?

— Нѣтъ, это не я былъ въ церкви.

— Вы не думайте, что я забылъ васъ, бросилъ васъ, не думалъ о васъ. Вы знаете, чтó вамъ нужно?

— Да, да! церкви, вѣрной жизни и живой любви, но гдѣ найти ихъ?

— Гдѣ? Вотъ церковь,—указывая въ окно на крестъ прихода, сказалъ офицеръ.

— Но которая? Ихъ такъ много.

— Обрядовъ много, христіанская церковь—одна.

— Но любви живой!.. я много любилъ и что же? скорбь и смерть! Кому отдать свою душу? любить такъ, плотски можно, не отдавая души своей.

— Любовь—одна! плотски любя, вы, можете быть, гораздо большее, гораздо страшнѣйшее отдаете. Не бойтесь терять, что возрождается; не погубя, не спасете. Лю-

бовь—одна: къ Богу, къ невѣстѣ, къ жениху!

— А вы? а вы какъ же?

— Мы говоримъ не обо мнѣ, а о васъ. Я—человѣкъ, а не духъ безплотный, не скопецъ духовный.

— Не оставляйте меня! отдаюсь въ ваши руки.

— Отдайтесь въ руки Божіи.

— Но черезъ васъ, черезъ васъ! Вы ведите меня.

Едва ли Іосифъ помнилъ, что онъ говорилъ, что отвѣчалъ ему гость, слва ли понималъ, какъ онъ очутился на колѣняхъ передъ Андреемъ и зачѣмъ тотъ цѣловалъ его, поднимая, едва ли зналъ, что бесѣда ихъ длилась не одно краткое мгновеніе, а часа два и колокола печально и сладко звонили уже къ вечернѣ,—но не помня, не понимая, онъ зналъ превосходно, что въ немъ произошло и что нужно было знать.

Въ переднюю вошла Марина и, кланяясь низко, сказала:

— Андрей Ивановичъ, дайте на васъ взглянуть.

— А, Марина! какъ поживаете?

— Хорошо, очень хорошо.

— Не скучаете?

— Нѣтъ —И, ступивъ шагъ, она прибавила тихо:— Андрей Ивановичъ, вы барина, Иосифа Григорьевича, не оставьте и любите, ради Господа.

— И просить не нужно, Марина.

— Мы такъ его любимъ.

— Какъ его и не любить! До свиданья.

— Прощайте. Простите меня, Христа ради.

IV.

Становилось все теплѣе и теплѣе, дни становились длиннѣе и въ свѣтлыхъ вечерахъ, въ погребальныхъ службахъ страстной недѣли, чуялась радость близкой Пасхи. Погода стояла холодная, но ясная, и долго не зажигая огня, Марина сиживала у окна, смотря на долгій рядъ домовъ, крышъ и крестовъ и небо изъ розоваго превращавшееся въ нѣжно зеленое, съ острой и трепетной первой звѣздой. Дома никого не было, такъ какъ Иосифъ тоже ушелъ ко всепопной, и на звонокъ вышла сама Марина; огня нигдѣ не было, только во всѣхъ комнатахъ свѣтили лампы, и пришедшую Соню она узнала по голосу и горбатой фигурѣ.

— Можно къ вамъ? Вы—одна, какъ я рада, мнѣ нужно много съ вами говорить.

— Милости просимъ. Я рада.

Когда они прошли въ гостиную, Соня сказала:

— Можно пройти къ вамъ, Марина?

-- Конечно, пойдете.

Сѣвши, Соня начала:

— Я хотѣла спросить васъ, Марина, или вѣрнѣе просить: когда вы поправитесь, свезите насъ съ Іосифомъ куда нибудь въ ваши скиты, ему такъ нужно уѣхать отдохнуть, успокоиться. Васъ тамъ всѣ знаютъ и мы не будемъ ничѣмъ нарушать общей жизни, я могу ручаться.

Марина, улыбнувшись, отвѣтила:

— Объ этомъ и рѣчи быть не можетъ: черезъ нѣсколько уже дней вамъ будутъ очень рады, но отчего бы вамъ не съѣздить въ православный монастырь?

— Мы бы хотѣли быть съ вами, и потому это не совсѣмъ то же самос.

— Да, можетъ быть. Но, милая Софья Карловна, вѣрьте или не вѣрьте, можетъ быть, я грѣхъ на себя беру, но я говорю вамъ, что мнѣ съ вами наврядъ придется ѣхать.

— Отчего? Вы еще будете слишкомъ слабы? Можно подождать, хотя, конечно, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

— Нѣтъ, я совсѣмъ уйду, я умру скоро. Но вотъ что, я могу дать письмо къ игуменѣ, чтобы васъ пріютили, здѣсь всю Пасху пробудеть одна черничка, если не скучно, съ ней и поѣхать можно.

— Отлично, только я все-таки надѣюсь, что съ нами вы поѣдете.

Марина промолчала, потомъ вдругъ сказала тихо:

— Вы, Софья Карловна, любите Іосифа Григорьевича? Вы его не оставляйте, чтобы у меня сердце не болѣло; съ Андрей Ивановичемъ, съ вами, Богъ ему дастъ прійти въ покой.

— Я люблю Жозефа, Марина, вы знаете.

Марина нагнулась къ Сонѣ и заговорила еще тише:

— Если бъ вы не были ему сестрой, вы бы пошли за него замужъ?

— Что вы спрашиваете? И развѣ это важно? Я люблю его отъ всего сердца.

— Это не то. Жениться либо не жениться, можетъ быть, и не важно, можетъ быть лучше и не жениться, какъ Андрей Ивановичъ, но готовымъ быть на бракъ—вотъ такъ. По любви любить, не боясь. Какъ преподобныя съ молоду блудницами были или съ рожденья дѣвство хранили, но Богъ

далъ имъ щедрость любовную, что заставляетъ и былишку, и зарю, и человѣка, и Творца всѣмъ существомъ, всею душою и тѣломъ любить. А путь всякому свой, только бы живой огонь горѣлъ въ человѣкѣ. Тогда и радость. А Юсифъ Григорьевичъ такой; такой, только пути своего онъ не зналъ, какъ слѣпой котенокъ тыкался, но прозрѣваетъ, слава Господу Иисусу.

Соня прошептала:

— Я сама пути не знала, думала быть сильной, а сама слабѣе слабѣйшаго, я нарочно дѣлала скупымъ свое сердце, боялась и не знала.

Марина гладила слегка Соню, и говорила:

— Все придетъ, Господь видитъ васъ.

— Я такъ люблю Юсифа, что была бы готова на то, о чемъ вы говорите, и Андрея я люблю, и васъ и Виктора.

Марина встала передъ Сонинымъ кресломъ на колѣни и, цѣлуя ее, говорила:

— Вотъ и прекрасно, весна красная ледъ растопитъ, и я люблю Юсифа Григорьевича и васъ, Соня, люблю, и знаю, что не оставлю васъ, хотя бы и умерла, какъ Павлуша меня не оставилъ.

Соня склонилась къ Маринѣ и, прижимаясь маленькой грудью къ худому и горячему стану другой, плакала говоря:

— Растопилось, растопилось, Господи прости меня. А я думала, что вы не любите меня, осуждаете.

— За что, Сонюшка?

— За то, что я была въ томъ обществѣ, знаете?

— Ну, что вспоминать, что оглядываться? не всякій путь свой знаетъ, какъ осуждать мы можемъ? А точно безъ таинствъ жизнь мертва, и таинства надлежитъ совершать священникамъ, получившимъ въ церкви благодать на это.

Соня отвѣтила:

— Вы знаете нашихъ священниковъ?—

— Знаю, но благодать это не уменьшастъ. Помимо нихъ она дѣйствуетъ. Какъ въ Прологѣ мы читаемъ, что недостойный іерей связанный лежалъ въ темномъ углу, а таинства за него огнезранный ангелъ творилъ, мірянамъ же видѣлось, что ихъ приходскій священникъ, котораго они знали за челоуѣка слабаго и грѣшнаго, дерзаетъ преполавать имъ Тѣло и Кровь Христову. Недостоинство служителя—ужъ его дѣло съ Богомъ, а таинства черезъ него идутъ свято и неизмѣнно!

— Тогда что же, молитвы, какъ заклинанія, таинства, какъ колдовство, не святость, не откровенье намъ дарить ихъ?

— Что выше, что святѣе, что мудрѣе Иисуса? Въ молитвахъ большая сила призывающая, пусть колдовство, что же дурного, но святое и таинственное: Таинство. И подумать: Человѣкъ рождается для жизни крещеньемъ, возродится вторымъ крещеньемъ — покаяньемъ, для любви—бракомъ, для соединенья съ Богомъ — причащеньемъ, велико и радостно и какъ истинно! За со-вѣтомъ обратитесь къ людямъ умнымъ и добрымъ, для духовнаго разъясненія — къ людямъ начитаннымъ въ Писаніяхъ, а за необходимымъ для жизни, за требами—къ рукоположенному таинственно, для этого благодать имѣющему священнику. Отвѣтъ ихъ великъ передъ Богомъ, но для насъ сила ихъ безмѣрна.

Соня молчала, преставъ плакать, потомъ возразила:

— Но читали же вы, знаете, что благодать находятъ и не на посвященныхъ и они прозрѣваютъ и пророчествуютъ.

— Да, но таинствъ не совершаютъ! Добро, когда такіе избранники облакаются и священническою силою, тогда благодать ихъ неизреченна, но однимъ пророчествомъ не спастись.

— И вы вѣрите, что теперь могутъ быть такіе избранники?

— Благодать не оскудѣваетъ. И теперь есть, нужно только видѣть зорко.

— Среди священниковъ?

— И среди нихъ, вѣроятно, есть такіе и среди мірянъ, духъ вѣтъ, гдѣ захочетъ и ищетъ сосуда уготованнаго!

Опять помолчавъ, Соня поцѣловала Марину, уставшую и тоже замолкшую, и прошептала:

— Спасибо, сестра милая, мать Марина.

— Что ты, Сонюшка, Господь съ тобой.

— Ты научила меня и любить, и жить, и вѣровать.

— Полно, любить тебя сердце научило, жить—воля Божья. А Юсифъ Григорьевичъ, тотъ пойдетъ по пути, сначала колеблясь, какъ ребенокъ на слабыхъ ножкахъ, идя отъ стула, потомъ радостно къ матери побѣжить, крича: «вотъ я хожу», а та смѣется, сама не приближаясь, добрая, чтобы окрѣпли милыя, рѣзвыя ножки, и страхъ минулъ.

Марина умолкла, и не отвѣтила, когда Соня ее окликнула, та зажгла свѣчку, больная сидѣла, закрывъ глаза, блѣдная.

— Что съ тобой? Дать тебѣ воды?

— Ничего, устала я очень, да вотъ еще...

— Не говори больше, если это утомляетъ, волнуешь, вредить тебѣ. Спасибо и за то.

— Нѣтъ, это другое. Скажи, Іосифъ Григорьевичъ не нуждается?

— Го-есть какъ?

— Ну такъ, деньги у него есть свои, кромѣ этого наслѣдства?

— Да, немного, а что?

— Отдалъ бы онъ это наслѣдство своей женѣ,—и ему спокойнѣе и ес въ грѣхъ не сталъ бы вводить.

— Да, я скажу, у него есть немного, у меня есть, на четверыхъ съ Викторомъ хватить.

— Это очень хорошо было бы, а то особенно теперь такая суета поднимется съ этими дѣлами, а ему нуженъ покуда покой.

— Да, я скажу ему. Какъ намъ въ голову не пришло?

— Поговори, голубка. Вотъ и наши илуть, лягу.

Дѣйствительно, въ сосѣдней комнатѣ раздались голоса и показался свѣтъ. Соня вышла другою дверью черезъ коридоръ, она была какъ разбитая, но счастливая, не замѣчая своей усталости.

Черезъ нѣсколько дней Екатерина Петровна была не мало удивлена, когда ей подали карточку Іосифа; она сидѣла за письмами и бумагами общества, гдѣ она играла

теперь видную роль, нѣсколько вытѣсня даже тетю Нелли. Она съ нѣкоторымъ безпокойствомъ глянула на вошедшаго, сказавъ: «садитесь».

Тотъ началъ, запинаясь:

— Вотъ я хотѣлъ вамъ предложить одну вещь: то наслѣдство, которое на-дняхъ я имѣю получить...

— Да?—сказала Пардова, насторожившись.

— Я намѣренъ эти деньги внести на ваше имя, или, если хотите, можетъ быть это представить формальныя затрудненія, не получая его, отказаться въ вашу пользу.

Екатерина Петровна, казалось, боялась ловушки, пораженная неожиданностью такого предложенія. Потому она слушала не совсѣмъ спокойно, что говорилъ мужъ; съ записками, но съ привычнымъ простодушіемъ онъ продолжалъ развивать свое предложеніе. Наконецъ, когда онъ умолкъ, Катя подошла къ нему и спросила:

— Вы хотите развестись со мною?

Иосифъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, я объ этомъ не думалъ, это какъ вы хотите; я, вѣроятно, не женюсь.

— Вы благородный человѣкъ, Иосифъ, Григорьевичъ, я вамъ очень многимъ обязана я знаю и вижу, что недостойна васъ, но

то же подѣлать, кто не ошибался? У меня къ вамъ тоже предложеніе и просьба: я знаю, что деньги для васъ были бы нужны.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не стѣсняйтесь, — перебилъ было ее Іосифъ.

— Нѣтъ, я знаю; такъ вотъ, сохраните изъ этого наслѣдства часть, которая бы слегка помогала вашимъ денежнымъ дѣламъ и потомъ—пусть все это будетъ между нами.

— Хорошо, мнѣ все равно.

— Да, я знала, что вы согласитесь, что поступаете благородно не для того, чтобы трубили о вашемъ великодушіи. Благодарю васъ. Вы, говорятъ, скоро ѣдете?

— Это еще далеко не рѣшено...

— Даѣ Богъ устроиться вамъ, какъ вы хотите и какъ заслуживаете этого. А Фон-визинъ ѣдетъ съ вами?

— Да, и Соня, и Марина, вѣроятно.

— Ахъ, и онѣ?

— Что васъ удивляетъ въ этомъ?

— Нѣтъ, ничего.

Удивленію Екатерины Петровны не скоро было суждено прекратиться, такъ какъ вскорѣ послѣ визита Іосифа къ ней явилась неожиданно Леля, казавшаяся очень больной, разстроенной и не сумѣвшая ничего толкомъ рассказать ни освоенъ пребываніи

за границей, ни о причинахъ размолвки съ Беззакатнымъ, говорившая несвязно, впадая то въ слезы, то въ выкрики.

Екатерина Петровна крѣпко задумалась послѣ ея ухода и когда потомъ пришли Нелли и Петръ Павловичъ между разговоромъ Пардова замѣтила:

— Нужно обратить вниманіе на Лелю.

— А что?

— Она легко можеть стать очень полезною и сильною въ обществѣ.

— Вы думаете?

Екатерина Петровна наклонила утвердительно голову съ видомъ знатока.

— Я вѣрю въ вашу проицательность, милая,—сказала Нелли.

Совсѣмъ прощаясь, Катя молвила, будто мелькомъ.

— Да, дѣло съ мужемъ я прекращаю,— пусть живетъ себѣ какъ хочеть, а чужихъ денегъ мнѣ не нужно.

— Вы слишкомъ великодушны,—сухо замѣтила Нелли.

Петръ Павловичъ вступился было.

— А какъ же ваше благое намѣреніе?

Но Пардова прервала его.

— Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Помолчавъ прибавила.

— На Пасху въ пользу бѣдныхъ общества я жертвую тысячу рублей, я пришлю съ Сергѣемъ Павловичемъ, онъ вѣдь зачисленъ нашимъ секретаремъ.

— Какъ же, какъ же, в а ш и м ъ секретаремъ,—отвѣтилъ Петръ Павловичъ.

Только выйдя на улицу, Нелли пришла въ себя и громко сказала:

— Каково?

— Да, можно признаться,— протянулъ спутникъ.

V.

Прошла Пасха съ цѣлодневнымъ знономъ, гдѣ-нибудь за городомъ промчались уже «съ горъ потоки» и заиграли овражки, протоковали тетерева на проталинахъ, проспѣли подспѣжники, а наши все еще сидѣли въ городѣ. Марина даже не сидѣла, а все лежала, то забываясь, то бодрствуя. Но никакъ нельзя было отговорить ее ѣхать на кладбище въ Радунцу; наканунѣ еще она такъ этимъ волновалась, что докторъ сказалъ, пожимая плечами: «Попробуйте, тяжело отказать въ, можетъ быть, послѣднемъ желаніи». Марина потрбовала, чтобы при ней завязали узелокъ съ крас-

ными яицами и кускомъ сухого кулича, веселая и будто болѣе бодрая. Поѣхали втроемъ съ Іосифомъ и Соней, въ наемной каретѣ, съ лѣстницы еле снесли Марину, но она все шутила и смѣялась:

— А ужъ назадъ, чуръ, я одна влѣзу.

— Ну хорошо, мы вамъ помогать не будемъ, помните.

Въ каретѣ она велѣла открыть окна и жадно смотрѣла на дома, сухіе тротуары, фонари и людей, будто все видя впервые.

— Господи, какъ я давно на улицѣ не была, ноть тутъ колбасная была, а теперь парикмахерская новомодная: мастера участники въ дѣлѣ и на чай не берутъ,—Марина вдругъ разсмѣялась,—все по новому дѣлаютъ!

Въ часовнячѣ, у каждой встрѣчающейся церкви, она старалась рассмотреть какіе образа внутри и сердилась, когда не успѣвала въ этомъ.

— Вотъ въ Петербургѣ совсѣмъ нѣтъ такой манеры, какъ въ Москвѣ, по улицамъ иконы вѣшать, и стараго письма есть. Миѣ это нравится!

Когда карета выплелась уже на окраины, Марина, будто уставъ, откинулась на спинку и закрыла глаза.

— Устала, Марина?—спросила Соня.

— Да, немного.

— Скоро доѣдемъ.

— Да, я знаю.

Иосифъ сказалъ:

— Помнишь, Соня, годъ тому назадъ я въ это время только что поправлялся и выходить сталъ.

— Да, потомъ на озера ѣздили.

— Еще Андрея я впервые разъ увидаль. А потомъ уже мой романъ съ Катей пошелъ. А подъ Покровъ Павла убили, раньше еще. А черезъ мѣсяцъ тетушку.

— Тяжелое было время, — сказала Соня.

— Какъ все странно: моя женитьба, эта зима, все, все, и куда-то въ одно мѣсто все везеть! Если бъ Катя была не такая, неизвѣстно еще, что бы было.

— Жилъ бы Иосифъ Григорьевичъ да поживалъ, ни о чемъ не заботясь и съ нами бы не водился, счастливый былъ бы.

— Чѣмъ же я несчастливъ теперь?

Карета уже остановилась у неширокихъ воротъ, съ восьмиконечнымъ мѣднымъ крестомъ наверху. Марина закрестилась и хотѣла сама быстро выходить, будто забывъ про болѣзнь, но пришлось ее вывести подъ руки, и она съ трудомъ отъ слабости шла, досадуя, что не можетъ бѣжать, летѣть по

зеленой травѣ, какъ хотѣла бы. Она повторяла: «тра-ва, трава, тра-ва» и умолкла остановившись, прислушиваясь и не спуская глазъ съ яркой первой зелени на могилкахъ. И спутники ея остановились молча.

— Какъ чудно: въ каждомъ словѣ все поймешь, когда такъ твердишь, когда оно въ душу войдетъ. Посмотри, Соня, на цвѣтокъ и повтори сто разъ его имя, и смотри всѣмъ существомъ и ты поймешь, что онъ значить и увидишь какъ онъ живетъ, будто бы всѣ книги прочла, что объ этомъ цвѣткѣ написано, а рассказать не сможешь. Также и молитвы нужно понимать и слова, и что они значать, но и третье, что имъ силу даетъ, потому и взывая тысячу разъ— Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ—ты всю силу рѣченія поймешь и дѣйственно милости кличишь. Трава, трава, небо, земля, могила!

Дойдя до мѣста, гдѣ была похоронена ея мать, Марина безъ поддержки положила семипоклонный большой началъ и, молча развязавъ узелокъ, вынула красное яйцо и дотронувшись имъ три раза до земли, сказала громко.: «Матушка, Христось Воскресе!», потомъ очистила его и раскрошила какъ и куски кулича и снова склонилась, между

тѣмъ какъ птицы съ крикомъ перепархивали по еще голымъ вѣткамъ, ожидая, когда уйдутъ люди.

Такъ какъ Марина долго не поднималась, Соня, слегка дотронувшись, тихо сказала:

— Марина встань, не утомляйся, сядь на скамейку.

Но та ничего не отвѣчала, не двигаясь.

Соня, стараясь поднять ее, сказала:

— Иосифъ, сходи за водой въ сторожку, она лишилась чувствъ.

Долго искалъ въ волненіи Иосифъ, гдѣ-бы достать воды и, наконецъ, когда принесъ графинъ, увидѣлъ, что Марина лежитъ все также, склонившись на зелень могилы, а Соня, прижавъ палецъ къ губамъ, шепчетъ ему, блѣдная какъ полотно:

— Тише, Жозефъ, она умерла!

Выпавшій графинъ не застучалъ по землѣ, а птицы, видя неподвижность всѣхъ троицъ, слетѣли на крошки и стали клевать ихъ, вытягивая ши и изрѣдка тонко пикая.

VI.

Вторые похороны не замедлили, но ускорили предполагаемый отъѣздъ нашихъ путниковъ, такъ какъ Иосифу еще нужнѣе стать покой. Андрей, бывший и на похоро-

нахъ, теперь ежедневно бывалъ у Юсифа, подолгу бесѣдуя съ нимъ и утѣшая.

Въ этотъ вечеръ, когда у Пардова сидѣла уже Соня, принесшая письмо отъ Марининаго дяди къ игуменни, Андрей Ивановичъ пришелъ позднѣе, чѣмъ обыкновенно, и объявилъ какъ-то торжественно и сразу:

— Друзья мои, намъ придется еще подождать и ѣхать не въ скиты, но въ мѣсто можетъ быть еще болѣе святое — въ Римъ.

— Въ Римъ?—въ одинъ голосъ воскликнули Соня и Юсифъ.

— Да, въ Римъ. Меня вызываетъ туда больной родственникъ, не ѣхать я не могу, васъ оставлять тоже, и ждать вамъ моего возвращенья слишкомъ долго и тягостно.

— Слишкомъ долго и тягостно,—согласился Юсифъ.

— Но какъ же такъ, для насъ это совершенно неожиданно, — сказала Соня. Но Юсифъ остановилъ ее, проговоривъ:

— Нѣтъ, Соня, ѣдемъ съ Андреемъ, безъ него намъ сейчасъ немисливо оставаться.

Андрей, пройдясь по комнатѣ, сказалъ:

— Я думаю, я вѣрю, что это не простой случай ведетъ насъ въ Римъ, а потомъ, не любопытно ли будетъ вамъ взглянуть на него: вы не были за границей?—обратился онъ къ Юсифу.

— Нѣтъ.

— Въ Римъ и я не была,—призналась Соня.

Андрей прибавилъ:

— Бдльшая перемѣна мѣста приведетъ и бдльшее обновлене для васъ.

— Можетъ быть, вы и правы.

— Какъ жаль, что Марина не дожидла, что ея нѣтъ съ нами, — прошепталъ Юсифъ.

Андрей, подойдя къ нему, сказалъ громко и строго:

— Она съ нами! Она съ нами! Развѣ вы не чувствуете?

— Я слышу пахнетъ ладономъ.

— Ладонемъ пахнетъ, Жозефъ, отъ меня, я была сейчасъ въ церкви, но Марина съ нами, развѣ ты можешь думать иначе?

— Она съ нами!—повторилъ Фонвизинъ, и помедливъ, началъ:

— Слышали ли вы въ церквахъ поминанья и не казалось ли вамъ, что всѣ эти неизвѣстные: «Иваны, Иваны, Петры, Павлы,

Иваны» плотною живутъ толпою, пред-
стоятъ съ нами предъ Богомъ? Видѣли ли
вы святцы, гдѣ соборъ ангеловъ, пророки,
мученики, апостолы, преподобныя, правед-
ники, благовѣрные цари, дѣвы и столп-
ники въ славѣ стоятъ, и не казалась ли
вамъ, что блистающимъ клиромъ обстоятъ
они насъ въ церкви? Святые, мы и ушед-
шіе—одну составляютъ церковь, во всѣхъ
живую и дѣйственную. И когда мы молимся,
бѣдныя, милыя, родныя намъ руки переда-
ютъ нашу молитву святымъ заступникамъ,
чтобы неслась она дальше къ престолу. И
ваша тетушка, и Марина, и всѣ, кто бъ ни
былъ, какъ бы не жилъ, тамъ неложно и
радостно узналъ то, чего мы здѣсь только
ищемъ и во что вѣримъ. И они съ нами,
помогаютъ намъ и любятъ.

Когда утихъ голосъ Фонфизина и тѣ
двое молчали, будто прислушиваясь, не раз-
дадутся ли легкіе шаги, не откроется ли
дверь, не войдетъ ли фигура въ бѣломъ
платкѣ съ цвѣткомъ въ рукахъ, какой они
запомнили Марину, въ утро ея причащенія?

— Итакъ, въ Римъ?—сказала серьезно
Соля.

— Въ Римъ посылаюгъ насъ,—тихо, но
твердо отвѣтилъ Андрей.

Онъ стоялъ у печки, куда единственно достигали еще лучи уходящаго солнца. Иосифъ всталъ и, подойдя къ офицеру, взявъ его за руку и спросилъ еле слышно:

— Андрей, имѣете ли вы любовь?

Тотъ не спуская глазъ съ неслѣпящаго теперь солнца, отвѣтилъ:

— Я—человѣкъ, я—живъ и имѣю вѣру, какъ же мнѣ не имѣть любви?

— Но вы не связаны ни съ кѣмъ плотскими узами, вы дѣвственны?

— Я—дѣвственъ, но неразрывными и земными, чувственными узами связанъ.

— Съ кѣмъ?—еще тише спросила Соня, подходя съ другой стороны офицера и беря его за свободную руку.

— Я люблю и васъ и Иозефа, а больше всего Кого, Того и вы любите больше всего живущаго.

— Всѣмъ сердцемъ и мыслью и помышленьемъ!—сказала Соня.

— Всѣмъ сердцемъ и мыслью и помышленьемъ!—повторилъ Фонвизинъ.

— Аминь—заклучилъ Иосифъ.

— Всѣ любившіе и любящіе съ вами,—сказалъ Фонвизинъ и поцѣловалъ обоихъ въ губы.

Такъ они постояли еще втроемъ, пока совсѣмъ не погасла заря за окномъ.

Викторъ безъ удивленья выслушалъ сообщенье о поѣздкѣ въ Римъ, но ѣхать отказался на отръзъ.

— Я и въ скиты не собирался ѣхать, а за границу и подавно; не подумайте, что это оттого, что я не люблю васъ, а я самъ вижу и знаю, что мнѣ еще рано итти вашимъ путемъ.

— Многимъ ли я тебя старше, Викторъ, годами тремя?—уговаривалъ его отчимъ.

— Въ лѣтахъ ли дѣло?—возразилъ тотъ и сталъ вмѣстѣ въ ними обсуждать мелочи предстоящей дороги.

Иосифъ вдругъ спросилъ:

— Какъ, Соня, по итальянски Римъ?

— Roma.

— Roma? Хорошо; кругло, какъ будто куполь.

И потомъ, когда Соня и Викторъ ушли, Иосифъ подошелъ къ окну и, смотря на уходящій рядъ крышъ и домовъ, кресты далекихъ и близкихъ церквей, широкое небо, сталъ твердить «Roma, Roma», пока звуки не утратили для него значенья и что-то влилось въ душу огромное, какъ небо или куполь церкви, гдѣ и ангелы и мученики—блистающій клиръ, и какіе-то папы и начетники, и милая Марина, и бѣдная

тетушка, и Соня, и Викторъ, и самъ Іосифъ,
и онъ, Андрей, какъ архангелъ, и снѣгъ
на горахъ, и трава на могилахъ, и кресты на
далекихъ, чудныхъ и близкихъ, съ дѣтства
знакомыхъ, церквахъ.

КОНЕЦЪ

М. Кузмин ок. 1890 г.

М. Кузмин ок. 1900 г.

ПРИМЕЧАНИЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ

Вторая книга рассказов.

Вышла в изд-ве «Скорпион» в 1910 г.

Подвиги Великого Александра. Впервые в ж. *Весы* 1909/1:19-41 и 1909/2:17-34:

- 16,5 сн. Александр потребовал, чтобы открыли
[опечатка?]
17,4-5 косясь глазами
27,5 сн. Александр сам ринулся
65,5-6 в сопровождении толп и трубных звуков
67,3-4 факелах, ронявших пламенные слезы,
при чем Александр
75,4-5 Этою головою, наводящей ужас
77,10 оловянный сосуд

К XX-летию литературной деятельности Михаила Алексеевича Кузмина [Л. 1925] приводит издание повести отдельной книгой: «Венок», М. 1918. Нам ее не удалось достать.

Повесть об Елевсиппе, рассказанная им самим. Впервые в ж. *Золотое руно* 1906/11-12:68-79:

- 84,4-5 гораздо позднее, но, увы, слишком
95,13-14 далекий от мысли, что я вижу его в последний раз
99,8 о родине, о Лимнантис
102,21 И Ликофрон встал
107,6 от пара жирной дичи [видимо, опечатка]

- 107,26-27 что бы я ни пожелала!
 113,5 мы, хозяином награжденные
 113,16 вмещавших и наши пожитки
 116,11-12 я при помощи соседей узнал
 116,18 привычка долго думать [видимо, опечатка]
 122,18-19 разлука приходит
 124,15-16 что он казался раненым
 129,21 Я открыл красильню пурпуром тканей

Нежный Иосиф. Впервые в ж. *Золотое руно* за 1909, №№ 1 (стр. 49-55), 2-3 (58-76), 4 (37-50), 5 (35-44), 6 (42-56, 7-9 (104-125) и 10 (19-27), с подзаголовком «повесть в трех частях» и полным именем в посвящении: Сергею Сергеевичу Познякову:

- 137,3 А как же Марина?
 137,14-15 женщина в темном платье, белом платке
 164,5 сн. Чтобы ваши глаза не глядели,
 181,13 как и предсказывал отец Петр.
 257,15 с усмешкой молвила гостя,
 263,10-11 и неоплаченными долгами,
 301(12 сн.)-311 Кусок от слов «—Но чего Вы боитесь, милая,» до начала VI главы в журнальной публикации отсутствует.
 335, 9 сн. — Чудно, дяденька, а!
 337,14 сн. Марина Парамоновна!
 (также 340,6-7)
 356,10 — Но холодом от него так и несет.
 366,6 Севши у того же окна, откуда только что смотрела Марина на вечернее небо, Соня начала:

369,1-3 сн. Последний абзац в журнальной публикации напечатан так: —Тогда что же? — молитвы как заклинанья, таинства как колдовство, не святость, не откровение дают их?

370,1 абзац Этот абзац в журн. публикации напечатан так: [...] в молитвах — большая [...] призывающая; [...] колдовство, — [...] дурного? [...] таинственное — Таинства. [...] человек [...] крещением — [...] крещением — покаянием [...] соединения [...] причащением — [...] людям, начитанным в писании [...] «требами» [...] таинственно, мимо него для этого [...] но и сила для нас безмерна.

370,3-4 сн. благодать их несказанна,

371,13 сн. сначала колебался

373,12-13 не получая их,

374,5 Иосиф, но та продолжала.

374,7 часть из этого наследства,

374,13 трубить о своем великодушии [вндимо, опечатка]

374,17 А Фонвизин едет с вами?

374,2 сн. , не сумевшая

375,16 милые, сказала Нелли [и после этого абзац продолжается]

375, 6 сн. Нелли, и присовокупила: — потом все это дело было исключительно для пользы Жозефа

375,5 сн. Петр Павлович начал

375,3 сн. прервала его, сказав:

376,4-5 записан нашим секретарем?

377,16 вдруг рассмеялась, говоря:

- 377,18 старалась разглядеть,
379,4-5 на могилах [опечатка?]
381,12 сн. вас оставить тоже,
382,3 сн. в церквах поминовенья
383,10 сн. Когда стих голос
384,6-7 В журнальной публикации нет строки:
«Тот, не спуская глаз...ответил».
385,2 сн. — блистающий хор,

СОДЕРЖАНИЕ

Подвиги Великого Александра. Повесть в четырёх книгах	1
Повесть об Елевсиппе	81
Нежный Иосиф. Повесть в четырёх частях	133
Примечания	387

Kuzmin, Mikhail Alekseevich, 1872–1936.
Proza.

ПОПРАВКА

В «Предисловии» к первому тому *Прозы* Кузмина, на стран. VI в 1-ой строке, следует исправить «шестой том» на «седьмой том» и «в седьмом» на «в восьмом».

ISBN 0-933884-42-7